

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

**СОЦИОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА.
ПСИХОЛОГИЯ**

Том 9 (75). № 4

**Симферополь
2023**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

СОЦИОЛОГИЯ
ПЕДАГОГИКА
ПСИХОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 9 (75). № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77 – 61813 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

**Учредитель и издатель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.
Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 6 от 08.09.2023 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии, 5.3.8. Коррекционная психология и дефектология (психологические науки), 5.4.1. Теория, методология и история социологии, 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.5. Политическая социология, 5.4.6. Социология культуры, 5.4.7. Социология управления (социологические науки), 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования, 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования), 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки). Журнал включен в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и CrossRef (DOI).

**Редакционная коллегия журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Социология. Педагогика. Психология»:**

Главный редактор – Черный Евгений Владимирович, д-р психол. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Технический редактор – Расина Эвелина Османовна (Симферополь)

Андреев А. С.	д-р психол. н., доцент, КИПУ им. Февзи Якубова (Симферополь)
Волков Ю. Г.	д-р филос. н., проф., ИППК ЮФУ (Ростов-на-Дону)
Глузман А. В.	д-р пед. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Горбунова Н. В.	д-р пед. н., проф., ИПШИО ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Зябкина И. В.	канд. психол. н., доцент, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Калина Н. Ф.	д-р психол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лучинкина А. И.	д-р психол. н., доцент, КИПУ им. Февзи Якубова (Симферополь)
Павленко В. Б.	д-р биол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Пономарева Е. Ю.	канд. психол. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Редькина Л. И.	д-р пед. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Серигов А. В.	канд. социол. н., доцент, ИСР ЮФУ (Ростов-на-Дону)
Силласте Г. Г.	д-р филос. н., проф., Финансовый ун-т при Правительстве РФ (Москва)
Скоробогатова М. Р.	д-р пед. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Хриенко Т. В.	д-р социол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Шоркин А. Д.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Шушара Т. В.	д-р пед. н., доцент, ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Щербакова Л. И.	д-р социол. н., проф., ЮРГПУ им. М. И. Платова (Новочеркасск)
Якса Н. В.	д-р пед. н., проф., КРИППО (Симферополь)

Контакты с редакционным советом журнала: E-mail: socpedpsy@mail.ru

Ответственный секретарь – Расина Э.О.

Адрес редакции 295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, корп. 2, ауд. 308. Сайт: <http://sn-spp.cfuv.ru>

Подписано в печать _____ 2023 г. Формат 70x100. Заказ № _____. Тираж 25. Бесплатно. Дата выхода в свет _____ 2023 г.

Отпечатано в Издательском доме Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

УДК 316.454.54

ДОВЕРИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Безрукова О.В.

*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
E-mail: obezrukovva@yandex.ru*

Некоммерческие организации (далее – НКО) являются важным направлением развития социальной сферы в Российской Федерации, поскольку их деятельность сопряжена с решением ряда проблем в системе социального обслуживания граждан. Большое значение приобретают вопросы повышения эффективности некоммерческих организаций через поиск возможностей использования их внутреннего потенциала и обеспечения взаимовыгодного сотрудничества с партнерами в рамках межсекторного взаимодействия. В статье показано, что категория социального капитала позволит стать ресурсом повышения эффективности деятельности НКО. Обзор научной литературы позволяет утверждать, что в настоящее время учеными разрабатывается тематика ресурсного потенциала НКО, однако проблематика социального капитала как ресурса развития НКО раскрыта в недостаточной мере. Целью данной статьи является анализ сложившихся в научной литературе теоретико-методологических подходов к раскрытию содержания понятия «социальный капитал» применительно к некоммерческим организациям, а также анализируется роль доверия, как важного элемента социального капитала, способствующего его накоплению. Анализ научной литературы осуществляется с использованием дескриптивного, диахронического, аксиоматического методов анализа научных публикаций.

Ключевые слова: социальный капитал, некоммерческие организации, доверие, ресурсный потенциал, социальные связи

ВВЕДЕНИЕ

Поддержка некоммерческих организаций (далее – НКО) являются одним из важных направлений социальной политики государства, поскольку их деятельность направлена на решение ряда проблем социальной сферы и развитие гражданского общества. Организации «третьего» сектора выступают партнером государственных структур по привлечению дополнительных ресурсов для решения задач социальной политики, ввиду их способности оперативно реагировать на возникающие проблемы. В связи с этим государство содействует созданию благоприятных условий для развития НКО, что проявляется в обеспечении и укреплении нормативно-правовых, финансовых, материально-технических и других ресурсов, формировании условий межсекторного партнерства государства, бизнеса, и организаций некоммерческого сектора [1].

В научной литературе современный некоммерческий сектор рассматривается как объединение, состоящее из разного рода общественных связей и

взаимодействий, формирующее собственный социальный капитал, который становится важным ресурсом в решении проблем местных групп населения [2]. Так, ученые связывают рост социального капитала с категорией доверия, существующей в системе связей. Для некоммерческих организаций развитие и эффективное функционирование невозможно без активной поддержки и привлечения к участию партнеров (населения, органов власти, представителей бизнеса и других), которое строится на основе доверия к этим организациям, что влияет на их ресурсный потенциал в контексте роста социального капитала. В этом отношении категория социального капитала, разрабатываемая в научной литературе со второй половины 20 века, методологически ориентирует на постановку проблемы: какое место в структуре социального капитала НКО занимает доверие? Вместе с тем, в научной литературе недостаточно разработано само понятие социального капитала некоммерческих организаций как системы внешних и внутренних связей и взаимодействий, определяющих ресурсный потенциал организации и сектора в целом. **Целью данной статьи** является концептуализация доверия как системообразующего элемента социального капитала некоммерческих организаций. Предметная область статьи сфокусирована на теоретико-методологических подходах к изучению категории доверия и ее ресурсного потенциала в контексте социального капитала НКО, представленных в научных публикациях зарубежных и отечественных ученых. Используются дескриптивный, диахронический, аксиоматический методы анализа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Концептуальные основы социального капитала

Понятие категории социального капитала представляет интерес со стороны ученых различных областей наук. Существует широкий диапазон подходов к определению данного понятия, которое обобщенно можно представить, как «особый вид капитала, не использующего в качестве своего источника материальные ресурсы и представляющего собой связи и отношения между людьми, основанные на взаимном ожидании определенного поведения, взаимных обязательствах и доверии». Согласно данной трактовке следует, что социальные сети и доверие служат ресурсной основой социального капитала, на основе которых участники взаимодействия могут получить определенные блага. То есть исследуемый феномен является производной силой групповой солидарности и практик доверия [3]. В тоже время отечественные и зарубежные ученые не пришли к единому мнению относительно составляющих элементов социального капитала, что объясняется многоаспектностью самой изучаемой категории, а также сложностью ее количественной и качественной оценки.

Значительный вклад в изучение социального капитала внесли Бурдье П., Патнэм Р. и Коулман Дж.. Согласно Бурдье П. социальный капитал представлен совокупностью ресурсов, которые связаны сетью устойчивых отношений между индивидами, целью которых является накопление и получение взаимной выгоды [4]. Патнэм Р. предложил собственное определение: «Социальный капитал — это

связи между индивидуумами, социальные сети и нормы взаимности, которые из упомянутых сетей проистекают. Когда доверие и социальные сети хорошо развиты, индивиды, бизнес, регионы процветают» [3]. В концепции Коулмана Дж. социальный капитал рассматривается как определенный вид ресурса, способствующий деятельности индивида, который преследует свои цели через социальный обмен ресурсами [5].

Американский социолог Фукуяма Ф. в своих исследованиях акцентировал, что социальный капитал является результатом наличия доверия между членами общества, который может проявляться в любых социальных группах. По его мнению, наиболее устойчивыми являются объединения индивидов, где присутствует определенное морально-нравственное согласие. При наличии данных условий такие сообщества могут обходиться без правового регулирования внутренних отношений, снижая тем самым транзакционные издержки [6]. Другой исследователь социального капитала Портес А. указывал на его накопительный характер. Причем накопление происходит не столько на индивидуальном уровне, сколько посредством характера той сети социальных отношений, в которую включен индивид [7].

Зарубежные ученые также дифференцируют формы и структуру социального капитала. Патнэм Р. выделил два вида социального капитала – соединяющий (объединение индивидов, принадлежащих к разным социальным группам) и охватывающий (объединение внутри одной социальной группы) [3]. Джонатан Тернер предложил трехуровневую модель социального капитала: макроуровень (объединение членов общества для решения ключевых вопросов производства), мезоуровень (корпоративные элементы человеческого капитала членов группы), микроуровень (личные взаимоотношения индивидов в рамках социальных общностей) [8]. Исследователи Хэмпфер К. и Кизилова К. А. трактуют социальный капитал как совокупность качественных характеристик социального взаимодействия, также отмечая при этом накопительный характер исследуемой категории. Авторы разработали структуру социального капитала, включающего такие элементы как: доверие (существующее, межличностное, генерализованное, институциональное), социальные сети взаимодействий акторов, социальные нормы [9].

В отечественной социологии категория социального капитала нашла свое отражение в работах Радаева В. В., Тихоновой Н. Е., Шихирева П. Н. и Дискаина И. Е.. По мнению Радаева В. В., социальный капитал составляет определенная совокупность отношений, которые связаны с ожиданием выполнения обязательств участниками взаимодействия [10]. Согласно Тихоновой, социальный капитал – это один из ресурсов человека, характеризующийся степенью имеющихся у него социальных сетей [11]. С позиции Шихирева П. Н., социальный капитал состоит из определенных социальных связей, которые состоят из отдельных элементов: субъекты взаимодействия, акторы, относительно устойчивые связи, субъективные оценки этих связей в зависимости от позиций в системе связей, принятые акторами правила взаимодействия. Также, Шихирев П. Н. в работе «Природа социального капитала: социально-психологический подход» указывает на управленческую

составляющую доверия, как одного из элементов механизма управления. По его мнению, управление организацией во многом зависит от доверия между сотрудниками и руководством организации [12].

Относительно изучения социального капитала на уровне отдельных организаций, зарубежные исследователи Нахапет и Гхошал выделили внутренний и внешний социальный капитал организации. Внутренний социальный капитал организации показывает взаимные социальные отношения членов организации, который проявляется через доверие и солидарность сотрудников организации, их внутренние формальные и неформальные отношения, сеть межличностных взаимодействий. При этом они отмечают, что внутренний социальный капитал выступает определенным ресурсом накопления человеческого капитала сотрудника в форме компетенций и репутации, который может повлиять на внешний социальный капитал организации [13].

Однако репутация самой организации значительно связана с ее включенностью в сеть партнерских отношений. Учеными отмечено, что включенность организации в сеть взаимодействий в условиях межсекторного партнерства носит системный характер. При этом регуляция отношений осуществляется посредством формальных и неформальных правил и норм, что помогает использовать ресурсы партнеров и уменьшать транзакционные издержки. Помимо правил и норм, значительную роль в партнерском взаимодействии играет доверие. Дэвис и Барткус акцентировали внимание на том, что партнерские сети открываются для организаций, обладающих высоким уровнем доверия. По мнению Берта, внешний социальный капитал служит связующим звеном организации с другими институтами внешней среды. Уровень внешнего социального капитала характеризуется не только специфическими особенностями организации, но и свойствами внешней среды: институциональные структуры, экономические и социальные факторы и другое. В этом отношении фокус ответственности на формирование благоприятных условий внешней среды для организации ложится на государственные институты [14].

Российские исследователи Олимпиева И. Б., Кондаков А. А., Ежова Л. В., Слободской А. Л. выделяют похожую методологическую конструкцию социального капитала организации. В своей работе указывают на то, что исследование социального капитала организации возможно на трех уровнях: внутриорганизационный (характер взаимоотношений между членами организации); внешнеорганизационный (взаимоотношения организации с институциональными организациями, бизнес-партнерами, социальной и культурной средой); индивидуальный (личный социальный капитал каждого члена организации). При этом авторы в предложенной модели выделяют три основных компонента социального капитала: доверие, сети социального взаимодействия и нормы. Каждый из компонентов обладает собственным набором индикаторов и инструментарием, что позволит его оценить в зависимости от определения респондентами той или иной ситуации в структурном подразделении или организации в целом [14].

Таким образом, следует, что зарубежные и отечественные социологи раскрывают понятие социального капитала через показатели сетевых социальных

связей, доверия и обязательств, которые подлежат измерению как на внешнем, так и внутреннем уровне организаций.

2. Социальный капитал некоммерческих организаций

В отношении НКО социальный капитал представлен в недостаточной степени, но изучение его отдельных составляющих достаточно широко содержится в работах отечественных исследователей. Так, сотрудники Центра исследования гражданского и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ (Якобсон Л. И., Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. и др.) занимаются изучением проблем ресурсного потенциала организаций «третьего» сектора, уделяя внимание практикам повышения эффективности их деятельности на общероссийском уровне. Исследования Центра посвящены рассмотрению проблематики доверия населения к некоммерческим организациям, а также аспектам взаимодействия НКО и волонтерства. В работах подчеркивается потребность в дополнительных мероприятиях по расширению вовлечения населения в деятельность некоммерческих организаций путем укрепления доверия к ним [1].

Проблемы ресурсного потенциала некоммерческих организаций на региональном уровне активно исследуется сотрудниками Вологодского центра научных исследований РАН (Косыгина К. Е., Артамонова А. С.), где достаточное внимание уделено кадровым и финансовым ресурсам НКО [15; 16].

Понятие социального капитала некоммерческих организаций рассмотрено в работах Шильковой В. В., Трескина П. А., Каюмовой Л. Х., Панченко О. Л.

Шилькова В. В. проанализировала современные процессы институционализации в некоммерческом секторе в целевом формате социального капитала. По ее мнению, именно сегмент некоммерческого сектора является местом максимальной концентрации социального капитала, который определяет высокую социальную эффективность деятельности таких НКО, конкурентные преимущества формы межсекторного партнерства с участием этих некоммерческих организаций [17].

В работе Трескина П. А. представлена специфика формирования социального капитала у некоммерческих организаций Прибайкалья и Забайкалья. На эмпирическом материале он выделил, что социальный капитал некоммерческой организации складывается из активной и продуктивной деятельности в социальной среде, являясь при этом способом самореализации индивида. Иными словами, человеческий капитал сотрудников некоммерческих организаций напрямую связан с социальным капиталом НКО. Важным условием функционирования являются социальные сети самой НКО и ее сотрудников. Для всех респондентов участие в деятельности общественной организации обусловлено дихотомией мотивов — это служение обществу и получение личного социального престижа, социальных связей, общественного признания и уважения, т. е. все то, что входит в социальный капитал человека. В данном случае именно НКО выступает инструментом достижения личных целей [18].

Каюмова Л. Х. исследовала социальный капитал НКО на основе сетевого и коммуникативного подходов. Автор рассматривает социальный капитал организаций некоммерческого сектора как совокупность способностей организаций к формированию сетей неформального взаимодействия, значительно расширяющих

возможности организаций и повышающих уровень доверия к их деятельности населения, а также представителей других секторов общества [19]. При этом Каюмова Л. Х. отводит ведущую роль категории социальных сетей, оказывающих прямое влияние на повышение доверия социальных субъектов к НКО. Панченко О. Л. на примере некоммерческих организаций исследует социальный капитал региона как важного фактора развития гражданского общества. На основе комплексного подхода автор обосновывает категории доверия и солидарности как важные индикаторы социального капитала, что представляет особое практическое значение для разработки методики измерения социального капитала.

Таким образом, из вышеприведенного анализа следует, что в научной литературе широко представлена проблематика некоммерческого сектора на федеральном и региональном уровнях. Предметом исследований российских ученых являются общественные практики институциональной среды организаций некоммерческого сектора, однако, вместе с тем наблюдается недостаточность исследований, посвященных изучению социального капитала НКО. В основном массиве подобных исследований, социальный капитал рассматривается как некая совокупность ресурсов некоммерческой организации, оказывающих влияние на формирование социальных связей, которые строятся на основании доверия субъектов внешней среды и расширяют возможности при реализации деятельности. При этом изучение внутренней структуры социального капитала некоммерческой организации в работах ученых представлено слабо. В основном исследования ученых сосредоточены на изучении межсекторальных сетевых отношений и доверии внешних субъектов к НКО. Но вместе с тем, особую актуальность приобретает изучение социального капитала НКО на внутриорганизационном уровне, поскольку социальный капитал организации представляет собой более сложное структурное образование. Основными элементами внутриорганизационного капитала могут быть существующие нормы и ценности членов НКО и их соответствие целям организации, индивидуальный социальный капитал каждого сотрудника, а также доверие между работниками организации как условие групповой солидарности и кооперации при реализации деятельности. Безусловно, в содержание социального капитала организации могут входить и иные дополнительные элементы в рамках конкретных эмпирических исследований. Тем не менее, исследование социального капитала НКО на внутреннем уровне позволило было на практическом материале установить степень взаимозависимости внутриорганизационного социального капитала НКО на построение внешних сетевых взаимодействий и доверия к организации в условиях межсекторного партнерства, открывающих доступ к дополнительным ресурсам и снижающих транзакционные издержки.

3. Категория доверия как системообразующего элемента социального капитала НКО

Трактовки понятия «доверия» варьируются в зависимости от ракурса исследования. Ряд исследователей отмечают наличие методологических противоречий относительно природы доверия и особенностей его трансформации в условиях функционирования общества. Тем не менее, доверие является важнейшим

компонентом наличия устойчивости социальных отношений субъектов социального действия, определяющим уровень их интеграции и солидарности.

В классической социологии категория доверия берет свое начало в трудах Гоббса и Локка, определявших доверие как продукт общественного сознания для решения проблемы социального порядка. Доверие как категория межличностного общения и причина формирования малых групп дополнялась понятием социального доверия как внутри группы, так и между ними. В дальнейшем Ф. Теннис в своих работах указывал, что доверие проявляется в двух состояниях, в зависимости от видов социальных отношений в обществе. Первое состояние – *gemeinschaft* – в рамках «общности», где доверие строится на основе отношений личной дружбы и сущностном знании друг друга. В рамках «общества» (*gesellschaft*) доверие возникает как следствие рациональной воли и носит характер обезличенный, то есть складывается в результате растущей экономической взаимозависимости и профессионализации людей [20]. Личное доверие выступает основным компонентом в развитии интеграционных процессов, особенно важным в условиях трансформирующегося общества.

Развивая положения Тенниса Ф., Дюркгейм Э. в своей концепции механической и органической солидарности отмечает, что в процессе перехода от традиционного общества к современному меняется и тип доверия: персонифицированное (личностное) сменяется институциональным (обезличенным), что детерминируется условиями внешней социальной среды. При этом в качестве объекта доверия устанавливаются социальные институты и организации в целом, а не конкретные индивиды [21].

Вебер М. выделил иное разделение социальных отношений – отношения, основанные на субъективной сплоченности участников, и отношения, основанные на рациональном объединении интересов участников. Вебер М. определял доверие как ключевой показатель в формировании общественных связей, как важную синтезирующую силу в обществе [22]. О том, что доверие является ключевой точкой рациональных действий успешного взаимодействия индивидов указывал и Юнг К. в своей работе «Трактат о человеческой природе».

Парсонс Т. и Луман Н. также рассматривали доверие с позиции конструирования социального порядка и различных социальных интеракций. Так, по мнению Парсонса Т., общество ожидает от акторов добросовестного выполнения своих социальных ролей. Именно доверие помогает сохранять существующую общественную стабильность, посредством реализации функции обмена ресурсами между подсистемами общества. В этом плане стоит обратить внимание на позицию Лумана Н., определявшего доверие как социальный механизм и особый вид рационализма, который управляет неопределенностью социальных отношений и снижает риск [23]. Таким образом, в теоретических положениях ученых прослеживается взаимосвязь между доверием и принципом солидарности во взаимодействии индивидов друг с другом. Само наличие доверия между акторами указывает на устойчивость социальных отношений между ними, позволяющими снизить риск взаимодействия.

Гидденс Э. определял два вида доверия – доверие между индивидами или доверие к управляющим социальным системам. Согласно результатам его исследования, организации, обладающие высоким уровнем внутриорганизационного доверия, как правило, предоставляют большую свободу в выборе содержания работы [24].

В современной социологической мысли вектор исследований категории доверия сместился различные аспекты данного явления, поскольку оно трудно поддается концептуальному теоретическому описанию и зависит от придаваемого ему контекстного и ситуационного смысла. В рамках теории социального капитала, проблема доверия нашла свое отражение в многочисленных исследованиях. Д. Коулман в рамках своей теории социального капитала разработал концепцию «кредита добрых дел». Он определял доверие как один из типов рационального социального действия, которое возникает как некий аванс в ожидании встречной услуги. Чем больше обязательств, или «кредитов», к исполнению накоплено, тем выше уровень социального капитала [5].

Фукуяма Ф. в работе «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» определяет исследуемую нами категорию как возникающее у членов сообщества ожидание относительно поведения друг друга в соответствии с некоторыми общими нормами [25]. В данном случае позиция Фукуямы схожа с трактовкой Парсонса Т., и в полной мере демонстрирует понимание доверия как категории, связанной с социальными общностями и имеющимися в них нормами. В зависимости от уровня доверия, в том или ином обществе будет соответствующий уровень социального капитала, который обуславливает экономический рост общества. Чем шире радиус доверия в социальной общности, тем выше экономическая эффективность.

Как и в отношении изучения социального капитала НКО, исследований, посвященных проблематике доверия к НКО немногочисленны. Как уже было сказано выше, плотно исследованием проблемы доверия населения к некоммерческим организациям занимается Центр исследования гражданского и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Сотрудниками Центра в рамках проекта «Мониторинга состояния гражданского общества» системно исследуются проблемы некоммерческих организаций, в том числе через призму доверия и недоверия населения и государства к организациям НКО на общероссийском материале. Мерсиянова И. В. определяет доверие к НКО как совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий в отношении деятельности негосударственных некоммерческих организаций. Таким образом, позиция автора склоняется к пониманию доверия как категории ожидания поведения или отношения от других индивидов и общественных систем (Барбер Б., Гарфинкель Х., Луман Н. и др.). По мнению автора, доверие служит фундаментом самоорганизации индивидов и основанием для дальнейшего социального взаимодействия, в зависимости от уровня социальной интеграции и коммуникации. Доверие в данном случае функционально воспроизводит социальную структуру на основе повседневных практик гражданского общества, обеспечивающих устойчивость функционирования института гражданского общества [26].

Михеев В. А. трактует доверие как отношение к действиям другого лица, группы лиц, институтов (власти, бизнеса, гражданского общества), основанное на убежденности в законности, правоте, честности, предполагающее взаимную ответственность, проверку опытом и практикой. Автор выделяет ряд критериев, объективно влияющих на доверие в рамках контекстуального и ситуационного содержания: репутация, результаты деятельности, уровень достижений, а также внешний вид, реквизиты, символы, которыми пользуются тот или иной институт, группа людей или индивид [28].

Бабичев И. В. и Демина С. В., анализируя социолого-управленческий аспект деятельности НКО, обратили внимание на ограниченность ресурсов организаций некоммерческого сектора с точки зрения их человеческого потенциала. Авторы указывают на проблему отвлечения руководителями и сотрудниками НКО от выполнения своей миссии на исполнение административных функций. В связи с этим приобретает актуальность необходимость вовлечения волонтеров к деятельности НКО при помощи построения доверия. Доверие выступает в качестве катализатора социальных взаимодействий граждан в рамках включения общественности в работу НКО [29].

На региональном уровне представлен широкий массив исследований уровня доверия к некоммерческим организациям. Ряд исследователей (Самойлова А. Н., Михнева С. Г., Вайсбург А. В. и др.) указывают на невозможность развития и эффективной деятельности некоммерческих организаций без активной поддержки и привлечения к участию населения. Однако, большинство исследователей отмечают низкий уровень активности населения в деятельности НКО, причиной чему служит недостаточный уровень доверия к деятельности организаций некоммерческого сектора, обусловленный недостаточным уровнем информированности о направлениях деятельности НКО и механизмах их функционирования [29; 30; 31].

Часть исследований посвящены изучению уровня доверия населения к социально ориентированным некоммерческим организациям, которые сосредоточены в измерении отношения граждан к данным организациям. В исследовании Михневой С. Г., Супкиова В. Н., Юрасова И. А., Юрасовой О. Н. было выявлено негативное отношение большинства жителей Пензенского региона к деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Причины этого отношения – слабая информированность населения об их деятельности, слабая гражданская активность жителей Пензы и другие альтернативные формы гражданской активности в провинциальном городе [30].

В отношении изучения категории доверия к социально ориентированным некоммерческим организациям примечательным является исследование Лига Е. Н. Автор указывает на институциональный характер доверия, реализующийся на нескольких уровнях: первый уровень – это доверие целевой аудитории к субъекту; второй уровень – доверие органов государственной власти к субъекту; третий уровень – это доверие представителей социального предпринимательства и бизнеса; и, наконец, четвертый уровень проявляется в отношении доверия добровольцев и волонтеров к участию в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Лига Е. Н. выделяет ряд элементов, помогающих измерить уровень

доверия к социально ориентированным некоммерческим организациям: состояние социальных институтов, развитие человеческого потенциала, социальная структура общества, включающая в себя социальные кластеры с разным уровнем жизни: нищета, бедность, нормальный и элитарный [32]. Данная работа представляет практический интерес для разработки методики измерения доверия как важной составляющей социального капитала НКО.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что категория доверия как важный составляющий элемент социального капитала существует на нескольких уровнях применительно к организациям: на внутриорганизационном (например, доверие между сотрудниками) и на внешнеорганизационном уровне (доверие между партнерами и получателями услуг). Применительно к НКО, категория доверия представлена исследователями в контексте отношения субъектов межсекторного партнерства к конкретной некоммерческой организации – со стороны благополучателей услуг, органов государственной власти, представителей бизнеса и населения. Доверие является важной составляющей эффективной деятельности организации, поскольку отражает уровень, качество и частоту социальных связей НКО. Недостаточный уровень доверия к НКО резко снижает количество социальных взаимодействий участников, что неизбежно ведет к понижению активности организации. Доверие можно рассматривать как системообразующий элемент социального капитала, поскольку оно является необходимым условием для мобилизации дополнительных ресурсов социально-сетевых отношений индивидов в рамках исполнения задач, стоящих перед организациями «третьего сектора».

ВЫВОДЫ

Проведенный теоретический анализ научной литературы позволяет сделать следующие выводы:

- трактовки социального капитала применительно к некоммерческому сектору основываются на основных положениях классических концепций социального капитала. Социальный капитал некоммерческих организаций может рассматриваться как совокупность ресурсов организации, способствующих расширению ее возможностей при реализации эффективной деятельности. Данные ресурсы некоммерческих организаций использует при построении сетей социальных взаимодействий в условиях межсекторного партнерства на основании доверия, что приводит к снижению определенных транзакционных издержек.

- категория доверия является важной составляющей социального капитала, поскольку любое социальное взаимодействие некоммерческих организаций с партнерами, благополучателями услуг, волонтерами и населением строится именно на базе имеющихся доверительных отношений. Дефицит доверия может изменить полностью характер взаимоотношений между участниками межсекторного партнерства, повышая уровень затрат организации на выполнение социально-значимых функций.

- социальный капитал некоммерческой организации и доверие как его системообразующий элемент являются необходимым условием в процессе реализации деятельности. Кроме того, представляется важным исследовать

социальный капитал НКО в разрезе внутреннего и внешнего социального капитала в отношении уровня доверия. Внутренний социальный капитал НКО тесно связан с организационной структурой организации (доверие сотрудников между собой, нормы и мотивы деятельности) и индивидуальным социальным капиталом каждого сотрудника, что оказывает влияние на внешний социальный капитал и уровень доверия к организации со стороны партнеров. Внешний социальный капитал отражает репутацию организации во внешней среде, доверие к ней со стороны населения, органов власти, представителей бизнеса, целевой аудитории и иных НКО. Таким образом, социальный капитал некоммерческих организаций может быть воспринят как социально-профессиональный феномен, возникающий внутри профессиональной группы представителей некоммерческого сектора, необходимый в целях партнерского взаимодействия и взаимопомощи.

Подводя итог, можно отметить, что доверие является системообразующим элементом социального капитала НКО, поскольку именно оно способствует формированию и развитию сети социальных отношений, повышает продуктивность организации в реализации собственных задач и эффективность функционирования. Изучение роли доверия в рамках социального капитала НКО является актуальной темой, так как именно эти две категории определяют устойчивую работу организаций некоммерческого сектора в решении вопросов социальной сферы, и способствуют развитию гражданского общества.

Список литературы

1. Урбан О. А. Концептуальные основы исследования социального капитала социально ориентированных некоммерческих организаций / О. А. Урбан, О. В. Безрукова // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 12. – С. 14-19.
2. Рогач О. В. Социальный капитал: новые возможности развития местных сообществ / О. В. Рогач // Социодинамика. – 2019. – № 9. – С. 25-39. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-novye-vozmozhnosti-razvitiya-mestnyh-soobshchestv/viewer> (Дата обращения 24.12.2022).
3. Яшкова М. Р. Социальный капитал: эволюция концепта / М. Р. Яшкова // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 119 НЗ 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/119_nz_3_2018/article/19930/ (Дата обращения 19.12.2022).
4. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. № 5. – С. 60–74.
5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121-139.
6. Басс А. Я. Социальный капитал Фрэнсиса Фукуямы и российская действительность / А. Я. Басс, Н. С. Ермашкевич // Идеи и идеалы. – 2010. – № 2 (4), Т. 1. – С. 85-93.
7. Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology / A. Portes. // Annu. Rev. Sociol. – 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://faculty.washington.edu/matsueda/courses/590/Readings/Portes%20Social%20Capital%201998.pdf> (Дата обращения 19.12.2022).
8. Резанова Е. В. Социальный капитал организации: теоретико-методологические аспекты исследования [Электронный ресурс] / Е. В. Резанова // Научные ведомости Белгородского Государственного университета. – 2009. – № 2 (57). – С. 120-125. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/74327611.pdf> (Дата обращения: 25.12.2022).

9. Херпфер К. Социальный капитал как фактор социально-экономического и политического развития стран постсоветской Евразии / К. Херпфер, К.А. Кизилова // Социология. – 2016. – № 1. – С. 17-38.
10. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 4. – С. 20-32.
10. Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 24-35.
11. Шихирев П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / П. Н. Шихирев. // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 17-32.
12. Lehtimäki H. Building organizational advantage: Social capital in multinational enterprises / H. Lehtimäki, K. Karintaus // Competitiveness Review An International Business Journal incorporating Journal of Global Competitiveness. 23(4/5). Pp. 314–329. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.researchgate.net/publication/263686785> (Дата обращения: 25.12.2022).
13. Олимпиева И. Б. Социальный капитал: аналитические подходы и возможности измерения на уровне организации / И. Б. Олимпиева, А. А. Кондаков, Л. В. Ежова, А. С. Слободской // Петербургская социология сегодня. – 2014. – № 5. – С. 10-51.
14. Косыгина К. Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций / К. Е. Косыгина // Проблемы развития территории. – 2018. – № 3 (95). – С. 107-121. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.7> (Дата обращения: 25.12.2022)
15. Артамонова А. С. Функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций в российских регионах / А. С. Артамонова // Проблемы развития территории. – 2018. – № 5 (97). – С. 55-67. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.4> (Дата обращения: 25.12.2022)
16. Шилькова В. В. Оценка институционализации некоммерческого сектора в целевом формате социального капитала / В. В. Шилькова // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова – 2016. – № 7. – С. 210-215.
17. Трескин П. А. Роль некоммерческих организаций в социально-политическом пространстве Байкальского региона / П. А. Трескин // Социология. – № 2. – 2018. – С. 131-137.
18. Каюмова Л. Х. Социальный капитал некоммерческих организаций как индикатор состояния гражданского общества / Л. Х. Каюмова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 192-202.
19. Ахтулов А. Л. Доверие как феномен социальной реальности / А. Л. Ахтулов, И. П. Гегедивш // Омский научный вестник. – 2014. – № 4 (131). – С. 32-36.
20. Барановский М. В. Феномен доверия в трудах «пионеров социологической мысли» / Барановский М. В. // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – № 4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK420.pdf> (Дата обращения: 26.12.2022)
21. Барановский М. В. Проблема доверия в социологии Макса Вебера: fides, вера, харизма / М. В. Барановский // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – № 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/18SCSK320.pdf> (Дата обращения: 26.12.2022)
22. Кривопусков В. В. Концептуализация доверия как социологического феномена / В. В. Кривопусков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – № 1 (113). – С. 112-117.
23. Э. Гидденс Судьба, риск, безопасность / Э. Гидденс // Thesis. – 1994. – Выпуск 5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://igiti.hse.ru/data/417/313/1234/5_2_1Gidd.pdf (Дата обращения: 5.01.2023)
24. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730 с.
25. Мерсиянова И. В. Доверие и недоверие в гражданском обществе / И. В. Мерсиянова // Ученые записки ИМЭИ. – 2012. – Том 2. – № 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://goo.su/ksgN8D> (Дата обращения: 05.01.2023)
26. Михеев В. А. Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия / В. А. Михеев // Власть. – 2017. – № 5. – С. 162-167.

27. Бабичев И. В. Деятельность НКО на рынке социальных услуг в оценках москвичей / И. В. Бабичев, С. В. Демина // Социальная политика и социология. – 2019. – Том 18. – № 4 (133). [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://rgsu.net/netcat_files/multifile/5219/13/SP_4_2019_V_PeChAT_.pdf (Дата обращения: 06.01.2023)
28. Самойлова А. Н. Оценка уровня доверия населения Псковской области к деятельности некоммерческих организаций / А. Н. Самойлова // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 25-1. – С. 118-123.
29. Михнева С. Г. Отношение жителей Пензенской области к деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций / С. Г. Михнева, В. Н. Супиков, И. А. Юрасов, О. Н. Юрасова // Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2017. – № 3 (43). – С. 148-155.
30. Вайсбург А. В. Анализ уровня информированности населения о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере города Твери) / А. В. Вайсбург // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 1. – С. 114-116.
31. Лига Е. Н. Институционализация социально-ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) / Е. Н. Лига // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 12. – С. 83–87.

TRUST AS AN ELEMENT OF THE SOCIAL CAPITAL OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Bezrukova O. V.

*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
E-mail: obezrukovvva@yandex.ru*

Non-profit organizations (hereinafter referred to as NPOs) are an important area of development of the social sphere in the Russian Federation, since their activities involve solving a number of problems in the system of social services for citizens. The issues of increasing the efficiency of NPOs through the search for opportunities to use their internal potential and ensure mutually beneficial cooperation with partners within the framework of intersectoral interaction are becoming important. The article shows that the category of social capital will make it possible to become a resource for improving the efficiency of NPOs. In the scientific literature, the modern non-profit sector is considered as an association consisting of various kinds of public relations and interactions, forming its own social capital, which becomes an important resource in solving the problems of local population groups. A review of scientific research by Russian authors allowed us to consider that currently scientists have widely presented the problems of the resource potential of NGOs, however, studies of social capital as a resource for the development of NPOs have not been sufficiently disclosed. At the same time, the scientific literature does not sufficiently represent the very concept of social capital of NPOs and its conceptualization at the regional level, limiting the possibilities of conducting regional empirical research and the formation of management practices for the application of research results. Scientists reveal the very concept of «social capital» through the category of trust existing in the system of connections. For NPOs, development and effective functioning is impossible without the active support and involvement of partners (the

population, authorities, business representatives and others), which is based on trust in these organizations, which affects their resource potential in the context of the growth of social capital. In this regard, the category of social capital, developed in the scientific literature since the second half of the 20th century, methodologically focuses on the formulation of the problem: what place does trust occupy in the structure of the social capital of NPOs?

The purpose of this article is to analyze the theoretical and methodological approaches developed in scientific publications of foreign and domestic scientists to the disclosure of the content of the concept of «social capital» in relation to non-profit organizations, also analyzes the place of trust as an important element of social capital contributing to its accumulation. The author concludes that trust has contributes to the formation and development of a network of social relations, increases the productivity of the organization in the implementation of its own tasks and the efficiency of functioning. The research of the role of trust within the social capital of NPOs is an urgent topic, because these two categories has determine the sustainable work of non-profit organizations in solving social issues, and contribute to the development of civil society. The analysis of scientific literature has carried out using descriptive, diachronic, axiomatic methods of analysis of scientific publications.

Keywords: social capital, non-profit organizations, trust, resource potential, social ties

References

1. Urban O.A., Bezrukova O.V., Conceptual foundations of the study of social capital of socially oriented non-profit organizations, *Theory and practice of social development*, **12**, 14 (2021).
2. Rogach O.V., Social capital: new opportunities for the development of local communities, *Sociodynamics*, **9**, 25 (2019). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-novye-vozmozhnosti-razvitiya-mestnyh-soobschestv/viewer>.
3. Yashkova M.R., Social capital: the evolution of the concept, *New literary review*, **119**, 3 (2018). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/119_nz_3_2018/article/19930.
4. Bourdieu P., Forms of capital, *Economic sociology*, **3** (5), 60 (2022).
5. Coleman J., Social and human capital, *Social Sciences and Modernity*, **3**, P. 121 (2001).
6. Bass A.Ya., Ermashkevich N.S., Francis Fukuyama's social capital and Russian reality, *Ideas and Ideals*, **2** (4), 1, 85 (2010).
7. Portes A. *Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology* (Annu. Rev. Sociol., 1998) Access mode: <https://faculty.washington.edu/matsueda/courses/590/Readings/Portes%20Social%20Capital%201998.pdf>
8. Rezanova E.V., Social capital of the organization: theoretical and methodological aspects of research, *Scientific Bulletin of Belgorod State University*, **2** (57), 120 (2009). Access mode: <https://core.ac.uk/download/pdf/74327611.pdf>
9. Herpfer K., Kizilova K.A., Social capital as a factor of socio-economic and political development of the countries of post-Soviet Eurasia, *Sociology*, **1**, 17 (2016).
10. Radaev V.V., The concept of capital, forms of capital and their conversion, *Economic Sociology*, **3** (4), 20 (2002).
11. Tikhonova N.E., Social capital as a factor of inequality, *Social Sciences and modernity*, **4**, 24 (2004).
12. Shikhirev P.N., The nature of social capital: socio-psychological approach, *Social sciences and modernity*, **2**, 17 (2003).
13. Hanna Lehtimäki, Katja Karintaus, Building organizational advantage: Social capital in multinational enterprises, *Competitiveness Review An International Business Journal incorporating Journal of Global Competitiveness*, **23**(4/5), 314. (2013). Access mode: <https://www.researchgate.net/publication/263686785>

14. Olympieva I.B., Kondakov A.A., Yezhova L.V., Slobodskoy A.S., Social capital: Analytical approaches and measurement possibilities at the organization level, *Petersburg Sociology today*, **5**, 10 (2014).
15. Kosygina K.E., Topical issues of development of socially oriented non-profit organizations, *Problems of territory development*, **3 (95)**, 107 (2018). Access mode: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.7>
16. Artamonova A.S., Functioning of socially oriented non-profit organizations in Russian regions, *Problems of territory development*, **5 (97)**, 55 (2018). Access mode: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.4>
17. Shilkova V.V., Evaluation of the institutionalization of the non-profit sector in the target format of social capital, *Bulletin of the V. G. Shukhov BSTU*, **7**, 210 (2016).
18. Treskin P.A., The role of non-profit organizations in the socio-political space of the Baikal region, *Sociology*, **2**, 131 (2018).
19. Kayumova L.H., Social capital of non-profit organizations as an indicator of the state of civil society, *Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*, **1 (33)**, 192 (2015).
20. Akhtulov A.L., Gegedov I.P. Trust as a phenomenon of social reality, *Omsk Scientific Bulletin*, **4 (131)**, 32 (2014).
21. Baranovsky M.V., The phenomenon of trust in the works of «pioneers of sociological thought», *Mir nauki. Sociology, philology, cultural studies*, **4** (2020). Access mode: <https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK420.pdf>
22. Baranovsky M.V., The problem of trust in Max Weber's sociology: fides, faith, charisma, *Mir nauki. Sociology, philology, cultural studies*, **3** (2020). Access mode: <https://sfk-mn.ru/PDF/18SCSK320.pdf>
23. Krivopuskov V.V., Conceptualization of trust as a sociological phenomenon, *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*. – **1 (113)**, 112 (2013).
24. Giddens E., Fate, risk, security, *Thesis*, **5** (1994). Access mode: https://igiti.hse.ru/data/417/313/1234/5_2_1Gidd.pdf
25. Fukuyama F., *Trust: The Social virtues and the Creation of Prosperity*, 730 p. (M.: LLC «Publishing House AST»: CJSC NPP «Ermak», 2004).
26. Mersyanova I.V., Trust and distrust in civil society, *Scientific notes of IMEI*, **2 (1)** (2012) Access mode: <https://goo.su/ksgN8D>
27. Mikheev V.A., Power and civil institutions: to the problem of trust and distrust, *Power*, **5**, 162 (2017).
28. Babichev I.V., Demina S.V., Activity of NGOs in the market of social services in the estimates of Muscovites, *Social policy and sociology*, **18 (4, 133)** (2019). Access mode: https://rgsu.net/netcat_files/multifile/5219/13/SP_4_2019_V_PEChAT_.pdf
29. Samoylova A.N., Assessment of the level of confidence of the population of the Pskov region in the activities of non-profit organizations, *Priority scientific directions: from theory to practice*, **25-1**, 118 (2016).
30. Mikhneva S.G., Supikov V.N., Yurasov I.A., Yurasova O.N., The attitude of residents of the Penza region to the activities of socially oriented non-profit organizations, *News of Higher educational institutions. Volga Region*, **3 (43)**, 148 (2017).
31. Vaisburg A.V., Analysis of the level of awareness of the population about the activities of socially oriented non-profit organizations (on the example of the city of Tver), *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, **1**, 114 (2021).

УДК 316.4.05

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА

Быченко Ю. Г.

*Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Россия
E-mail: bychenkoug@gmail.com*

Представлены пути совершенствования процесса формирования информационной культуры курсантов: 1) модернизация организации образовательного взаимодействия преподавателей и обучаемых (в новых условиях организация образовательного взаимодействия необходимо осуществлять на основе принципа информационной комплексности); 2) формирование практик партнерского взаимодействия преподавателя и обучаемых, а также новаторской насыщенности образовательных процессов (обработка информационных потоков, их ранжирование, оценка и интеграция должны стать неотъемлемой частью работы обучающихся); 3) повышение квалификации, инновационных компетенций преподавателей (развитие инновационной компетентности субъекта образовательного процесса, активизация развития у них аналитической культуры).

Ключевые слова: информационная культура, курсанты, военный институт, знания, умения, навыки, обработка информационных потоков.

ВВЕДЕНИЕ

Россия переходит к инновационному типу развития. Это определяет трансформацию культуры населения в целом и курсантов военных институтов в частности. В рамках отдельных военных образовательных организаций приоритет отдается оценке и развитию информационных потоков как важнейшего ресурса функционального развития. В этой связи наблюдается рост компьютерного обеспечения образовательных процессов, обновление инновационных методов и образовательных технологий, быстро меняется состав технических средств, оборудования, применяемого для организации образовательной и служебно-трудовой деятельности курсантов. Обучающиеся сегодня — это личности, способные не только осознавать процессы социальной среды, но и квалифицированно оценивать инновационные потоки, ориентироваться в объективных информационных изменениях, понимать и быть способными отражать информационные атаки, противостоять информационным технологиям гибридных военных воздействий, обеспечивать функциональную безопасность в научной, образовательной, служебно-трудовой инновационной сферах.

Достижение этой цели предполагает решения следующих **задач**: 1) проанализировать теоретические подходы исследования информационной культуры курсантов военного института; 2) конкретизировать показатели оценки сформированности информационной культуры курсантов; 3) представить пути совершенствования процесса формирования информационной культуры курсантов

военного института.

Цель статьи: разработка направлений совершенствования информационной культуры курсантов, социальных технологий, методов и средств формирования у обучающихся в военных институтах научно ориентированного мышления, новаторских ценностей, способностей собирать, оценивать, анализировать и формировать новые инновационные ресурсы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Теоретические основы исследуемой проблемы. Процесс формирования инновационной культуры курсантов в научной литературе исследуется на уровне двух концептуальных групп: 1) общей социологии; 2) военной социологии. Кратко рассмотрим идеи данных теоретических подходов.

В рамках общесоциологических доктрин исследуется информация как вид социального ресурса, позволяющий умножать профессиональный потенциал субъектов труда [1]. Тоффлер Э. обращает внимание на то, что внедрение информационных ресурсов, технологий и моделей трудового поведения позволяет повышать эффективность любого труда — научного, образовательного, производительного. Информационный ресурс призван трансформировать не только средства труда, но и культуру информационного поиска и профессионального действия [2, с. 47]. Парсонс Т. акцентирует внимание на то, что по мере обновления социальных отношений, меняется система образования, повышается роль научных структур, ориентирующихся на поиск и обработку информации. Создается новая информационная культура поведения, производятся символически образовательные культурно-информационные образцы профессионального действия. При этом комплексы, расположенные в организационной иерархии ниже, реализуют более существенный уровень физической энергии. Комплексы, расположенные в организационной иерархии выше, имеют более высокий уровень потребностей в информационных ресурсах [3, с. 72].

Бурдые П. объединяет концептуализацию социально-культурного пространства, а также доктрину символического информационного капитала. Он доказывает, что в пространстве организационных отношений реально осуществлять перемещения, в результате которого не только формируются информационные ценности, но и оплачивается инновационная работа, осуществляются творческие усилия, проявляется информационное напряжение. При этом символический информационный капитал является культурным капиталом, поскольку таковым его воспринимают акторы. Последние в новых условиях наделены перцепцией (способностью к пониманию), происходящей от инкорпорации системы его информационных способностей и потребностей [4].

Несложно заметить, что в рамках общесоциологической доктрины обосновывается процесс формирования инновационной культуры как объективная реальность и результат общей информатизации образовательных, научных и производственных процессов. Информатизация реализует различные функции в процессе деятельности социальных систем, важнейшая из которых связана с

становлением информационной культуры обучающихся, социальных групп, развитием новаторских технологий, увеличения результативности профессионального труда.

В рамках военной социологии уточняется специфика информационной культуры современного военнослужащего. Исследователями обосновывается сущность процесса формирования информационной культуры в военной организации как процесса развития личности. Данный процесс определяет, с одной стороны, освоение непосредственных информационных профессиональных практик военнослужащими, с другой — развитие принятых в российском обществе инновационных ценностей, традиций, совокупных норм, принципов творческой служебно-трудовой деятельности. Зиновьева Е. доказывает, что информационная культура военнослужащего прежде всего определяет знания, умения, навыки работы с информационными ресурсами. Данная культура отражает уровень способностей не только обработки информационных данных, но и компетенции по производству новых военно-профессиональных знаний и идей [5].

Ершов Д. акцентирует внимание на том, что в основе формирования информационной культуры курсантов лежит процесс освоения социальных норм, а также принципов отбора информационных ресурсов, умения осмысления и интеграции информационных массивов [6].

Дополняет данный подход социологи Саратовского военного института, которые обосновывают необходимость рассматривать совершенствование формирования информационной культуры курсантов как двойственный процесс [7]. С одной стороны, это отражает последовательные этапы становления ценностных приоритетов, образовательной, а также инновационной активности, умение работать с компьютером, творческое взаимодействие курсантов [8]. Здесь важны способности курсантов к творческому раскрепощению, умения создавать, обрабатывать и профессионально внедрять новые знания. С другой — это модернизация системы мотивации к инновационному творчеству, активизации научно-образовательного развития [9], а также саморазвития курсантов, формирование у них стремления к профессиональному росту в процессе образовательного взаимодействия.

Таким образом, в рамках концепций военной социологии обосновывается сущность процесса совершенствования информационной культуры курсантов как комплексная характеристика, объединяющая две подсистемы. Первая подсистема — развитие знаний, умений, навыков поиска, анализа, обработки информационных потоков. Вторая подсистема — проектное формирование информационных ценностей, норм, принципов действия, обретаемых группами, курсантами военного института в процессе осуществления образовательной и военно-профессиональной служебно-трудовой деятельности. По сути, совершенствование информационной культуры курсантов традиционно связывают с разработкой и реализацией социальных проектов образовательной, культурной, практической направленности.

2. Эмпирические данные исследования включают в себя статистический анализ некоторых результатов социологического исследования: «Социально-трудовое развитие в оценках курсантов Саратовского военного института» (N = 522). Применена случайная выборка.

3. Эмпирические результаты и их обсуждение. Анализ данных исследования показывает, что курсанты осведомлены и хорошо ориентируются в проблемах развития информационной культуры в военном институте. Относительно понимания сущности информационной культуры и ее роли курсанты условно разделяются на три группы.

Первая группа: отождествляющие информационную культуру и информационную грамотность обучающихся. Подавляющее число курсантов (62%) связывают информационную культуру с знаниями, пониманиями, умениями использования информационной техники и информационных технологий. Данная группа курсантов обращает внимание на связь информационной культуры с уровнем освоенных информационных знаний, пониманий, образованности индивидов. Формирование данной культуры и образовательное накопление знаний по работе с компьютерной техникой взаимозависимые процессы. Информационная культура здесь понимается как набор знаний, компетенций, формирующих систему способностей курсантов работы с информационной техникой.

Вторая группа: рассматривающие информационную культуру как вид общей культуры социума. Пятая часть курсантов (19%) понимают информационную культуру как одну из форм культуры обучающихся, отражающую информационные ценности, нормы и принципы поведения. Основной акцент данные респонденты делают на провозглашаемые поведенческие нормы, а также правила информационной деятельности, являющиеся основой обыденных инструментальных правил организации и реализации информационной деятельности.

Третья группа: понимание информационной культуры как проявление развития специфических информационных практик. Меньше пятой части курсантов (17%) рассматривают практики информационной деятельности как первооснову (артефакт) информационной культуры обучающегося. Становление культуры данная группа курсантов связывает с привлечением обучающихся на практике к образовательным процессам, комплексному стимулированию поиска и обработки информационных ресурсов, внедрением собственных идей, созданием условий использования творческих решений, инициативы курсантов.

Отметим, что в целом выводы теоретиков по сущностному проявлению информационной культуры и понятие данного явления курсантами совпадают. В обобщающем контексте необходимо констатировать, что информационная культура имеет образовательное (уровень информационной грамотности), социокультурное (уровень разделяемых ценностей, норм и правил информационного поведения) и практическое (практики непосредственной реализации поиска, обработки и интеграции информационных ресурсов) проявления.

На практике курсанты осваивают и развивают собственный уровень информационной культуры. Важным направлением самостоятельной образовательной деятельности курсантов является поиск информационных данных об армейской жизни военнослужащих (отмечено 39% опрошенных). Курсанты привлекают данные информационной внешней интернет-среды для обоснования процессов развития военной науки и управления воинскими частями (отмечено 32%

опрошенных), постоянно ищут и применяют в образовательной деятельности информационные положения о военной технике, обновлении ресурсов военного вооружения (также 32% опрошенных). Более половины (58%) курсантов полагают, что внешние информационные ресурсы — это основной фактор повышения эффективности образовательного процесса в военном институте. Между тем более трети курсантов (34%) полагают, что формирование информационной культуры в военном институте необходимо качественно улучшить.

Предлагаются следующие пути совершенствования процесса формирования информационной культуры курсантов.

Первое — модернизация организации образовательного взаимодействия преподаватели и обучаемых (предложение 41% опрошенных). Необходимо согласиться с респондентами в том, что в новых условиях организацию образовательного взаимодействия необходимо осуществлять на основе принципа информационной комплексности. Важно интегрировать следующие образовательные принципы: 1) целевую информационную направленность усвоения новых знаний; 2) содержательную насыщенность знаний современными информационными ресурсами; 3) опору научно-образовательных процессов на поиск и применение новых информационных потоков; 4) ориентацию на информационное обновление результатов и компонентов формируемых профессиональных знаний.

Второе — формирование практик партнерского взаимодействия преподавателя и обучаемых, а также научной новаторской насыщенности образовательных процессов (предложение 19% опрошенных). Обработка информационных потоков, их ранжирование, оценка и интеграция должны стать неотъемлемой частью работы обучающихся, малых групп. Поиск новых информационных подходов, их диагностика, а также осознание нового смысла образовательных действий должны стать отправным моментом формирования значимых профессиональных компетенций.

Третье — повышение квалификации, инновационных компетенций преподавателей (предложение 12% опрошенных). Формирование информационной культуры может и должно осуществляться в результате развития инновационной компетентности субъекта образовательного процесса. Не вызывает сомнения, что в условиях активного развития информационной культуры важно совершенствовать информационную подготовку преподавателей, активизировать развитие у них аналитических, оценочных, методологических, информационных компетенций.

Таким образом, информационная культура курсантов военного института представляет собой сложное социологическое явление, которое характеризуется: 1) уровнем владения знаниями, умений, навыков поиска, анализа, обработки информационных потоков; 2) набором информационных ценностей, норм, принципов действия, обретаемых группами курсантами военного института; 3) развитием специфических информационных практик. Развитие каждого из представленных направлений в целом и определяет процесс совершенствования информационной культуры курсантов.

ВЫВОДЫ

Сформированность информационной культуры курсантов можно диагностировать по следующим показателям.

1. Ценностно-нормативный критерий. Отражает уровень принятия курсантами инновационных научных ценностей, что позволяет привлечь последних к разной информационной образовательной деятельности; обеспечения условий формирования потребностей к поиску и обработке информационных ресурсов.

2. Когнитивно-образовательный критерий. Показывает уровень освоенных знаний, связанных с инновационной деятельностью, работе с компьютерами, средствами и носителями информации. Здесь информационная культура может диагностироваться в результате проверки специфических знаний, связанных с поиском, анализом и обработкой информации, обеспечивающих условия эффективной работы с информационными ресурсами.

3. Технологическо-практический критерий. Отражает уровень практической образовательной информационной компетенции курсантов. Информационная культура может диагностироваться в результате проверки практических навыков работы с информационными средствами, обеспечения эффективного использования информационных технологий. Наиболее важным на этом уровне представляется культурное проявление информационной научной креативности, способностей к информационной обработке данных, формированию новых научно-практических идей, подходов, рекомендаций, информационная грамотность.

В современных условиях необходима реализация следующих путей совершенствования процесса формирования информационной культуры курсантов: 1) модернизация организации образовательного взаимодействия преподавателей и обучаемых (в новых условиях организацию образовательного взаимодействия необходимо осуществлять на основе принципа информационной комплексности); 2) формирование практик партнерского взаимодействия преподавателя и обучаемых, а также научной насыщенности образовательных процессов (обработка информационных потоков, их ранжирование, оценка и интеграция должны стать неотъемлемой частью работы обучающихся, малых групп); 3) повышение квалификации, инновационных компетенций преподавателей (развитие инновационной компетентности субъекта образовательного процесса, активизация аналитической культуры).

Сформированность информационной культуры проявляется в практиках образовательного творческого раскрепощения, возможностях внедрения образовательных и профессиональных новаций, становления партнерского сотрудничества субъекта и объекта образовательного процесса, создания условий и стимулирования научной инициативы и творчества в каждой учебной группе на каждом учебном направлении, роста информационной ответственности, а также ожиданий курсантов, связанных с накоплением новой информации, повышением роли самостоятельного поиска и обработки информационных ресурсов в комплексе управления образовательными процессами. Совершенствование информационной культуры в военных институтах проявляется в: росте привлечения курсантов к

образовательному информационному творчеству, стимулировании работы с информационными системами, внедрении новых научных разработок, устранении барьеров для осуществления творческой инициативы курсантов, привлечении малых групп обучающихся к инновационным действиям, мотивации интеллектуального саморазвития способностей к работе с информационными ресурсами.

Список литературы

1. Степанова О. А. Методические аспекты реализации комплекса педагогических условий развития информационной культуры студентов вуза / О. А. Степанова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2006. – № 5 (ч. 3). – С. 101–110.
2. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2008. – 557 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 266 с.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 2005. – 288 с.
5. Быченко Ю.Г. Демократизация управления персоналом как фактор развития творческой активности работников / Ю.Г. Быченко, Е.А. Зиновьева // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2023. – № 5. – С. 100-104.
6. Ершов Д. О. Социально трудовое развитие курсантов военного института / Д.О. Ершов // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2015. – № 1 (46). – С. 85-90.
7. Кузнецов Н. И. Социальная адаптация курсантов как социологическое явление / Н.И. Кузнецов // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т. 17. – № 5. – С. 103-107.
8. Быченко Ю. Г. Способности к профессиональной адаптации в системе профессионального потенциала российских офицеров / Ю. Г. Быченко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 215-226.
9. Баландина Т. М. Внеорганизационные досуговые предпочтения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации / Т. М. Баландина, В. А. Михайлов // Ученые записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 3-10.

WAYS TO IMPROVE THE INFORMATION CULTURE OF CADETS OF THE MILITARY INSTITUTE

Bychenko Yu.G.

*Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, Saratov, Russia
E-mail: bychenkoug@gmail.com*

The content of the information culture of cadets of Russian military institutes is investigated. It is proved that the information culture of cadets is a complex sociological phenomenon having three forms of manifestation: educational (the level of information literacy: knowledge, skills, skills of searching, analysis, processing of information flows); socio-cultural (the level of socio-cultural preferences: shared values, norms and rules of information behavior); practical (the level of information practices: the practice of direct implementation of the search, processing and integration of information resources). It is

proved that the information culture of cadets, on the one hand, is a naturally correlated phenomenon with information processes in the military collective, region, society, on the other hand, it is a form of public culture, on the third hand, it is a manifestation of the process of intellectual and informational development of cadet groups, in the context of their information abilities, consumption, opportunities and motivation search, processing, integration of information flows by students. Based on the empirical analysis, the indicators for assessing the formation of the cadets' information culture are revealed: 1) value-normative; 2) cognitive-educational; 3) technological-practical. The ways of improving the process of forming the information culture of cadets are presented: 1) modernization of the organization of educational interaction between teachers and trainees (in the new conditions, the organization of educational interaction must be carried out on the basis of the principle of information complexity); 2) formation of practices of partnership interaction between the teacher and the trainees, as well as innovative saturation of the educational process (processing of information flows, their ranking, evaluation and integration should become an integral part of the work of small groups of students); 3) professional development, innovative competencies of teachers and professors (development of innovative competence of the subject of the educational process, activation of the development of their analytical culture).

Keywords: information culture, cadets, military institute, knowledge, skills, processing of information flows.

Referenses

1. Stepanova O. A., Methodological aspects of the implementation of the complex of pedagogical conditions for the development of information culture of university students, *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, **5**, 3, 101 (2006).
2. Toffler E., *Shock of the future*, 557 p. (LLC "Publishing House ACT", Moscow, 2008).
3. Parsons T., *The system of modern societies*, 266 p. (Aspect Press, Moscow, 2004).
4. Bourdieu P., *Sociology of social space*, 288 p. (Institute of Experimental Sociology: Aleteya, Moscow, 2005).
5. Bychenko Yu. G., Zinovieva E. A., Democratization of personnel management as a factor in the development of creative activity of employees, *Alma Mater (Bulletin of the Higher school)*, **5**, 100 (2023).
6. Yershov D. O., Social and labor development of cadets of the military Institute, *Bulletin of the Volga region Academy of public service*, **1 (46)**, 85 (2015).
7. Kuznetsov N. I., Social adaptation of cadets as a sociological phenomenon, *Bulletin of the Volga Institute of Management*, **5**, V. 17, 103 (2017).
8. Bychenko Yu. G., Abilities for professional adaptation in the system of professional potential of Russian officers, *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*, **1**, V. 13, 215 (2023).
9. Balandina T. M., Mikhailov V. A., Non-organizational leisure preferences of servicemen of the National Guard troops of the Russian Federation, *Scientific notes of the VI. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, **1 (73)**, 3 (2021).

УДК 316:373

**ОЦЕНКА МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ НА
ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ
ТАТАРСТАН**

Хохлов А.В.¹, Давлетшина Л.А.², Хураמיшина А.З.³

^{1,2,3}Институт развития образования Республики Татарстан, Казань, Россия

*³Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Казань, Россия*

E-mail: aigulsuf@mail.ru³

В статье представлены итоги эмпирического социологического исследования в рамках независимой оценки некоторых элементов механизмов управления качеством образования в Республике Татарстан. Дана сравнительная характеристика результатов опросов директоров общеобразовательных организаций региона в 2022 и 2023 годах. Основными направлениями исследования стали мониторинги эффективности руководителей образовательных организаций и обеспечения профессионального развития педагогических работников. Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии существенных изменений по большинству показателей мониторинга. Заметные изменения произошли в оценке респондентами ограничений для профессионального роста педагогов (в сторону их отсутствия) и оценке кадровой обеспеченности (в сторону ее снижения).

Ключевые слова: качество образования, механизм управления качеством образования, Республика Татарстан, социология, общеобразовательная организация

ВВЕДЕНИЕ

В статье представлены некоторые результаты мониторинга «Оценка механизмов управления качеством образования в Республике Татарстан» по направлению «Система мониторинга эффективности руководителей образовательных организаций» и «Система обеспечения профессионального развития педагогических работников» за 2022 и 2023 годы. Программа социологического исследования опирается на Приказ Министерства образования и науки Республики Татарстан от 29.03.2021 № под-434/21 «Об утверждении положения о республиканской системе оценки качества образования» [1] и Приказ Министерства образования и науки Республики Татарстан от 08.02.2022 № под-203/22 «Об утверждении показателей мониторинга качества и объективности проведения процедур оценки качества образования в системе общего образования муниципальными образованиями Республики Татарстан в 2022 году» [2]. Показатели механизмов управления качеством образования в исследовании выработаны на основе 1) методических указаний, опубликованных Национальным

институтом качества образования [3], 2) компонентов механизмов управления качеством образовательной деятельности, утверждённых Министерством образования и науки Татарстана [4]. Представленные в статье результаты социологического исследования дают возможность независимой оценки механизмов управления качеством образования в регионе [5].

Актуальность исследования повышается в условиях современной конкретно-исторической ситуации в России и прямой зависимости гражданской активности педагогов и обучающихся от качества образования [6]. Именно общеобразовательные организации сегодня являются основными проводниками государственной молодежной политики [7], и в конечном итоге становятся базой формирования нового общества качества жизни [8]. Основным механизмом, который позволяет преобразовать качество образования в качество жизни – социализация личности [9].

Основной *целью статьи* является получение комплексной информации об особенностях функционирования региональной системы оценки качества в общеобразовательных организациях Республики Татарстан. Исследование проведено в рамках исполнения приказа Министерства образования и науки Республики Татарстан от 30 декабря 2022г. № под-2345/22 «Об утверждении Государственного задания учредителя для государственного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Институт развития образования Республики Татарстан» сотрудниками информационно-аналитического отдела.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Методика исследования. Для сбора эмпирической информации был выбран метод социологического анкетирования с применением Google Forms (2022 г.) и Yandex Forms (2023 г.). В качестве респондентов выступили руководители общеобразовательных организаций (далее – ОО). Всего было опрошено 320 директоров общеобразовательных организаций в 2022 г. и 131 – в 2023 г. В опросе приняли участие представители более чем половины всех муниципальных образований Республики Татарстан, включая два городских округа – г. Казань и г. Набережные Челны. Структура выборочной совокупности исследования в 2023 году, в сравнении с 2022 годом, претерпела некоторые изменения, которые не отражаются на репрезентативности результатов. Соотношение показателей выборочной совокупности в 2022 и 2023 годах позволяет говорить о правомерности сравнительного их анализа.

Так, больше половины опрошенных руководителей ОО и в 2022, и в 2023 году – из сельских поселений (соответственно 67% и 60%). Большая часть опрошенных руководит ОО с количеством обучающихся до 100 человек: 56% в 2022 году и 53% в 2023 году. Доли респондентов, управляющих ОО с другим количеством обучающихся, в 2023 году также не имеют существенных отличий, что видно на рисунке 1.

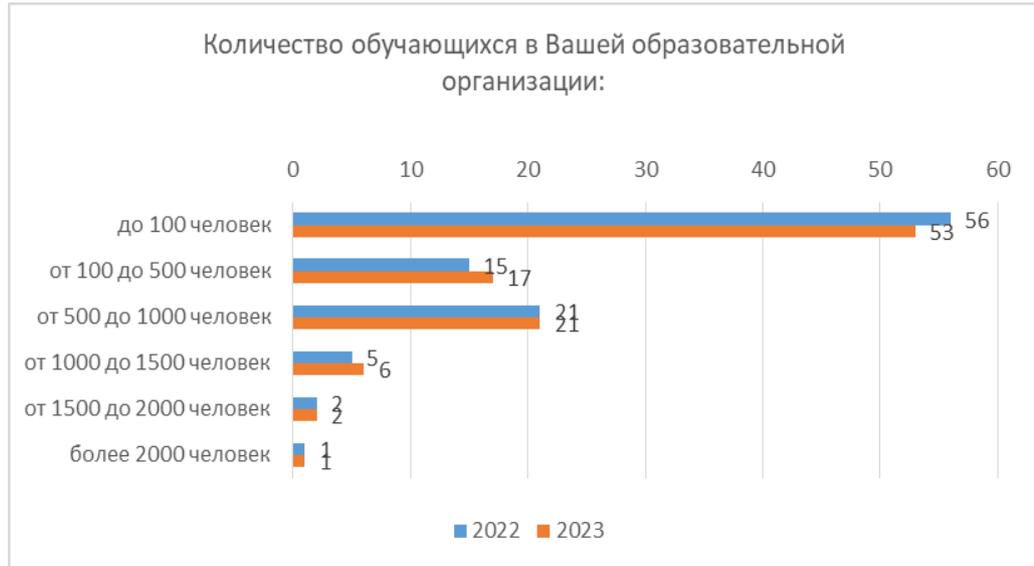

Рис. 1. Распределение респондентов в выборке по численности обучающихся в возглавляемом ОО, в % к числу опрошенных

Преобладающие возрастные категории респондентов в 2023 году, по отношению к показателям 2022 года, также не изменились. Подавляющее большинство опрошенных руководителей ОО в 2022 и в 2023 годах находятся в возрастной группе 40-59 лет (79% и 84% соответственно). Есть тенденция к повышению возраста.

Общий стаж работы подавляющего большинства респондентов более 20 лет. В 2022 году это 79%, в 2023 – 83% респондентов. Преобладающие категории по общему стажу также не изменились. В 2023 г. в выборочной совокупности оказалось на 4% меньше имеющих небольшой стаж в должности руководителя и на 6% больше со стажем от 1 до 3-х лет. В остальных категориях различия выборочной совокупности незначительные – в пределах 1%. То есть мы можем также говорить о незначительном различии по показателям стажа в должности выборочных совокупностей 2022 и 2023 годов.

Как видно на рисунке 2, выборочные совокупности 2022 и 2023 годов практически совпадают по структуре уровня и характера образования. Преимущественно, респонденты имеют высшее педагогическое образование уровня специалитета (69% в 2022 году и 74% в 2023 году).

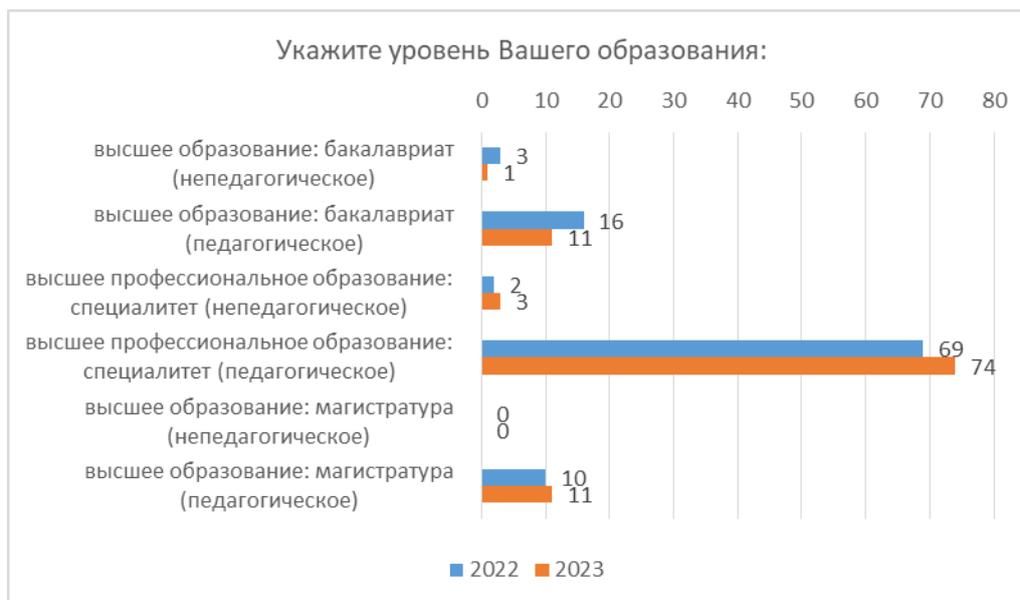

Рис. 2. Структура выборочной совокупности по уровню и направлению образования, в % к числу опрошенных

Таким образом, выборочные совокупности 2022 и 2023 годов преимущественно совпадают по своей структуре, что делает обоснованным сравнение результатов соответствующих опросов в 2022 и 2023 годах.

В ходе комплексного социологического исследования «Оценка механизмов управления качеством образования в Республике Татарстан» директорам школ предлагалось оценить качество образования в возглавляемой организации. Каждый второй из опрошенных оценил его как «среднее» (58% в 2022 г. и 56% в 2023 г.), каждый третий – как «скорее высокое» (29% в 2022 г. и 31% в 2023 г.), каждый десятый – как «высокое» (9% в 2022 г. и 8% в 2023 г.). Респонденты имели возможность прокомментировать свою оценку. В качестве аргументов в пользу высокой оценки руководители ОО называют: квалифицированные педагогические кадры, 100% поступление выпускников в ВУЗы, высокие результаты ЕГЭ, ОГЭ, ВПР, востребованность у жителей микрорайона, отличная материально-техническая база, соответствие реальных достигаемых образовательных результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям. Причем аргументация от 2022 к 2023 году не изменилась.

Сравнительная диаграмма по оценке качества образования директорами ОО в 2022 и 2023 годах представлена на рисунке 3.

Рис. 3. Оценка качества образования руководителями ОО в 2022 и 2023 гг., в % к числу опрошенных

Инновационность возглавляемой организации воспринимается современными руководителями как необходимое условие успешного ее развития. Получающий все более широкое распространение опыт формирования инновационных площадок на базе ОО является продуктивным вариантом взаимодействия педагогической науки и практики.

Как показал анализ полученных данных за 2022 и 2023 годы, практически каждый третий из директоров школ республики (30% в 2022 г. и 34% в 2023 г.), участвовавших в опросе, отметил, что его образовательная организация имела в течение последних 3 лет статус экспериментальной (инновационной) площадки различного уровня (федерального, регионального или муниципального). Распределение ответов директоров общеобразовательных организаций Республики Татарстан представлено на рисунке 4.

Обеспечение качественного образования обучающихся во многом зависит от эффективности управления образовательной организацией. Ключевой фигурой данного процесса выступает руководитель образовательной организации, который в соответствии с частью 3 статьи 26 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» является единоличным исполнительным органом, осуществляющим текущее руководство деятельностью образовательной организацией, и в соответствии с частью 8 статьи 51 того же закона несёт ответственность за руководство образовательной, научной, воспитательной работой и организационно-хозяйственной деятельностью образовательной организацией. В ходе исследования директорам школ было предложено определить степень важности должностных обязанностей, которые они исполняют в реальной практике. Результаты представлены на рисунке 5. С 2022 к 2023 году приоритетные обязанности директоров ОО особенно не изменились. В 2023 году также наиболее важными остались оценка общего качества деятельности

ОО (84% в 2022 г. и 90% в 2023 г.); оценка качества работы педагогов (80% в 2022 г. и 86% в 2023 г.), решение хозяйственных вопросов (по 75% в 2022 и 2023 годах).

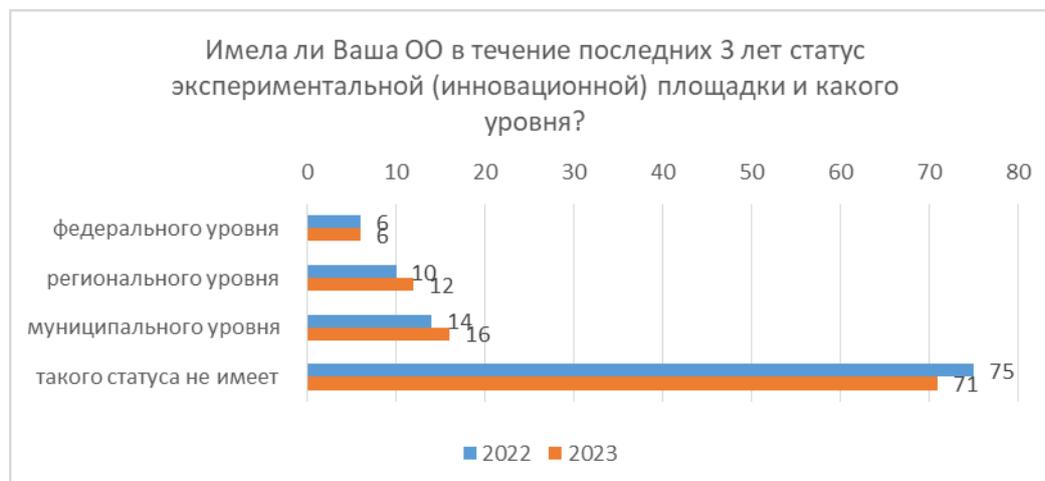

Рис 4. Наличие статуса экспериментальной (инновационной) площадки различного уровня, по оценке руководителей ОО в 2022 г. и 2023 г., в % к числу опрошенных

Согласно профессиональному стандарту [10], руководители образовательных организаций должны уметь планировать распределение финансово-экономических, материальных, кадровых, методических, информационных ресурсов общеобразовательной организации. Компетентностная модель, присущая профессиональным стандартам, выступает инструментом повышения эффективности деятельности общеобразовательного учреждения [11]. В рамках исследования руководителям общеобразовательных организаций республики было предложено оценить уровень обеспеченности ресурсами

По сравнению с 2022 годом, в 2023 году произошли некоторые изменения в оценке обеспеченности ресурсами. Во-первых, на 6% снизилось среднее число выбирающих вариант «обеспечена в полном объеме» (был 31%, стало 25%), во-вторых, на 8% увеличилось среднее число отметивших «обеспечена не полностью» (было 47%, стало 55%).

При этом в 2023 году позиции (ранги) ресурсов, которые оценены как полностью обеспеченные, не изменились. Наибольшее число руководителей ОО отметили высокоскоростной интернет (66% в 2022 г. и 62% в 2023 г.), затем учебные пособия и методическую литературу (48% в 2022г. и 30% в 2023 г.), компьютерные классы, оснащенные цифровым оборудованием (29 % в 2022 г. и 31% в 2023 г.)

Наибольшую тревогу вызывает снижение на 18% числа тех руководителей ОО, которые считают полной обеспеченность учебными пособиями и методической

литературой, и на 9% - обеспеченность библиотекой с компьютерным оборудованием и выходом в интернет.

Рис. 5. Рейтинг обязанностей руководителей ОО и по степени важности, в % к числу опрошенных

В обеспечении качества образования огромное значение имеет кадровый потенциал организации. Задачами кадровой политики общеобразовательного учреждения является установление взаимосвязи между миссией организации и управлением персоналом. Обеспечение баланса численности и качества кадрового состава, оптимального для выполнения поставленных перед организацией целей, плавное обновление – важная часть деятельности руководителя [12].

Согласно полученным данным, уровень кадровой обеспеченности образовательных организаций оценивается руководителями ОО как достаточно низкий и в 2022, и в 2023 году: относительное большинство респондентов выбрали вариант ответа «не обеспечена» (43% в 2022 г. и 50% в 2023 г.). Как видно из таблицы 1, в 2023 году на 7% увеличилось число отмечающих отсутствие обеспеченности.

На 19% уменьшилась доля опрошенных директоров ОО, отмечающих обеспеченность в полном объеме квалифицированными учителями. Очевидно, что эта доля перешла в разряд выбирающих вариант «обеспечена не полностью». На 16% увеличилось число респондентов, считающих не обеспеченной свою ОО социальными педагогами, и на 10% - учителями-логопедами.

Анализ результатов исследований в 2022 и 2023 годах показал, что большинство директоров школ указали на преобладание в своей образовательной организации педагогов в возрасте 41-50 лет (59% и 66% соответственно). При этом доля указавших на данную возрастную группу как преобладающую увеличилась на 7%.

Незначительно – на 3% - повысилось число респондентов, отмечающих преобладание возрастной категории 51-60 лет (с 23% в 2022 г. до 26% в 2023 г.). На 4% меньше респондентов в 2023 году указали на преобладание возрастной группы 31-40 лет, на 3% - до 30 лет. В 2023 году респонденты не отмечали преобладание возрастной категории старше 60 лет.

Таблица 1

Кадровая обеспеченность образовательных организаций по оценке директоров школ, в % к числу опрошенных

Педагогические кадры	2022			2023		
	Обеспечена в полном объеме	Обеспечена не полностью	Не обеспечена	Обеспечена в полном объеме	Обеспечена не полностью	Не обеспечена
Квалифицированные учителя	64	35	1	45	54	1
Педагог-психолог	31	16	53	33	10	57
Социальный педагог	17	17	66	14	4	82
Педагог-организатор	62	16	22	53	19	28
Учитель-логопед	13	15	72	14	4	82
среднее значение по столбцу	37	20	43	32	18	50

Старение кадрового состава системы общего образования в целом представляет собой одну из социальных проблем не только сферы образования, но и общества в целом. В связи с чем в задачах реформирования системы образования и повышения его качества значится привлечение молодых педагогов. Тенденции увеличения/уменьшения численности молодых педагогов (со стажем работы до 3-х

лет) в образовательных организациях республики по оценке руководителей ОО представлены на рисунке 6.

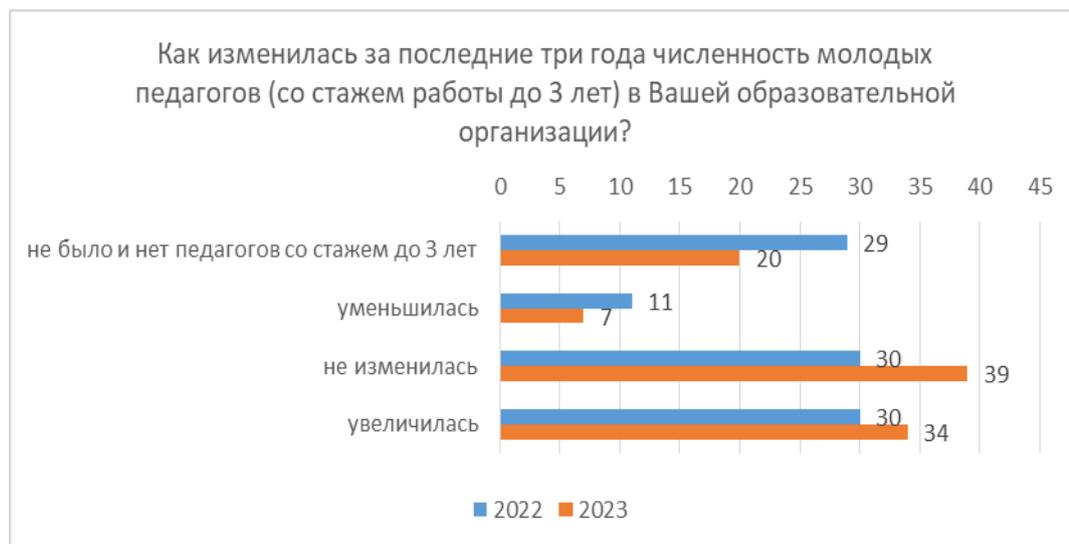

Рис. 6. Изменение численности молодых педагогов (со стажем работы до 3-х лет) в образовательных организациях республики, по оценке руководителей ОО, в % к общему числу опрошенных

Сравнительная диаграмма позволяет увидеть, что число опрошенных директоров ОО, отметивших отсутствие педагогов со стажем до 3-х лет, в 2023 году, по сравнению с 2022 годом, ниже на 9%. При этом на 9% больше тех, кто отметил стабильность наличия молодых педагогов в составе педагогического коллектива ОО, и на 4% больше отметивших увеличение их числа. Это свидетельствует о тенденции к увеличению числа молодых педагогов в ОО.

Методическое сопровождение молодых педагогов и система наставничества опирается на локальные нормативно-правовые документы организации. В 2022 году директора общеобразовательных организаций в большинстве своём отмечали наличие приказа о закреплении наставнических пар (57%). В 2023 году их доля снизилась на 13% и составила 44%. В 2023 году осталась без особых изменений численность отмечающих наличие положения о системе наставничества, но этот вариант получил первый ранг (48% в 2022 г. и 49% в 2023 г.).

По сравнению с 2022 годом заметно большее число опрошенных отметили наличие приказа о внедрении целевой модели наставничества (22% в 2022 г. и 31% в 2023 г.). По другим локальным нормативным актам значительных изменений в распределении ответов респондентов не обнаружено.

Существенное отличие между ответами 2022 года и 2023 года директоров ОО мы видим в выборе варианта «отсутствуют молодые педагоги»: 6% и 32% соответственно. Причем часть респондентов, в 2023 году отметившая отсутствие

молодых учителей в своем ОО, также отмечала некоторые варианты наличия локальных нормативных актов. То есть несмотря на отсутствие молодых педагогов, руководители разрабатывают и принимают соответствующие документы.

Наиболее распространенной формой помощи молодым педагогам в ОО, согласно диаграмме на рисунке 10, остается поддержка со стороны опытных педагогов по возникающим вопросам: соответствующий вариант отметили 81% респондентов в 2022 году и 59% в 2023 году. Ранг варианта ответа сохранился. Наставничество является одним из наиболее понятных и разработанных вариантов поддержки молодых профессионалов [13]

Свою помощь руководители предоставляют достаточно часто – это отметили 68% из них в 2022 г. и 50% в 2023 г. Ранг варианта ответа также сохранился.

64% респондентов в 2022 г. и 50% в 2023 г. отмечают наличие наставничества, индивидуального сопровождения молодых специалистов. Менее популярными способами помощи оказались школа молодого специалиста (26% в 2022 г. и 22% в 2023 г.) и помощь психолога (22% и 21% соответственно). Отсутствие системы наставничества отметили в 2022 г. 5% руководителей образовательных учреждений, а в 2023 – ничтожно мало – всего 1%. Об отсутствии молодых педагогов, как и в ответе на ранее поставленный вопрос, заявили 31 % опрошенных руководителей ОО.

Основным фактором, ограничивающим профессиональный рост педагогов, по мнению руководителей образовательных организаций, является их высокая загруженность. На рисунке 7 видно, что этот показатель отметили 68% директоров школ в 2022 г., и 63% - в 2023 г. Около трети опрошенных считают, что профессиональному росту ограничивается, когда педагоги не умеют планировать и реализовывать свое профессиональное развитие. Часть руководителей уверены, что причина кроется в недостатке профессиональных знаний и опыта, в отсутствии методической поддержки на муниципальном уровне, а также – в ограниченности полезных профессиональных контактов.

С учетом комментариев в варианте «другое» при ответе на анкету 2022 года, в анкету 2023 года был добавлен вариант «отсутствие желание у педагога». Как видно из рисунка, 39% директоров придерживаются мнения, что именно отсутствие желания педагога ограничивает его профессиональный рост. Это позволяет судить о том, что около 40% руководителей ОО свидетельствуют об отсутствии внутренней мотивации к профессиональному росту у педагогов возглавляемой организации.

В сравнении с 2022 годом, в 2023 году оказалось заметно больше респондентов (на 16%), отрицающих наличие каких-либо ограничений для профессионального роста педагогов возглавляемого ОО.

В целях решения проблем профессионального роста педагогов своей образовательной организации директора школ предпринимают ряд мер. Наиболее часто они оказывают поддержку педагогам, желающим участвовать в научно-практических конференциях, семинарах. Соответствующее мнение высказали по 70% опрошенных руководителей ОО в 2022 г. и 2023 г.

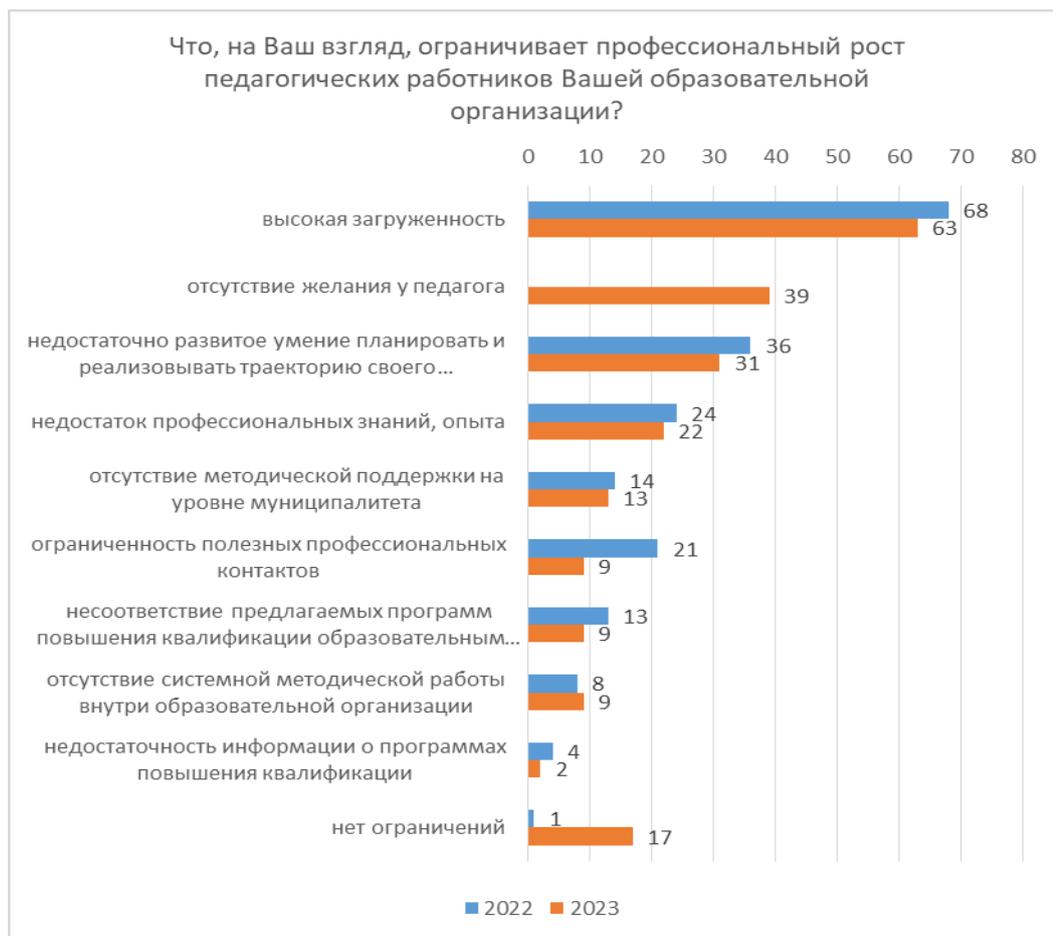

Рис. 7. Факторы, ограничивающие профессиональный рост педагогических работников, по оценке руководителей ОО, в % к числу опрошенных

Вариант «стимулирую участие педагогов в профессиональных конкурсах», который имел второй ранг в 2022 году (65%), в 2023 опустился на 4 место по частоте выбора (56%). В 2023 году респонденты чаще отмечали «содержательно поддерживаю инициативы и проекты педагогов, регулярно обсуждаю, как они реализуются»: 66% против 59% в 2022 г.

Более половины директоров ОО обсуждают с педагогами возможности профессионального и карьерного развития (55% в 2022 г. и 59% в 2023 г.). Число тех, кто регулярно посещает уроки своих педагогов, снизилось на 10%: с 52% в 2022 г. до 42% в 2023 г. Меньшую популярность имеют такие мероприятия, как стимулирование участия педагогов в профессиональных сообществах (29% в 2022 г. и 34% в 2023 г.) и организация рефлексии деятельности молодого педагога (13% в 2022 г. и 15% в 2023 г.).

Участие педагогических работников возглавляемого образовательного учреждения в научно-практических конференциях и профессиональных конкурсах различных уровней большинство опрошенных директоров ОО и в 2022 г. (68%), и в 2023 г. (46%) считают средством повышения профессиональной компетентности. По сравнению с 2022 годом, в 2023 году частота выбора данного варианта ответа снизилась на 22%. Несмотря на то, что в сравнении с 2022 годом ранги вариантов ответов не изменились, респонденты стали чаще соглашаться с тем, что участие в научно-практических конференциях и профессиональных конкурсах является формой позиционирования профессионального опыта (17% в 2022 г. и 28% в 2023 г.), и необходимо для прохождения аттестации (12% в 2022 г. и 20% в 2023 г.).

Распределение ответов руководителей образовательных организаций республики на вопрос «В профессиональных конкурсах какого уровня (федерального, регионального, муниципального) принимали участие педагоги Вашей образовательной организации в течение предыдущих трех лет?» представлено на рисунке 8.

На сравнительной диаграмме видно, что существенных различий в распределении участия педагогов в 2022 и 2023 годах по уровням конкурсов нет. Большинство в оба года отмечает, что учителя принимают участие в конкурсах муниципального уровня. Значительна доля тех, кто отметил конкурсы на региональном уровне. И по 21% респондентов в оба года отметили участие учителей в конкурсах федерального уровня. Ответы на вопрос об участии педагогов образовательных организаций в научно-практических конференциях и семинарах федерального, регионального и муниципального уровня можно увидеть в сравнительной диаграмме на рисунке 8. Педагоги общеобразовательных организаций активно представляют свой опыт в форме докладов, публикаций на муниципальном и региональном уровнях. Причем в 2023 году, судя по ответам респондентов, чуть более активно стали участвовать в мероприятиях регионального уровня. Уровень участия в событиях федерального или международного уровня с 2022 г. к 2023 г. не изменился.

Повышение педагогического мастерства и квалификации проходит более успешно при активном деятельностном подходе педагога к процессу собственного образования. Поощрение творческого поиска учителей, системная работа по повышению их квалификации в разных формах, организация рефлексии и осмысления новых знаний и опыта в педагогическом коллективе – одни из важнейших умений руководителя ОО. В рамках внедрения обновленного ФГОС проектно-исследовательская компетенция занимает важное место [14].

Система повышения квалификации педагогов и руководителей в сфере образования направлено на прогрессивное развитие их компетенций в профессиональной сфере и предполагает положительное влияние на качество выполнения ими своих трудовых функций и, соответственно, на качество образования в целом. В связи с этим директорам школ предлагалось ответить на вопрос «Какие формы повышения профессионального уровня Вы практикуете (для себя лично)?».

Рис 8. Участие педагогов в профессиональных конкурсах и научных мероприятиях различного уровня, по оценке руководителей ОО, в % к числу опрошенных

Как показывает анализ полученных данных в оба года, наименее популярны среди руководителей образовательных организаций такие формы повышения профессионального уровня, как участие в деятельности профессиональных ассоциаций, сетевых педагогических сообществ (23% в 2022 г. и 24% в 2023 г.), и выступление на мероприятиях регионального уровня (26% и 27% соответственно).

По сравнению с 2022 годом, на 11 % выше стала популярность такого способа повышения квалификации как проведение мастер-классов для руководителей, участие в их обсуждении; ранг данного варианта ответа сменился с 7-го на 4-й. Это следует отметить как положительное изменение, ведь потенциал активно-динамических методов для развития общеобразовательной организации доказанно высок [15]. Кроме этого других существенных изменений ранжирования вариантов ответов на рассматриваемый вопрос анкеты не наблюдается.

Ожидается самым стандартным и общепринятым является обучение по программам повышения квалификации (90% в 2022г. и 92% в 2023 г.). Также высока популярность участия в семинарах и конференциях (83% в 2022 г. и 85% в 2023 г.) и посещение мастер-классов для руководителей (68% и 66% соответственно) для повышения собственного уровня профессионализма. Несущественно изменился с 2022 г. к 2023 г. уровень востребованности таких форм повышения квалификации директорами ОО, как выступление на заседаниях методического объединения муниципального уровня (42% в 2022 г. и 36% в 2023 г.) и участие в профессиональных конкурсах (30% и 34% соответственно). Не

изменились основные предпочтения источников успешных практик по «западающим» вопросам деятельности руководителей ОО. Чаще всего респонденты получают информацию на совещаниях, проводимых методическими службами (82% в 2022 г. и 80% в 2023 г.) и из интернета (83% в 2022 г. и 75% в 2023 г.). При этом в 2023 году популярность интернета снизилась на 8% и этим обусловлен его переход из 1-го во 2-й ранг. Различия показателей 2022 и 2023 годов относительно других источников информации составляют 2-3%, что говорит об их несущественности. Из личного общения с коллегами об успешном опыте решения сложных вопросов обеспечения качества образования узнавали 65% респондентов в 2022 г. и 62% в 2023 г., из публичных докладов на конференциях/семинарах – 54% и 56% соответственно, из научных журналов – 34% и 32% соответственно.

ВЫВОДЫ

Проведенный сравнительный анализ показателей механизмов управления качеством образования в Республике Татарстан за 2022 и 2023 годы свидетельствует об отсутствии существенных изменений по большинству из них. Некоторые изменения в рамках одного показателя (вопроса), не меняют общей картины распределения выборов респондентов. Среди отличий результатов опросов 2022 и 2023 годов следует отметить следующее. На 5% меньше стала доля директоров ОО, отмечающих высокую загруженность педагогов как препятствие к профессиональному их росту, заметно – на 16% - увеличилась доля респондентов, отмечающих вариант «нет ограничений». На 22% снизилось число директоров ОО, считающих участие педагогических работников возглавляемого образовательного учреждения в научно-практических конференциях и профессиональных конкурсах средством повышения профессиональной компетентности. На 11 % повысилась популярность такого способа повышения квалификации как проведение мастер-классов для руководителей. На 8% снизился приоритет интернета в качестве источника получения информации об успешных практиках повышения качества образования в ОО.

Существенные изменения произошли в оценке кадровой обеспеченности возглавляемых общеобразовательных организаций: в 2023 году на 19% снизилось число респондентов, отмечающих полную обеспеченность организации квалифицированными учителями и на 9% - педагогами-организаторами, в целом на 8% увеличилась доля выбирающих вариант «не обеспечена» в ответе на соответствующий вопрос о педагогических кадрах учреждения.

Представленные результаты позволяют судить о наличии как положительной, так и отрицательной динамики некоторых механизмов управления качеством образования в Республике Татарстан.

Список литературы

1. Приказ Министерства образования и науки Республики Татарстан от 29.03.2021 № под-434/21 «Об утверждении положения о республиканской системе оценки качества образования». - URL: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_3289639.pdf:

2. Приказ Министерства образования и науки Республики Татарстан от 08.02.2022 № под-203/22 «Об утверждении показателей мониторинга качества и объективности проведения процедур оценки качества образования в системе общего образования муниципальными образованиями Республики Татарстан в 2022 году». - URL: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_3310863.pdf
3. Национальный институт качества образования, г. Москва: официальный сайт. – URL: <https://www.niko.institute/education/osnovnoe-i-srednee-obrazovanie>
4. Механизмы управления качеством образования // Официальный сайт Министерства образования и науки Республики Татарстан. – URL: https://mon.tatarstan.ru/monitoring_obraz.htm
5. Курилкина О. А. Независимая оценка качества образования как перспективный общественный механизм контроля качества образования / О. А. Курилкина, Е. Н. Цветкова, А. А. Абрамян // Педагогическое образование: традиции и инновации. – 2021. – № 2. – С. 28-38. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47963428> (режим доступа: для авторизованных пользователей)
6. Зинурова Р. И. Создании конструктивной модели гражданской активности в системе школьного образования / Р. И. Зинурова, Т. Н. Никитина, Л. З. Фатхуллина // Социолог: образование и профессиональные траектории : материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения, Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2021. – С. 483-484. –URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47943606> (для авторизованных пользователей)
7. Давлетшина Л. А. Роль образовательных организаций в реализации государственной молодежной политики в Республике Татарстан: результаты социологического исследования / Л. А. Давлетшина, А. З. Хурамшина // Социология в постглобальном мире : Материалы всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2022. – С. 699-702. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50319148> (для авторизованных пользователей)
8. Хурамшина А. З. Формирование социотипов личности общества качества жизни / А. З. Хурамшина // Евразия и глобальные социально-экономические изменения : VII Международный конгресс социологов тюркского мира: сборник научных трудов, Казань, 12–13 марта 2020 года. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. – С. 208-211. – URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/159563/F_Congress2020_208_211.pdf (дата обращения: 24.03.2023) (режим доступа – свободный)
9. Хурамшина А. З. Образ жизни как фактор социализации личности: специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы": диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Хурамшина Айгюль Зуфаровна. – Казань, 1999. – 157 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15970983> (для авторизованных пользователей)
10. Приказ Минтруда России от 19.04.2021 N 250н "Об утверждении профессионального стандарта "Руководитель образовательной организации (управление дошкольной образовательной организацией и общеобразовательной организацией)". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394567/ (дата обращения 11.07.2023) (режим доступа: свободный).
11. Ибрагимов А. И. Компетентностная модель как инструмент повышения эффективности деятельности общеобразовательного учреждения / А. И. Ибрагимов, Л. З. Фатхуллина // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 18–19 мая 2021 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. – С. 91-96. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46122734> (для авторизованных пользователей)
12. Нугуманова Л. Н. Управление кадровым потенциалом в образовательной организации (анализ ситуации на основе результатов мониторинга) / Л. Н. Нугуманова // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2022. – № 3. – С. 5-10. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49715444> (для авторизованных пользователей)
13. Шамсутдинова Л.П. Применение эффективных моделей организации наставничества педагогами предметной области «Искусство»: результаты исследования / Л.П. Шамсутдинова, Л.А. Давлетшина, В.М. Латыпова // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. –

2023. - №2. – С. 15-20. – URL: http://irortsmi.ru/wp-content/uploads/2023/07/2023_2.pdf (дата обращения: 18.07.2023) (режим доступа : свободный)

14. Павлова И. В. Формирование проектно-исследовательской компетенции в условиях поэтапного внедрения обновлённого ФГОС ООО / И. В. Павлова, Л. П. Шамсутдинова, Л. А. Давлетшина // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2023. – № 1. – С. 48-53. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53957907> (для авторизованных пользователей)
15. Хохлов А. В. Потенциал активно-динамических методов в развитии у руководителей общеобразовательных организаций культуры командной работы / А. В. Хохлов // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования : Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Москва-Челябинск, 14 ноября 2019 года / Ответственный редактор Д.Ф. Ильясов. – Москва-Челябинск: Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования, 2019. – С. 5-8. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42461087> (для авторизованных пользователей)

**EVALUATION OF EDUCATION QUALITY MANAGEMENT
MECHANISMS ON THE BASIS OF THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL
RESEARCH IN GENERAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE
REPUBLIC OF TATARSTAN**

Khokhlov A.V.¹, Davletshina L.A.², Khuramshina A.Z.³

^{1,2,3}Tatarstan Institute of Education Development, Russia, Kazan

³Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism, Russia, Kazan

E-mail: aigulsuf@mail.ru³

The article presents the results of an empirical sociological study within the framework of an independent assessment of some elements of the mechanisms for managing the quality of education in the Republic of Tatarstan. The main goal of the study is to obtain comprehensive information about the features of the functioning of the regional quality assessment system in educational institutions of the Republic of Tatarstan. The study was carried out within the framework of the execution of the order of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan dated December 30, 2022 No. pod-2345/22 “On approval of the State assignment of the founder for the state autonomous educational institution of additional professional education “Institute for Educational Development of the Republic of Tatarstan” by employees of the information and analytical department . To collect empirical information, the sociological survey method was chosen using Google Forms (2022) and Yandex Forms (2023).). The respondents were heads of educational organizations. In total, 320 directors of general education organizations were surveyed in 2022, and 131 in 2023. The ratio of indicators in the sample population in 2022 and 2023 allows us to speak about the legitimacy of their comparative analysis. The main directions of the study were monitoring the effectiveness

of heads of educational organizations and ensuring the professional development of teaching staff.

When assessing the overall quality of education in the organization they manage, respondents are more likely to give an average rating (57%). As for more specific indicators, some changes occurred both in the direction of their increase and decrease. Significant changes have occurred in the assessment of the staffing level of educational organizations headed: in 2023, the number of respondents who noted that the organization is fully staffed with qualified teachers decreased by 19% and by 9% with organizing teachers; in general, the share of those who chose the “unsecured” option increased by 8% when answering the corresponding question about the school’s teachers. The respondents’ responses showed a tendency to increase the share of young teachers in educational organizations. The proportion of directors of general education organizations who note the high workload of teachers as an obstacle to their professional growth decreased by 5%, and the proportion of respondents who noted the option “without restrictions” increased significantly – by 16%. The number of directors of general education organizations who consider the participation of teachers of the educational institution headed in scientific and practical conferences and professional competitions as a means of increasing professional competence has decreased by 22%. The popularity of this method of advanced training, such as conducting master classes for managers, increased by 11%. The choice of the Internet as a source of information about successful practices in improving the quality of education decreased by 8%.

The results presented in the article indicate the absence of significant changes in most monitoring indicators. Noticeable changes occurred in respondents’ assessment of the limitations of teachers’ professional growth (towards their absence) and assessment of staffing levels (towards its reduction).

Key words: education quality, education quality management mechanism, Republic of Tatarstan, sociology, secondary school

References

1. Order of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan dated March 29, 2021 No. sub-434/21 “On approval of the regulation on the republican system for assessing the quality of education”. URL: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_3289639.pdf:
2. Order of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan dated 08.02.2022 No. sub-203/22 "On approval of indicators for monitoring the quality and objectivity of the procedures for assessing the quality of education in the system of general education by municipalities of the Republic of Tatarstan in 2022" ". URL: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_3310863.pdf
3. National Institute for the Quality of Education, Moscow: official site. URL: <https://www.niko.institute/education/osnovnoe-i-srednee-education>
4. Mechanisms for managing the quality of education // Official website of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan. URL: https://mon.tatarstan.ru/monitoring_obraz.htm

5. Kurilkina O. A., Tsvetkova E. N., Abramyan A. A. Independent assessment of the quality of education as a prospective public control mechanism, *Pedagogical education: traditions and innovations*, **2**, 28 (2021) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47963428> (access mode: for authorized users)
6. Zinurova R. I., Nikitina T. N., Fatkhullina L. Z. Creating a constructive model of civic engagement in the school education system, *Sociologist: education and professional trajectories: materials of the All-Russian Scientific Conference XV Kovalevsky readings, St. Petersburg, November 25–27, 2021*. 483 ("Skifia-print", St. Petersburg: LLC, 2021), URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47943606> (for authorized users)
7. Davletshina, L. A., Khuramshina A. Z. The role of educational organizations in the implementation of the state youth policy in the Republic of Tatarstan: the results of a sociological study, *Sociology in the post-global world: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022*, 699 ("Skifia-print", St. Petersburg, 2022), URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50319148> (for authorized users)
8. Khuramshina, A. Z. Formation of personalities sociotypes of the quality of life society, *Eurasia and global socio-economic changes: VII International Congress of Sociologists of the Turkic World: Collection of Scientific Works, Kazan, March 12–13, 2020*, 208 (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, 2020), – URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/159563/F_Congress2020_208_211.pdf (date of access: 03/24/2023)
9. Khuramshina, A. Z. Lifestyle as a factor of personality socialization: specialty 22.00.04 "Social structure, social institutions and processes": dissertation for the degree of candidate of sociological sciences, 157 p., (Kazan, 1999). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15970983>
10. Order of the Ministry of Labor of Russia dated April 19, 2021 N 250n "On approval of the professional standard" Head of an educational organization (management of a preschool educational organization and a general educational organization). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394567/ (date accessed 07/11/2023)
11. Ibragimova A. I., Fatkhullina L. Z. Competence based model as a tool for improving the efficiency of a general education institution, *Formation of a competitive environment, competitiveness and strategic management of enterprises, organizations and regions: Collection of articles of the VI International Scientific -practical conference, Penza, May 18–19, 2021* (Penza State Agrarian University, Penza, 2021), 91 – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46122734> (for authorized users)
12. Nugumanova L. N. Human resources management in educational organization (situation analysis based on monitoring results), *Modern education: topical issues and innovations*, **3**, 5 (2022). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49715444> (for authorized users)
13. Shamsutdinova L.P., Davletshina L.A., Latypova V.M. Implementation of Ethno-cultural Programmes in Educational Organizations of the Republic of Tatarstan: Problem Areas, *Modern education: topical issues and innovations*, **2**, 15 (2023) URL: http://irortsmi.ru/wp-content/uploads/2023/07/2023_2.pdf (date accessed 07/18/2023) (access mode: free).
14. Pavlova I. V., Shamsutdinova L. P., Davletshina L. A. Formation of design and research competence in the context of the phase-in of the updated Federal State Educational Standard for primary and general education, *Modern education: topical issues and innovations*, **1**, 48 (2023). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53957907> (for authorized users)
15. Khokhlov A. V. The potential of active-dynamic methods in the development of a culture of teamwork among the heads of educational organizations, *Modernization of the system of vocational education based on controlled evolution: Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Moscow-Chelyabinsk, November 14, 2019. Managing editor D.F. Ilyasov 5* (Chelyabinsk Institute for Retraining and Advanced Training of Educational Workers, Moscow-Chelyabinsk, 2019), URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42461087> (for authorized users)

УДК 316.28:316.77

**ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ, РЕАЛИЗУЮЩИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ИВЕНТ-МЕРОПРИЯТИЯ**

Шелгинская В. А.

*Уральский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия
E-mail: victoria.shelg@yandex.ru*

Реализация ивент-мероприятий в условиях информационного общества зависит от эффективной коммуникативной политики при работе с общественностью, где своевременная оценка готовности аудитории к взаимодействию с организующей стороной есть залог ее эффективности. Цель статьи – оценка состояния и потенциала текущей коммуникативной политики организаций, проводящих городские социокультурные ивент-мероприятия. Собрана и проанализирована поведенческая информация об участниках сетевых сообществ организаций, на основе которой рассчитаны индексы активности и вовлеченности аудитории. Установлено, что вовлеченность аудитории в коммуникационное взаимодействие с молодежными объединениями выше, чем с муниципальными организаторами. Выявлено различие факторов, влияющих на показатели эффективности коммуникативной политики: для учреждений культуры большой вклад вносит информационно-просветительская деятельность, для молодежных объединений – массовость аудитории. Сделан вывод, что коммуникационная политика должна быть адаптивной и вариативной в зависимости от типа организации, учитывать особенности группового поведения и уделять дополнительное внимание самоорганизационным аспектам управления с позиции равного.

Ключевые слова: досуг молодежи, праздник, интегрированные коммуникации, информационное управление, социальные технологии

ВВЕДЕНИЕ

В современном восприятии ивент-мероприятия представляют собой феномен двойственной природы, включающей как сферу предпринимательства, так и сферу культуры. Наиболее лаконичным определением ивента является формулировка «мероприятие, которое стремится стать событием» [1]. Т.е. индивидуально значимым фактом в жизни посетителя, способным оказывать влияние на его деятельность в долгосрочной перспективе.

Сближение культурной сферы и бизнеса при реализации досугово-развлекательной и культурно-досуговой деятельности в условиях доминирования культуры потребления приводит к тому, что культурно-досуговая сфера уделяет все больше внимания коммуникационным аспектам управления ивент-деятельностью (комплексом организационно-управленческой деятельности, связанной с проведением ивент-мероприятия) в части работы с потенциальными посетителями. Как элемент стратегического управления, коммуникационная политика организации

заключается в обеспечении эффективного двустороннего контакта с объектом управления с целью достижения долгосрочных целей организации, как непосредственных (где реализация коммуникационной политике показывает результат в краткосрочной перспективе), так и опосредованных (где коммуникационная политика является посредническим инструментом, позволяющим подготовить аудиторию к восприятию последующих стимулов) [2].

Ивент-мероприятия и связанный с ними комплекс видов деятельности (ивент-деятельности) способствуют реализации следующих значимых для учреждения сферы культуры функции: привлечение внимания к деятельности организации, создание информационного повода для обсуждения, стимулирование посещений, укрепление доверия и лояльности к организации, дифференциация на фоне конкурентов [3-6]. Они направлены на повышение конкурентоспособности и экономической эффективности субъекта управления коммуникацией.

С общесоциальной точки зрения к ним могут быть добавлены следующие гуманистические функции: формирование «эмоциональной связи» между организующей и воспринимающей сторонами (функция, уже ставшая своеобразным клише, характерным для ивент-деятельности), мотивационно-познавательная функция посредством предоставления платформы для самореализации участников, организация условий для активного развивающего отдыха, привлечение внимания местных средств массовой информации к социально-значимой или культурно-просветительской деятельности в целом, а также стимулирование собственного развития и социокультурной интеграции посетителей [7-9].

В обоих случаях реализация ивент-мероприятий осложняется социокультурной спецификой, а именно: высокой зависимостью от человеческого фактора (ожидания, предпочтения, интерпретация), непредопределенность коммуникативного эффекта ввиду того, что воспринимаемое значение сообщения преломляется через собственную ассоциативную систему участника, а также информационным шумом окружающего любую ивент-деятельность социокультурного поля [1, 10-12]. Это обуславливает необходимость сопроводительной деятельности, позволяющей привлечь внимание к ивент-мероприятию как к информационному поводу, а также мотивировать потенциальных посетителей.

Эффективность реализации ивент-мероприятия в значительной степени обуславливается предрасположенностью аудитории к контакту с организующей стороной, заинтересована в ее деятельности и вовлечена в процесс информационного обмена [12, 13]. В современный период цифровизации и постоянного нахождения «на связи» процесс этого обмена преимущественно сконцентрирован в социальных медиа человека. Оценка вовлеченности аудитории позволяет определить готовность управляемой подсистемы к включенному взаимодействию с организующей стороной – на этапе планирования мероприятия; а также позволяет заранее подготовить аудиторию (в части ориентирования ее восприятия) к пониманию и принятию значений транслируемых информационно-ценностных сообщений – на этапе реализации мероприятия [12, 14].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Материалы и методы

В качестве критерия отбора организаций, автор исходил из свойства ивент-мероприятия (в отличие от простого культурно-досугового мероприятия) превысить информационный шум и занять доминирующее положение в информационном поле человека [10] при этом фактор масштаба мероприятия (с точки зрения финансовых и организационных затрат, а также количества предполагаемых участников) не играет существенной роли, поскольку менее масштабные, мероприятия, но связанные со сферой интересов или референтным социальным окружением посетителя могут представлять для него большую значимость и интерес, нежели крупные, ориентированные на абстрактную группу посетителей. Это позволило включить в рассмотрение не только учреждения культуры или некоммерческие организации, но также и ряд организаций молодежной самодеятельности (студий, клубов, инициативных объединений и пр.), деятельность которых отвечает тем же условиям.

Анализ проводился с использованием цифровых методов анализа активности и вовлеченности аудитории с организующей стороной. Объектами анализа выступили сетевые сообщества молодежных объединений и муниципальных учреждений, организующие ивент-мероприятия в рамках основной культурно-досуговой деятельности. Сетевое сообщество составляет аудитория, представленная в качестве интересантов официального профиля организации в социальной сети, понимая последнюю в узком смысле, как тематическую цифровую платформу [15]. Она осведомлена о данной организации и ее деятельности, которая проявила в той или иной степени заинтересованность в ее деятельности или производимом информационном контенте. Участники могут быть фактической аудиторией организации (посетителями, клиентами, членами), потенциальной, интересующимися наблюдателями. Сетевые сообщества с точки зрения школы информационного управления, известным представителем которого является М. Кастельс, выполняют «не только информационно-коммуникативную функцию, но и функции управления смыслами, знаниями, а вместе с ними общественными отношениями» [16, С. 136]. Это наделяет их свойствами актуальных посредников как при реализации целевых функции учреждений культуры, так и при вовлечении аудитории в долгосрочное взаимодействие.

В качестве проверяемой гипотезы было выдвинуто предположение, что существует различие в потенциале коммуникационного взаимодействия с аудиторией для муниципальных учреждений и для молодежных объединений, организующих на постоянной основе открытые для посещения ивент-мероприятия в городском пространстве. При этом указанное различие может быть проявлено как в общих показателях коммуникативного эффекта, так и в специфике факторов, влияющих на эти показатели.

В качестве площадки для сбора данных была выбрана социальная сеть «ВКонтакте» как наиболее популярная в настоящее время (например, количество авторов в данной сети выросло на 12%, а количество сообщений между

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ...

пользователями в месяц выросло на 36% – за период с октября 2021 г. по октябрь 2022 г.)¹. Половозрастная структура представлена 40,5% мужчин и 59,5% женщин; больше всего пользователей приходится на возрастную категорию 25-34 лет (27%); а категория 18-24 лет составляет 18,5%². Периодом сбора данных служил один календарный месяц (31 день). На основе собранных данных были рассчитаны показатели вовлеченности и активности, а также доля вовлеченных из числа активных участников сообщества. Для расчета использовались индексы вовлеченности Post Engagement Rate (Post ER) и Post Engagement Rate (Post ER), методика вычисления которых достаточно широко освещена в литературе [17, 18].

Результаты

По результатам расчета коэффициентов были получены следующие данные. Вовлеченность аудитории случае муниципальных культурных учреждений (в значениях, округленных до целых) показана на рисунке 1.

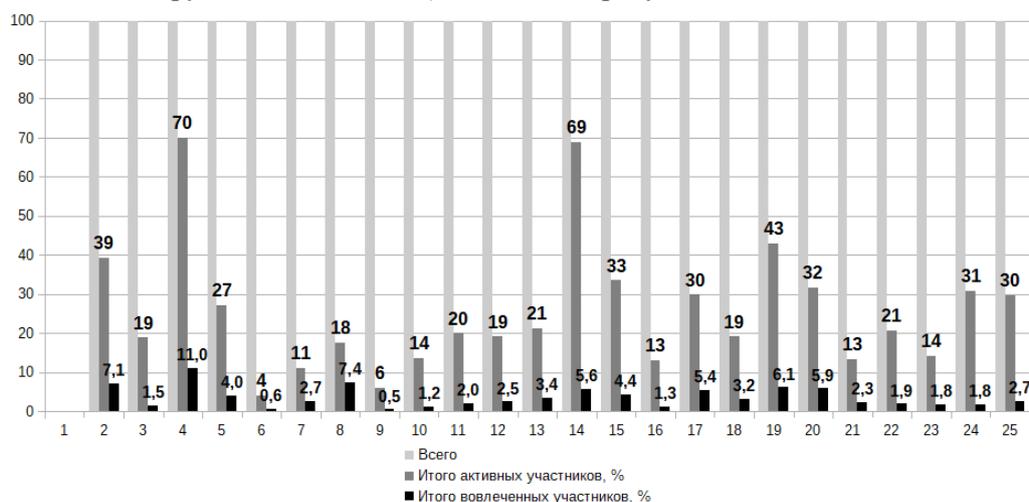

Рис. 1. Активность и вовлеченность аудитории сетевых сообществ муниципальных учреждений

Медианные значения активности аудитории составляют 20%, сообщества с активностью в среднем 40% и выше можно отнести к сообществам с преимущественно заинтересованной в деятельности организации аудиторией. Что касается вовлеченности аудитории, то учреждений с высокими показателями средняя доля вовлеченных составляет 0,2 (при медианной 0,13). К ним относится примерно пятая часть проанализированных групп.

¹ По данным системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ «BrandAnalytics». URL: <https://br-analytics.ru/statistics/author> (дата обращения 18.12.2022)

² Там же.

Вовлеченность аудитории в случае молодежных культурных объединений (в значениях, округленных до целых) показана на рисунке 2.

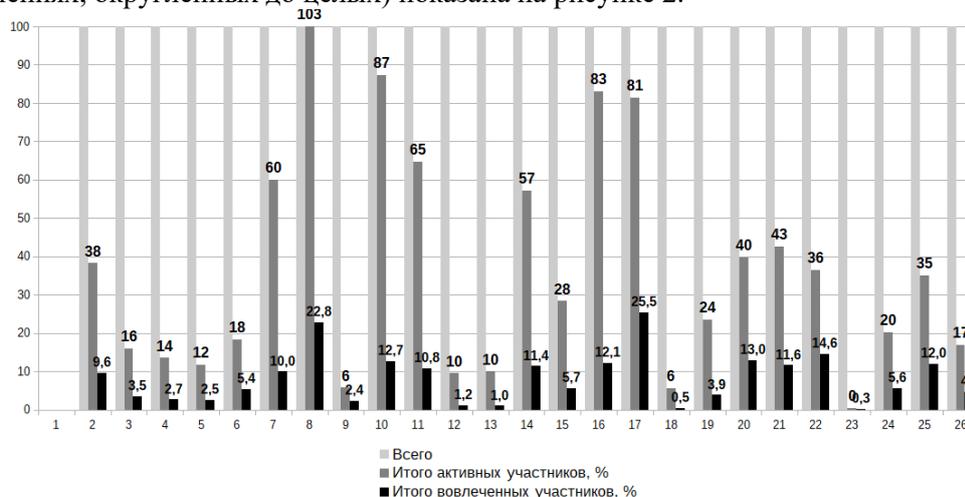

Рис. 2. Активность и вовлеченность аудитории сетевых сообществ молодежных объединений

Медианные значения активности аудитории молодежных объединений составляют 28%, средняя активность в сообществах с более заинтересованной аудиторией составляет 60%. Для объединений с высокими показателями средняя доля вовлеченных составляет 0,32 (при медианной 0,22) – это примерно четверть проанализированных групп.

Как видно из графиков, показатели активности ивовлеченности в коммуникативное взаимодействие с субъектом ивент-деятельности выше в случае, когда субъектом выступает молодежное объединение. Тем не менее, интересно, что если медианные значения активности находятся в небольшом разрыве для муниципальных учреждений и молодежных объединений (20% и 28% соответственно); то для показателей вовлеченности (которые более важны с точки зрения коммуникативного взаимодействия и эффективного управления мнением аудитории) эта разница значительнее – 0,2 для учреждений по сравнению с 0,32 для молодежных объединений.

Для удобства представим полученные результаты в таблице и проанализируем их далее более подробно (таблица 1). При статистическом анализе зависимости факторов, определяющих степень заинтересованности молодежи, были выделены два фактора. Фактор Ф1 «Информационно-вовлекающая деятельность организаторов» характеризует активность субъекта управления коммуникацией с аудиторией в части публикации информационных материалов различного характера (от информирующего до развлекательного характера). Фактор Ф2 «Массовость аудитории» характеризует размер аудитории, проявившей активный или пассивный интерес к деятельности организации.

Таблица 1

Вклад влияния факторов в показатели вовлеченности

Фактор	Величина (вклад) влияния фактора на показатели			
	Учреждения культуры		Молодежные объединения	
	Активность	Вовлеченность	Активность	Вовлеченность
Ф1 «Информационно-вовлекающая деятельность организаторов»	21%	20 %	25%	0
Ф2 «Массовость аудитории»	0	0	25%	35%

Рассмотрим зависимость проверяемых параметров от заданных факторов для муниципальных культурных учреждений. Фактор Ф1 «Информационно-вовлекающая деятельность организаторов» объясняет только 21% всей доли вовлеченности, тогда как Фактор Ф2 «Массовость аудитории» при этом вообще не оказывает сколь-либо значимого влияния на показатели активности участников сообщества и их интерес к ивент-деятельности учреждения. В отношении показателей вовлеченности, влиянием фактора Ф1 объясняется по-прежнему только 20% случаев. Однако при этом влияние фактора массовости незначительно возрастает: им может быть объяснено уже 3% всех случаев, что, однако, не является статистически достоверным и не может характеризовать наличие зависимости.

Аналогично проанализируем те же параметры применительно к молодежным объединениям. Фактор «Информационно-вовлекающая деятельность» объясняет 26% случаев в отношении показателей активности аудитории и не оказывает значимого влияния на показатель вовлеченности, где исключается из рассмотрения как недостоверный. Фактор «Массовость аудитории», который в отношении муниципальных организаций не влиял на показатели активности, для молодежных объединений объясняет уже 25% случаев. Вместе с тем резко возрастает его влияние на показатель вовлеченности по сравнению с аналогичным значением для муниципальных учреждений: массовость аудитории на четверть (35%) предопределяет степень заинтересованности молодежи.

ОБСУЖДЕНИЕ

Факторы, влияющие на заинтересованность и вовлеченность аудитории, принципиально различаются в зависимости от того, относится ли организация к числу муниципальных учреждений культуры или к молодежным объединениям. Стимулирование интереса в первом случае на 21% предопределяется активностью информационно-вовлекающей работы с аудиторией во время анонсирования и

отчетности, причем величина весомости этого фактора одинакова как в отношении показателей заинтересованности (активности) аудитории, так и в отношении ее вовлеченности. Во втором же случае, в молодежных объединениях, половина показателей активности в равной степени определяется информационным контентом и массовостью аудитории. Однако для показателей вовлеченности влияние информационной работы ничтожно, тогда как более трети случаев (35%) определяется массовостью аудитории.

Это свидетельствует о том, что коммуникационная стратегия должна быть адаптивной и вариативной в зависимости от типа организации. Например, как было показано, для молодежных объединений нет значимой разницы, будет ли вестись познавательная-развлекательная работа с молодежью с высокой интенсивностью или с низкой, поскольку этот фактор не является ключевым в определении вовлеченности. Тем не менее, для деятельности муниципальных учреждений этот фактор более весомо влияет на конечную вовлеченность, и может быть использован более эффективно. С другой стороны, заинтересованность аудитории в событийной деятельности культурного учреждения никак не определяется величиной этой аудитории, тогда как для молодежной организации этот показатель составляет четверть общей величины.

Интерпретируя полученный результат более широко, можно выдвинуть гипотезу (для проверки в дальнейших исследованиях) о том, что в этом случае проявляется свойство конформизма в современной молодежной среде, когда тот или иной взгляд (мнение, отношение) должен быть представлен в достаточно широкой социальной массе, чтобы вызвать соответствующую ответную реакцию. Полученные результаты также свидетельствуют о важности использования самоорганизационного ресурса собравшегося сообщества при управлении ивент-деятельностью как трансформационной технологией, а не делать акцент только на одностороннем управляющем воздействии от субъекта ивент-технологии и акцепторам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам анализа была подтверждена гипотеза о потенциале коммуникационного взаимодействия с аудиторией для муниципальных учреждений и для молодежных объединений, организующих на постоянной основе открытые для посещения ивент-мероприятия в городском пространстве. Коммуникативная политика муниципальных учреждений, организующих ивент-мероприятия, демонстрирует меньшие показатели эффективности, чем в молодежных объединениях. Частично это объясняется тем, что деятельность учреждений в социальных сетях сконцентрирована информационно-просветительской работе, которая, согласно полученным результатам, позволяет обеспечить только 20% активности сообщества. Коммуникативная политика молодежных объединений сравнительно более эффективна, она демонстрирует большие показатели активности и вовлеченности аудитории, что позволяет сделать вывод о больших технологических возможностях влияния субъекта управления на воспринимающую

подсистему у молодежных объединений по сравнению с деятельностью учреждений.

Половина от общей активности людей в коммуникационном взаимодействии с молодежными объединениями определяется активностью предоставления информационно-развлекательного контента и массовостью сообщества, интересующегося деятельностью этого объединения. Однако в отношении показателей вовлеченности мы наблюдаем иную картину: здесь единственным значимым фактором является массовость сообщества (объясняет 35% случаев), что свидетельствует о повышенной значимости социального фактора для молодежи.

С точки зрения потенциала управления, можно сказать, что существует возможность эффективного внедрения методов социальных технологий в практику коммуникационного сопровождения организации и проведения ивент-мероприятий. Следует отметить, что во многом также показатели готовности аудитории к взаимодействию с организацией обуславливаются влиянием дополнительных факторов или уточнением соотношения указанных факторов на расширенной выборке с использованием, например, кластерного анализа для поиска и объединения дополнительных факторов в существующие группы и в выделенные новые. Это свидетельствует о необходимости дальнейших более углубленных исследований с применением качественных методов.

Список литературы

1. Синцов М. Event-менеджмент: сущность и особенности организации / М. Синцов, Р. Добрянский, Н. А. Добрянская // Проблемы и вызовы экономики региона в условиях глобализации. – 2020. – Т. 1, № 6. – С. 118-123.
2. Гавра Д. П. Понятие и характеристики коммуникационной стратегии / Д. П. Гавра // Российская школа связей с общественностью. – 2019. – № 15. – С. 65-78.
3. Чибир Е. В. Событийные коммуникации как язык современного общества / Е. В. Чибир // МНИЖ. – 2020. – № 9-2 (99). – С. 40-42.
4. Пряхина А. В. Проблема реализации сетевой социокультурной событийной коммуникации в ситуации кризиса / А. В. Пряхина // Российская школа связей с общественностью. – 2020. – № 17. – С. 120-132.
5. Мельникова И. Ю. Событийный менеджмент как инструмент PR в деятельности общественно-деловых пространств / И. Ю. Мельникова, К. А. Волкова // Kant. – 2021. – № 4 (41). – С. 77-81.
6. Шарафаненко Н. В. Теоретический аспект event-маркетинга и его место в стратегии продвижения компании / Н. В. Шарафаненко // Экономика и социум. – 2021. – № 6-2. – С. 563-571.
7. Литвиненко В. А. Event-технологии как инструмент реализации социально-культурных проектов в креативных индустриях / В. А. Литвиненко, И. А. Герасимова // Вестник МГУКИ. – 2018. – № 2 (82). – С. 181-192.
8. Хайруллина А. А. Социокультурные механизмы формирования досуговых потребностей молодежи средствами праздничной культуры / А. А. Хайруллина // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2018. – № 4 (31). – С. 116-123.
9. Tolzu Öztay E. Impact of cultural reflections on event participation within the scope of digital public relations: case of the Cheetos digital museum / E. Tolzu Öztay // Digital Communication Journal. – 2021. – Vol. 5., №. 4. – P. 106-119.
10. Герасимов С. В. Специальное событие в информационном шуме социокультурного контекста / С. В. Герасимов // Культура и цивилизация. – 2022. – № 3А (12). – С. 179-185.

11. Новиков В. А. Специфика спроса и предложения на рынке ивент-услуг / В. А. Новиков, Ю. А. Титова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2021. – № 2. – С. 35-41.
12. Armbrecht J. Event quality, perceived value, satisfaction and behavioral intentions in event context / J. Armbrecht // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. – 2021. – № 2 (21). – P. 169-191.
13. Трофимова Н. Н. Особенности event-менеджмента в условиях цифровизации российских предприятий / Н. Н. Трофимова, А. С. Будагов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2021. – № 4. – С. 63-67.
14. Ryan W. G. Recognizing events 4.0: the digital maturity of events / W. G. Ryan, A. Fenton, W. Ahmed, P. Scarf // International Journal of Event and Festival Management. – 2020. – № 1 (11). – P. 47-68.
15. Ковалева Ю. В. Признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов: на примере социальной сети Твиттер. Часть 1. Постановка проблемы и методический подход / Ю. В. Ковалева // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 6-40.
16. Мирошниченко И. В. Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу») / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 135-149.
17. Телевной А. Д. Исследование тематических профилей и способов расчета вовлеченности аудитории в сообществах социальной сети "ВКонтакте" / А. Д. Телевной, М. В. Хлопотов // Вестник евразийской науки. – 2018. – № 2. – С. 1-9.
18. Аكوпова Т. С. Применение индексов в политмаркетинговом исследовании предвыборных кампаний в социальных сетях. На примере президентской кампании в Российской Федерации 2018г. / Т. С. Аكوпова, А. В. Тихонова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2019. – № 30. – С. 18-31.

***FEATURES OF COMMUNICATIVE INTERACTION IN ORGANIZATIONAL
MANAGEMENT IMPLEMENTING SOCIO-CULTURAL EVENTS AND
FESTIVALS***

Shelginskaya V. A.

*Ural Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Yekaterinburg, Russia
E-mail: victoria.shelg@yandex.ru*

The implementation of special events and festivals in information society depends on effective communication policy when working with the public, where a timely assessment of the audience's readiness to interact with the organizing party plays a significant role in its effectiveness. The purpose of is to assess the state and potential of the current communication policy of organizations that conduct city socio-cultural special events on an ongoing basis. As a hypothesis to be tested, it was suggested that there is a difference in the potential for communication interaction with the audience for municipal institutions and for youth associations. Behavioral information about members of network communities of organizations was collected and analyzed, on the basis of which indexes of activity and audience involvement were calculated. A regression analysis was carried out to determine the influence of various factors on performance indicators. It has been

established that the involvement of the audience in communication interaction with youth associations is higher than with municipal organizers. The difference of factors influencing the indicators of the effectiveness of the communication policy is revealed. For cultural institutions, outreach activities make a greater contribution, both in terms of overall activity indicators and in terms of involvement indicators, i.e. included interest. For youth associations, the factor influencing the involvement of the audience is the mass character of the audience, although the overall activity is equally determined by the mass character and information content. It is concluded that communication policy should be adaptive and variable depending on the type of organization. At the same time, it is advisable to take into account the peculiarities of the group behavior of the audience and pay additional attention to the self-organizational aspects of management from an equal position.

Keywords: social technologies, youth leisure, integrated marketing communications, cultural institutions, creative economy.

References

1. Sintsov M., Dobryansky R., Dobryanskaya N. A. Event management: the essence and features of the organization, *Problems and challenges of the regional economy in the context of globalization*, **1 (6)**, 118 (2020).
2. Gavra D. P. The concept and characteristics of a communication strategy, *Russian School of Public Relations*, **15**, 65 (2019).
3. Chibir E. V. Event communications as the language of modern society, *MNIZh*, **9-2 (99)**, 40 (2020).
4. Pryakhina A. V. The problem of implementing network socio-cultural event communication in a crisis situation, *Russian School of Public Relations*, **17**, 120 (2020).
5. Melnikova I. Yu., Volkova K. A. Event management as a PR tool in the activities of public and business spaces, *Kant*, **4 (41)**, 77 (2021).
6. Sharafanenko N. V. The theoretical aspect of event marketing and its place in the company's promotion strategy, *Economics and Society*, **6-2**, 563 (2021).
7. Litvinenko V. A., Gerasimova I. A. Event-technologies as a tool for the implementation of social and cultural projects in creative industries, *Vestnik MGUKI*, **2 (82)**, 181 (2018).
8. Khairullina A. A. Socio-cultural mechanisms for the formation of leisure needs of youth by means of festive culture, *Culture and education: a scientific and informational journal of universities of culture and arts*, **4 (31)**, 116 (2018).
9. Tolzu Öztay E. Impact of cultural reflections on event participation within the scope of digital public relations: case of the Cheetos digital museum, *Digital Communication Journal*, **4 (5)**, 106 (2021).
10. Gerasimov S. V. A special event in the informational noise of the socio-cultural context, *Culture and Civilization*, **3A (12)**, 179 (2022).
11. Novikov V. A., Titova Yu. A. Specificity of supply and demand in the market of event services, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Economy*, **2**, 35 (2021).
12. Armbrecht J. Event quality, perceived value, satisfaction and behavioral intentions in event context, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, **2 (21)**, 169 (2021).
13. Trofimova N. N., Budagov A. S. Features of event management in the context of digitalization of Russian enterprises, *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*, **4**, 63 (2021).
14. Ryan W. G., Fenton A., Ahmed W., Scarf P. Recognizing events 4.0: the digital maturity of events, *International Journal of Event and Festival Management*, **1 (11)**, 47 (2020).
15. Kovaleva Yu. V. Signs of the joint life of the network community and personal characteristics of its members: on the example of the social network Twitter. Part 1. Statement of the problem and

methodological approach, *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, **1 (4)**, 6 (2019).

16. Miroshnichenko I. V., Morozova E. V. Network communities as subjects of the formation of the city agenda (on the example of the "Help the City" movement), *Political expertise: POLITEKS*, **2 (17)**, 135 (2021).
17. Televnoy A. D., Khlopotov M. V. Study of thematic profiles and methods for calculating audience engagement in the communities of the social network "VKontakte", *Bulletin of Eurasian Science*, **2**, 1 (2018).
18. Akopova T. S., Tikhonova A. V. Application of indices in political marketing research of pre-election campaigns in social networks, On the example of the presidential campaign in the Russian Federation in 2018, *Proceedings of the Irkutsk State University. Series: Political science. Religious studies*, **30**, 18 (2019).

УДК 376.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА «СОДРУЖЕСТВО» НА БАЗЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ

Ветхова М.Ю.¹, Касатова Г.А.², Аверьянова Т.А.³, Каукина О.В.⁴

^{1,2}МАУ ДО «Дворец пионеров и школьников им. Н.К. Крупской г. Челябинска», Челябинск, Россия

^{3,4}ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия

³E-mail: ata1981@mail.ru

В статье представлен опыт организации интеграции образовательного процесса в образовательных учреждениях общего образования, дополнительного образования и сетевого образовательного проекта «Содружество» между МАУДО «ДПШ» и социально-реабилитационными центрами для несовершеннолетних, для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска. Анализируется опыт внедрения взаимодействия учреждения дополнительного образования с другими организациями города. Мероприятия, проекты и программы дополнительного образования своим содержанием и методами содействуют преодолению познавательных, ценностных, компетентностных, психофизических проблем и дефицитов, формируют на этой основе у обучающихся, находящихся в трудной жизненной ситуации, позитивную жизненную стратегию, помогают в определении своей будущей профессии, построении личной траектории развития.

Ключевые слова: образовательное взаимодействие, содружество, образовательные потребности, дополнительное образование, трудная жизненная ситуация, образовательный процесс.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире все острее начинает звучать вопрос о детях сиротах или о детях, попавших в трудную жизненную ситуацию. Данная проблема не является новой и в различные исторические периоды приобретает актуальность. В современном социальном пространстве многие авторы поднимают тему сирот, детей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию. Еще Выготский Л. С. указывал, что у детей сирот происходит социальная деформация из-за отсутствия эмоциональной привязанности к семье и негативного отношения к школе [1, Т.3, с. 296]. Донцов Д. А. и Донцова М. В. разделяют два вида сиротства детей, находящихся в социально-реабилитационных центрах: естественное сиротство и социальное сиротство [2, с. 10-25]. Авторами рассматриваются разные причины возникновения данного явления, анализируются возможные последствия и выделяются функции социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних. Для нашего исследования наиболее значимой функцией

является коррекционная, которая строится на основе медико-социальной и психолого-педагогической работы с детьми. Методика коррекционных действий способствует восстановлению и обретению новых форм социального общения и поведения, детско-подростковой жизнедеятельности: различных видов творчества, игр, познания. Вместе с тем, происходит частичная «замкнутость» пространства на данном этапе организации помощи детям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации. Появляется потребность привлечения различных образовательных организаций города для общей интеграции образовательных учреждений и создания условий для наиболее успешного достижения цели – социальная адаптация детей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию.

Сентябрев Г. Н. констатирует тот факт, что работа с такими детьми проводится комплексно: привлекаются социальные педагоги, психологи, педагоги-организаторы, педагоги дополнительного образования и многие другие [3, с. 73-75].

Необходимость создания условий для взаимодействия различных видов образовательных учреждений города продиктована потребностями социума в лице потенциальных заказчиков: Администрации образовательных учреждений города Челябинска, учащихся, родителей, социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска. Модернизация образования предполагает интеграцию общеобразовательных организаций, социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска, и учреждений дополнительного образования детей в единое образовательное пространство, где каждое учреждение, выполняя свои поставленные цели, имеет свои содержание, методы и приемы работы, является составным элементом в общем развитии личности обучающихся.

Внеурочная деятельность в школе в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта общего образования (далее – ФГОС) есть одна из составных частей основной образовательной программы, которая способствует наилучшему усвоению знаний, умений, навыков и достижению планируемых результатов; тесно связана с дополнительным образованием детей в части создания условий для многогранного развития и социализации каждого обучающегося в свободное от учёбы время [4, с. 52-53]. С 2011 г. во Дворце пионеров и школьников им. Н.К. Крупской г. Челябинска (МАУДО «ДПШ») функционирует «Проект «Интеграция», целью которого является создание и функционирование модели взаимодействия образовательных учреждений общего и дополнительного образования, направленной на развитие личности обучающихся. Данный экспериментальный проект реализовывался с 2011 года до 2020 года и имел следующие этапы: этап 1 (2011-2012 гг.) – проектировочный; этап 2 (2012-2015 гг.) – организационно-деятельностный; этап 3 (2016-2018 гг.) – продуктивный; этап 4 (2018-2020 гг.) – рефлексивно-обобщающий. На сегодняшний день данный проект продолжает своё функционирование.

Вместе с тем нами выделяется ряд противоречий:

– между возможностями проекта «Интеграция» и тем, что остается незатронутой часть контингента обучающихся, а именно детей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию;

– между целью дополнительного образования в необходимости формирования и развития интересов, потребностей и самоопределения обучающихся и отсутствием кадрового потенциала для реализации дополнительных общеобразовательных программ в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних и организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска;

– между необходимостью формирования социальной мобильности учащихся путем расширения сферы дополнительного образования и недостаточностью специальных программ по социализации в социально-реабилитационных центрах несовершеннолетних и организациях для детей-сирот.

Цель статьи: проанализировать и представить опыт внедрения в образовательное пространство практику проекта «Содружество».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Проанализировав современные формы работы в МАУДО «ДПШ», нами были сделаны выводы, что существует необходимость организации взаимодействия с социально-реабилитационными центрами для несовершеннолетних и организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска. С одной стороны поступил запрос на реализацию программ дополнительного образования на базе МАУДО «ДПШ», с другой стороны некоторые организации готовы были организовать образовательный процесс на базе собственных учреждений. На начальной стадии процесса «Содружество» было решено реализовывать дополнительные образовательные программы на базе учреждений социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска.

Целями проекта «Содружество» являются:

– организационно-педагогические – создание условий для успешной социализации детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и создание условий для достижения образовательных целей, реализуемых в личностных результатах, сопоставимых с результатами сверстников, путем обеспечения доступного и качественного дополнительного образования для воспитанников социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска, посредством реализации дополнительных общеобразовательных программ различной направленности;

– организационно-управленческие – реализация дополнительных общеобразовательных программ различной направленности для воспитанников социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска,

содействие формированию единого образовательного пространства г. Челябинска на основе взаимодействия образовательных организаций дополнительного образования и организаций системы социальной защиты.

Для достижения поставленных целей необходимо решение следующих задач:

1. Изучить спрос и потребности социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска, в обеспечении права воспитанников на дополнительное образование.

2. Определить возможности МАУДО «ДПШ» и социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска – партнеров МАУДО «ДПШ» по реализации Проекта.

3. Разработать дополнительные общеобразовательные программы различной направленности, отвечающие запросам и потребностям организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска – партнеров МАУДО «ДПШ» по реализации Проекта.

4. Обеспечить реализацию дополнительных общеобразовательных программ в соответствии с определенной моделью взаимодействия МАУДО «ДПШ» с организациями системы социальной защиты г. Челябинска – партнерами по реализации Проекта.

5. Подвести итоги реализации Проекта, дать оценку его эффективности на основе комплекса индикативных показателей.

С 2021 г. в МАУДО «ДПШ» запущен проект «Содружество». Необходимо отметить, что МАУДО «ДПШ» уже имел практический опыт взаимодействия с социально-реабилитационными центрами для несовершеннолетних и организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска, в рамках реализации благотворительных проектов, проведения мастер-классов для детей. В рамках проекта «Содружество» для детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, выполняется работа по организации и обеспечению дополнительной деятельности, направленной на образование, развитие творческой деятельности и воспитанию. На безвозмездной основе организовано ресурсное обеспечение процесса прошедших экспертную оценку дополнительных общеобразовательных программ в области творческой деятельности различных направленностей (художественной, технической, спортивной, социальной и др.); методическая поддержка процессов воспитательной деятельности и дополнительного образования обучающихся; дополнительное пространство социализации и развития творческих способностей детей [5, с. 508-513].

В соответствии с Концепцией развития дополнительного образования (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 04.09.2014 № 1726-р), дополнительное образование обладает конкурентными преимуществами в сравнении с другими видами образования: свободный и личностный выбор деятельности, определяющей индивидуальное развитие человека; вариативность содержания и форм организации образовательного процесса; доступность глобального знания и информации для каждого; адаптивность к возникающим

изменениям. Дополнительное образование выполняет функции «социального лифта» для значительной части детей, которые не получают необходимого объема или качества образовательных ресурсов в семье и общеобразовательных организациях, компенсируя таким образом их недостатки, или предоставляет альтернативные возможности для образовательных и социальных достижений детей, в том числе таких категорий, как дети с ограниченными возможностями здоровья, дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации [6; 7].

Привлечение детей рассматриваемых категорий в дополнительное образование решает ряд важных задач: выбор индивидуального образовательного маршрута; преодоление затруднений в учебе; профориентация; развитие творческих способностей; формирование здорового образа жизни; социализации [8].

На сегодняшний день главным вопросом образования является создание условий для наиболее полной творческой реализации личности обучающегося. Одним из направлений для создания таких условий является построение индивидуального личностного образовательного маршрута, который подразумевает разработку и внедрение в образовательный процесс педагогических условий, способствующих свободному выбору обучающимися форм, способов и методов обучения [9].

Для детей с особыми педагогическими потребностями, коими являются дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, выбор индивидуальных маршрутов зачастую единственная возможность получить не только знания, но и выбрать ту сферу деятельности, которая позволит в будущем стать полноценным членом общества, реализовать в полной мере свой потенциал для обеспечения себе достойной жизни. Дополнительное образование благодаря вариативности содержания и форм, адаптивности к возникающим изменениям позволяет особенному ребенку пробовать себя в различных сферах творческой деятельности, сориентироваться в выборе профессии. Развитие метапредметных навыков в ходе освоения программ дополнительного образования позволяет преодолевать затруднения в учебе. Воспитательный компонент организации деятельности творческих объединений является действенным инструментом в формировании здорового образа жизни, развитии творческих способностей, социализации [10].

Однако, дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации в связи с исходными психологическими особенностями и установками, не готовы самостоятельно включиться в систему дополнительного образования. Расценивают дополнительное образование, зачастую, как нечто либо недостойное их, либо, наоборот, заведомо предназначенное для детей «с более высоким социальным статусом».

В свою очередь законные представители (родители или опекуны, руководители учреждений) не всегда заинтересованы или в состоянии предоставить детям необходимый широкий спектр выбора деятельности.

В связи с обозначенными проблемами были поставлены и решены следующие задачи:

– привлечение детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, в систему дополнительного образования, создание условий для возможности выбора

обучающимися направленности деятельности, соответствующей их интересам и возможностям;

– достижение поставленных образовательных задач, которые соответствуют возрастным, психологическим, педагогическим характеристикам и сопоставимы с результатами их сверстников, что требует такую организацию образовательного процесса, который обеспечивал бы: решение образовательных задач, актуальных для детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;

– включение данной категории детей в единый образовательный процесс взаимодействия с их сверстниками для продуктивного сотрудничества и достижения целей [11].

Данные затруднения были решены с помощью привлечения и взаимодействия психологов МАУДО «ДПШ», педагогов-организаторов, и педагогов дополнительного образования, которые совместно с работниками центров осуществляли образовательную деятельность по программам дополнительного образования в зависимости от интересов детей. Если возникали поведенческие затруднения, психологами оказывалась помощь в преодолении данных затруднений.

Наибольшую заинтересованность проявили к программам художественной направленности, что подтверждает важность включения детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, в декоративно-прикладное творчество [12]. Определившись с направленностью, в течение года работы в проекте была проведена следующие этапы:

- 1) выделена и обоснована целевая аудитория проекта;
- 2) представлены временные ориентиры этапов проведения данного проекта (таблица 1);
- 3) уточнены и представлены: количество образовательных учреждений; количество дополнительных образовательных программ, количество часов и кадровое обеспечение дополнительных образовательных программ (таблица 2).
- 4) представлена промежуточный этап аналитической работы (таблица 3).

Таблица 1

Календарный план реализации проекта с указанием результатов каждого этапа

Наименование этапа, мероприятий	Сроки начала и окончания (мес., год)	Ожидаемые результаты (с указанием количественных и качественных показателей)
Разработка Проекта (Изучение спроса ОУ, написание ДОП)	1-30 сентября 2021 г.	1. Оформленный паспорт Проекта. 2. Утвержденные ДОП.
Организационный этап. (Определение партнеров Проекта. Подписание соглашений с ОУ. Подготовка пакета документов на зачисление детей)	1-30 сентября 2021 г.	1. Подписанные договоры о сетевой форме реализации дополнительной общеобразовательной программы с партнерами Проекта 2. Зачисление обучающихся на образовательные программы

Наименование этапа, мероприятий	Сроки начала и окончания (мес., год)	Ожидаемые результаты (с указанием количественных и качественных показателей)
Этап реализации Проекта (Организация образовательного процесса, проведение воспитательных мероприятий)	1 октября 2021 г. – 30 июня 2022 г.	1. Реализация ДОП 2. Проведение промежуточной аттестации обучающихся
Подведение итогов (Подготовка отчета по индикативным показателям реализации Проекта)	1-30 июня 2022 г.	Аналитическая справка

МАУДО «ДПШ», в свою очередь, увеличивает контингент обучающихся и обеспечивает выполнение муниципального задания, а также расширяет социальную базу своей образовательной деятельности, что способствует повышению его конкурентоспособности на рынке услуг по дополнительному образованию детей в образовательном пространстве города Челябинска [13].

В 2021-2022 учебном году Проект «Содружество» осуществлялся на основе запросов организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как на территории партнеров, так и на территории МАУДО «ДПШ» (Рис. 1, 2).

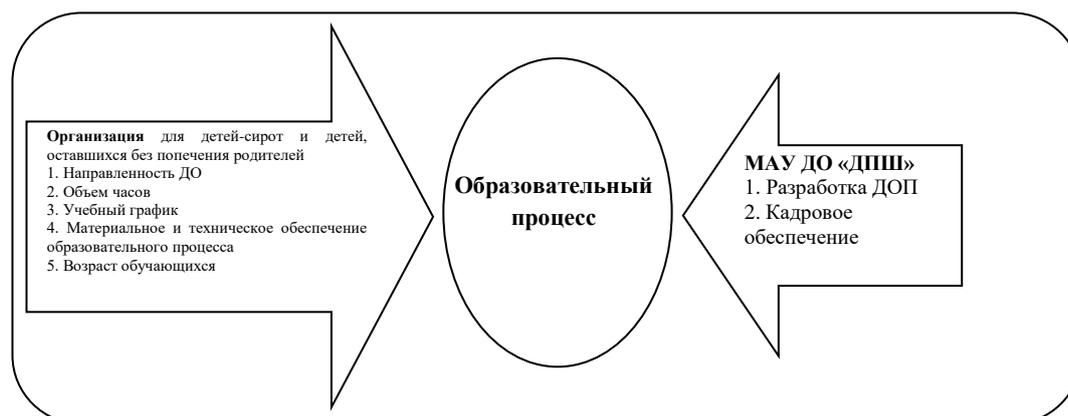

Рис. 1. Организация образовательного процесса на основе запросов организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории этих организаций

По первой модели (Рис. 1) осуществляется сотрудничество с МБУ Центр «Акварель» (детский дом № 8), МБУ Центр «Надежда» (детский дом № 6), МКУ СО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» Курчатовского района города Челябинска», МКУ СО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» Metallurgical district of the city of Chelyabinsk», МКУ СО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» Ленинского

района города Челябинска», МКУ СО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» Тракторозаводского района города Челябинска». В данных детских домах и социально-реабилитационных центрах МАУДО «ДПШ» внедряет четыре программы художественной направленности: «Творим своими руками 4.1» (74 часа); «Радуга рисования» (74 часа); «Этносувенир» (148 часов), «Скрапбукинг» (148 часов).

Рис. 2. Организация образовательного процесса на основе запросов организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и МАУДО «ДПШ»

Выбор данных программ неслучаен, на первом этапе был проведен опрос обучающихся о желании что-либо делать, в какой области, в каких техниках и для чего. Возраст для освоения данных программ был рассчитан на 7-14 лет и занятия проводились в смешанных группах на базе данных учреждений. Материальное и техническое обеспечение осуществлялось за счет данных учреждений. Обучающимися были высказаны пожелания не только рисовать, но и изготавливать сувениры в качестве подарка. Пожелания основывались на существующем опыте работы с различными материалами и на желании сделать что-нибудь приятное своим близким. На втором этапе отбор педагогов происходил исходя из существующего образования и опыта взаимодействия с детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию. При работе с детьми возникали проблемные ситуации, которые необходимо было решать «здесь и сейчас» с помощью психологов и педагогов данных учреждений. Были организованы, скорректированы темы занятий, например, на праздники 23 февраля и 8 марта обучающиеся выбирали сами объект подарка, в беседе с обучающимися педагогами очень деликатно проводился опрос, для кого будет выполняться подарок. Многие обучающиеся изготавливали подарки для своих сестер и братьев, находящихся здесь же, либо в других учреждениях, своим подругам, своим наставникам из детских учреждений и т.д. По возможности педагоги в очень деликатной форме направляли деятельность обучающихся, были варианты не только отказа от изготовления подарков, но и проявления агрессии, в этих ситуациях педагоги грамотно переводили тему задания на позитивную волну.

По второй модели (Рис. 2) – с МБУ Центр «Аистенок» (детский дом №2). В данном учреждении обучающиеся обучались по двум программам: «Радуга рисования» (74 часа); «Этносувенир» (148 часов), возраст варьировался от 10 до 14 лет. Наибольший интерес проявили именно в рисовании и изготовлении этносувениров для украшения интерьеров и поздравления родных, близких, друзей. Изобразительное творчество способствовало раскрепощению и общению через самовыражение в композиционном решении работ и цветовом решении. Обучающиеся в данном учреждении уже имели определенный опыт владения материалами и с удовольствием включались в процесс создания продуктов творчества.

МАУДО «ДПШ» выстраивает для всех образовательных учреждений свой модуль дополнительных образовательных программ, исходя из собственных возможностей (материальных, кадровых). Модуль является составной частью плана внеурочной деятельности образовательного учреждения и обновляется ежегодно [14; 15; 16].

Вместе с тем, нами были выделены и другие категории детей, которые в меньшей степени задействованы в процессе дополнительного образования. Дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, дети, находящиеся в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска. Вовлечение в различные виды деятельности данной категории обучающихся, на наш взгляд, имеет особую актуальность, так как мероприятия, проекты и программы дополнительного образования своим содержанием и методами содействуют преодолению познавательных, ценностных, компетентностных, психофизических проблем и дефицитов, формируют на этой основе у детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, позитивную жизненную стратегию. Помогают в определении своей будущей профессии, построении личной траектории развития [17-19].

Для достижения цели в процессе реализации данного проекта были успешно решены следующие задачи:

- изучен спрос и потребности социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска, в обеспечении права воспитанников на дополнительное образование;

- определены возможности МАУДО «ДПШ» в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска – партнеров МАУДО «ДПШ» по реализации Проекта;

- разработаны дополнительные общеобразовательные программы различной направленности, отвечающие запросам и потребностям организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска – партнеров МАУДО «ДПШ» по реализации Проекта;

- обеспечена реализация дополнительных общеобразовательных программ в соответствии с определенной моделью взаимодействия МАУДО «ДПШ» с

организациями системы социальной защиты г. Челябинска – партнерами по реализации Проекта.

Показатели эффективности данного Проекта представлены в таблице 2.

Таблица 2

Индикативные показатели эффективности реализации Проекта

№ п/п	Индикативные показатели эффективности реализации Проекта	Значение показателей на 2021/2022 учебный год
Количественные показатели		
1.	Количество образовательных учреждений (партнеры Проекта)	7
2.	Количество образовательных программ (очных и дистанционных)	4 ДОП (очная форма обучения)
3.	Количество участников Проекта – обучающихся (чел.)/человек часов за учебный год	78/66300
Качественные показатели		
5.	Уровень освоения ДОП в соответствии с результатами промежуточной аттестации	Освоил ДОП – 100% Не освоил ДОП – 0%
6.	Уровень удовлетворенности качеством ДОП (анкета для обучающихся, родителей (законных представителей))	Высокий – 60 % Средний – 40 % Низкий – 0 %

В период эксперимента были выделены следующие организационные сложности: 1) удаленность учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей от основного места работы педагогов, психологов, педагогов-организаторов; 2) небольшое количество часов в течение рабочего дня.

На сегодняшний день руководителями различных организаций и уровней прорабатывается вопрос на организацию доставки обучающихся на базу МАУДО «ДПШ» для проведения занятий.

Таким образом, для привлечения в систему дополнительного образования детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, необходимы более сложные системы сетевого взаимодействия, в которых могли бы принимать участие учреждения дополнительного образования, институты муниципального управления, организации и учреждения, оказывающие помощь и поддержку семьям в трудной жизненной ситуации, общественные объединения, некоммерческие социально ориентированные организации, представители бизнеса и промышленные предприятия. Создание таких совместных проектов, взаимодействие, направленное на предоставление детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, широкого выбора траекторий образовательной и социальной деятельности, с учетом потребностей и возможностей партнеров позволит предоставить детям выбор

направлений творческой деятельности и выбор своей траектории образования, чтобы впоследствии определиться с выбором профессии и занять достойное место в обществе [20; 21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе работы нами были выделены следующие аспекты:

1) потребность в организации и расширения взаимодействия МАУДО «ДПШ» с организациями системы социальной защиты г. Челябинска существует и подтверждается;

2) запрос на расширение направленностей дополнительных образовательных программ МАУДО «ДПШ»;

3) возникает необходимость внутрисетевого взаимодействия психолого-педагогического, медицинского, административного состава образовательной деятельности;

4) необходимость корректировки дополнительных общеобразовательных программ с учетом специфики социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Челябинска.

В дальнейшем нами планируется выполнение следующих задач: изменение структуры и содержания дополнительных общеобразовательных программ в соответствии с современными требованиями программных документов для более успешной социализации и достижения личностных и метапредметных результатов; обеспечение качественными услугами дополнительного образования в современных условиях; выстраивание индивидуальной образовательной траектории учащихся с учетом их индивидуальных интересов и образовательных потребностей; развитие способности к коммуникациям в общении и сотрудничестве с педагогами и сверстниками; выявление стремления и поощрение проявления профессионального мастерства и самореализации педагогов МАУДО «ДПШ»; расширение спектра образовательных организаций, нацеленных на выстраивание модели сотрудничества в рамках Проекта.

Благодарности: Мы хотим выразить слова благодарности разработчикам и руководителям «Проект «Интеграция», предоставившим сведения о проекте: Смирновой Юлии Викторовне, кандидату педагогических наук, Почетному работнику общего образования РФ, директору МАУДО «ДПШ»; Рождественской Ирине Николаевне, заместителю директора по обеспечению качества образования МАУДО «ДПШ»; Поздняковой Татьяне Викторовне, методисту учебного отдела МАУДО «ДПШ».

Список литературы

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. Проблемы развития психики / Л.С. Выготский // Под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
2. Донцов Д.А. Социальная работа с детьми-сиротами и с детьми, оставшимися без попечения родителей / Д.А. Донцов, М.В. Донцова // Вестник МГПУ. Социальная педагогика и социальная психология. – 2008. – №3. – С. 10-25.

3. Сентябрьев Г.Н. Принципы работы с детьми-сиротами по преодолению последствий депривации / Г.Н. Сентябрьев // Вестник магистратуры. – 2016. – №7-1 (58). – С. 73-75.
4. Мехрякова С.М. Организация внеурочной деятельности учащихся через сетевые проекты как форма проектной деятельности в рамках перехода на ФГОС / С.М. Мехрякова // Вестник научных конференций. – 2017. – № 1-3 (17). – С. 52-53.
5. Филатова М.Н. Интеграция как методологический подход к повышению качества общего и дополнительного образования детей / М.Н. Филатова // Молодой ученый. – 2016. – № 15 (119). – С. 508-513.
6. Архипова О.В. Структурно-содержательная модель педагогического обеспечения процесса интеграции внеурочной деятельности и дополнительного образования / О.В. Архипова, Т.Ю. Балакина, И.О. Буденная, Ю.Б. Ильина // Евразийский союз ученых. – 2018. – № 4-5 (49). – С. 27-30.
7. Котлярова И.О. Дополнительное образование через всю жизнь: развитие личных ресурсов человека: монография / И.О. Котлярова, С.Г. Сериков. – Челябинск: Уральская академия, 2011. – 188 с.
8. Сериков Г.Н. Управление образованием: системная интерпретация: монография / Г.Н. Сериков. – Челябинск: Факел, 1998. – 664 с.
9. Котлярова И.О. Теория и практика управления образованием / И.О. Котлярова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2020. – Т. 12, № 3. – С. 6-22.
10. Филатова М.Н. Индивидуализация и персонализация дополнительного образования детей как педагогическая проблема / М.Н. Филатова // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2015. – № 6. – С. 13-21.
11. Бокова О.А. Опыт-экспериментальная деятельность учреждения дополнительного образования как основа реализации программ дополнительного образования / О.А. Бокова, Д.Н. Рыбин, А.Г. Степанищев // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 316-320.
12. Корчуганова И.П. Технология выставочной деятельности как средство поддержки успешной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья и включения их в активную творческую деятельность / И.П. Корчуганова, Я.Ю. Тарасова // Методист. – 2021. – № 7. – С. 27-31.
13. Трусова Л.Э. Дополнительное образование в контексте концепции развития дополнительного образования детей / Л.Э. Трусова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 1-2. – С. 137-140.
14. Аверьянова Т.А. Педагогические условия формирования технологической культуры обучающихся школы / Т.А. Аверьянова, Г.А. Касатова // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – № 6. – С. 1-7.
15. Гальковская И.В. Новые формы воспитательной работы как средство реализации оптимизационной модели организации внеурочной деятельности обучающихся в соответствии с ФГОС / И.В. Гальковская, Н.Д. Мордвина // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2013. – № 1. – С. 38-43.
16. Красилова И.В. Внедрение профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» в учреждении дополнительного образования / И.В. Красилова, Ю.А. Горбачева // Образование и воспитание. – 2019. – № 6 (26). – С. 38-39.
17. Lvov V.V. State of university–employer interaction models in Russia / V.V. Lvov, Z.V. Smirnova, E.I. Artemova, T.A. Averianova, Iu.O. Aleksyuk, A.P. Tonkikh // Journal of Entrepreneurship Education. – 2019. – Т. 22, № 4. – P. 1-9.
18. Kasatova G.A. Development Of The Creative Abilities Of Students In Studying Artistic Metal Processing / G.A. Kasatova, T.A. Averyanova, O.V. Kaukina, N.I. Natus, L.V. Rezinkina // International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021). – 2021. – Vol. 117, No 21. – P. 156-165.
19. Лымарева Ю.В. Особенности структурирования авторского учебного курса по предмету «Технология» в условиях ФГОС / Ю.В. Лымарева // Философия образования. – 2016. – № 4 (67). – С. 47-56.
20. Гусякова А.В. Психологические аспекты взаимосвязи механизмов сознания и индивидуализации обучения / А.В. Гусякова, Н.И. Гусякова, М.Ю. Ветхова, В.М. Кирсанов // Педагогика и психология образования. – 2019. – № 4. – С. 172-185.

21. Сапожникова Т.В., Захарова О.В. Совершенствование индивидуальной методической системы педагогов дополнительного образования в условиях формирования цифровой среды организации дополнительного образования / Т.В. Сапожникова, О.В. Захарова // Вопросы педагогики. – 2020. – № 8-1. – С. 85-90.

**IMPLEMENTATION OF THE INNOVATIVE PROJECT “COMMONWEALTH”
ON THE BASIS OF INSTITUTIONS OF ADDITIONAL EDUCATION AND
SOCIAL REHABILITATION CENTERS**

Vetkhova M.Yu.¹, Kasatova G.A.², Averianova T.A.³, Kaukina O.V.⁴

^{1,2} N.K. Krupskoy Palace of Pioneers and Schoolchildren, Chelyabinsk, Chelyabinsk region, Russian Federation

^{3,4} Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, Russian Federation

³ E-mail: ata1981@mail.ru

The modern development of society dictates the need to create conditions for interaction between various educational institutions to organize the educational process, which is reflected in the search and implementation of new forms, methods, ways of organizing this process. Analysis of existing practices and the results of the experiment allow us to state the success of the presented interaction models and suggests the further development of such forms of cooperation. Considering the educational process from the point of view of systemic, value-based, personality-oriented approaches, the authors substantiate the essence of the forms of pedagogical interactions presented in the article. The interaction of educational institutions arose on the basis of the need to organize the provision of additional educational services in educational institutions of general education.

The article presents the experience of organizing the integration of the educational process in educational institutions of general education, additional education and the network educational project "Commonwealth" between the MAUDO "DPSH" and social rehabilitation centers for minors and organizations for orphans and children without parental care in the city. Chelyabinsk. The article presents the activities of additional education teachers of various directions.

For our study, the most significant function of social rehabilitation centers for minors is correctional, which is built on the basis of medical, social, psychological and pedagogical work with children. The methodology of corrective actions contributes to the restoration and acquisition of new forms of social communication and behavior, child and adolescent life activity: various types of creativity, games, cognition. At the same time, we highlight a number of contradictions: between the capabilities of the “Integration” project and the fact that part of the student population remains unaffected, namely children who find themselves in a difficult life situation; between the goal of additional education in the need to form and develop the interests, needs and self-determination of students and the lack of human resources for the implementation of additional general education programs in social rehabilitation centers for minors and organizations for orphans and children

without parental care in Chelyabinsk; between the need to develop social mobility of students by expanding the scope of additional education and the insufficiency of special socialization programs in social rehabilitation centers for minors and organizations for orphans. The purpose of the study is to analyze and present the experience of introducing the practice of the “Commonwealth” project into the educational space.

The experience of implementing interaction between an additional education institution and other organizations in the city is analyzed. And the importance of this interaction for children who find themselves in difficult life situations. Which arises from a wide choice of trajectories of educational and social activities, taking into account their needs and capabilities, which will allow them to realize their educational needs and, subsequently, take their rightful place in society. Activities, projects and programs of additional education, with their content and methods, help overcome cognitive, value, competence, psychophysical problems and deficits, form on this basis a positive life strategy for students in difficult life situations, help in determining their future profession, building a personal development trajectories.

In the future, we plan to carry out the following tasks: changing the structure and content of additional general education programs in accordance with modern requirements of program documents for more successful socialization and achieving personal and meta-subject results; provision of high-quality additional education services in modern conditions; building an individual educational trajectory for students, taking into account their individual interests and educational needs; development of communication abilities in communication and cooperation with teachers and peers; identifying the aspirations and encouraging the manifestation of professional excellence and self-realization of teachers of MAUDO "DPSH"; expanding the range of educational organizations aimed at building a model of cooperation within the Project.

Keywords: educational interaction; commonwealth; educational needs; additional education; difficult life situation; educational process.

References

1. Vygotsky L.S., *Collected works: In 6 volumes. V.3. Problems of the development of the psyche*, 368 p. (Pedagogy, Moscow, 1983).
2. Dontsov D.A. and Dontsova M.V. Social work with orphans and children left without parental care, *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Social Pedagogy and Social Psychology*, **3**, 10 (2008).
3. September G.N., Principles of work with orphans to overcome the consequences of deprivation, *Bulletin of the Magistracy*, **7-1** (58), 73 (2016).
4. Mekhryakova S.M., Organization of extracurricular activities of students through network projects as a form of project activities in the framework of the transition to the Federal State Educational Standard, *Bulletin of Scientific Conferences*, **1-3** (17), 52 (2017).
5. Filatova M.N., Integration as a methodological approach to improving the quality of general and additional education for children, *Young scientist*, **15** (119), 508 (2016).
6. Arkhipova O.V., Balakina T.Yu., Budennaya I.O. and Ilyina Yu.B., Structural and content model of pedagogical support for the process of integration of extracurricular activities and additional education, *Eurasian Union of Scientists*, **4-5** (49), 27 (2018).
7. Kotlyarova I.O. and Serikov S.G., *Additional education through life: the development of personal human resources: a monograph*, 188 p. (Ural Academy, Chelyabinsk, 2011).

8. Serikov G.N., *Education management: system interpretation*: monograph, 664 p. (Fakel, Chelyabinsk, 1998).
9. Kotlyarova I.O., Theory and practice of education management, Bulletin of SUSU. Series "Education. Pedagogical Sciences", **12** (3), 6 (2020).
10. Filatova M.N., Individualization and personification of additional education for children as a pedagogical problem, *Innovative projects and programs in education*, **6**, 13 (2015).
11. Bokova O.A., Rybin D.N. and Stepanischev A.G., Experimental activities of institutions of additional education as a basis for the implementation of programs of additional education, *World of science, culture, education*, **6** (85), 316 (2020).
12. Korchuganova I.P. and Tarasova Ya.Yu., Technology of exhibition activity as a means of supporting the successful socialization of children with disabilities and their inclusion in active creative activity, *Methodist*, **7**, 27 (2021).
13. Trusova L.E., Additional education in the context of the concept of development of additional education for children, *Actual problems of the humanities and natural sciences*, **1-2**, 137 (2015).
14. Averyanova T.A. and Kasatova G.A. Pedagogical conditions for the formation of technological culture of school students, *World of Science*, **6**, 1(2018).
15. Galkovskaya I.V. and Mordvina N.D. New forms of educational work as a means of implementing an optimization model for organizing extracurricular activities of students in accordance with the Federal State Educational Standard, *Municipal Education: Innovation and Experiment*, **1**, 38 (2013).
16. Krasilova I.V. and Gorbacheva Yu.A. Introduction of the professional standard "Teacher of additional education for children and adults" in the institution of additional education, *Education and upbringing*, **6** (26), 38 (2019).
17. Lvov V.V., Smirnova Z.V., Artemova E.I., Averianova T.A., Aleksyuk Iu. O. and Tonkikh A.P., State of university–employer interaction models in Russia, *Journal of Entrepreneurship Education*, **22**, **4**, 1 (2019).
18. Kasatova G.A., Averyanova T.A., Kaukina O.V., Natus N.I. and Rezinkina L.V., Development Of The Creative Abilities Of Students In Studying Artistic Metal Processing, *International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021)*, 117, **21**, 156 (2021).
19. Lymareva Yu.V., Features of structuring the author's training course on the subject "Technology" in the conditions of the Federal State Educational Standards, *Philosophy of Education*, **4** (67), 47 (2016).
20. Guslyakova A.V., Guslyakova N.I., Vetkhova M.Yu. and Kirsanov V.M., Psychological aspects of the relationship between the mechanisms of consciousness and individualization of learning, *Pedagogy and psychology of education*, **4**, 172 (2019).
21. Sapozhnikova T.V. and Zakharova O.V., Improving the individual methodological system of teachers of additional education in the conditions of the formation of a digital environment for the organization of additional education, *Questions of Pedagogy*, **8-1**, 85 (2020).

УДК 37.01

ЛИЧНОСТЬ РЕБЕНКА В КОНЦЕПЦИИ АНТИХРУПКОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Емельянова И. Е.¹, Котлованова О. В.², Сыченко И. А.³

^{1,2}*«Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»,
Челябинск, Россия*

³*ООО «Демедиа», Челябинск, Россия*

E-mail: emelyanovaie@cspu.ru¹, kovchel08@mail.ru², IASychenko@mail.ru³

В статье раскрывается взгляд авторов на формирование личности в рамках концепции Антихрупкого образования. Статья описывает особенности современного мира и необходимости разработки теоретической и практической основ Антихрупкого образования, даются понятийные основы. Авторы раскрывают свой взгляд на принципы Антихрупкого образования, среди которых субъект-субъектное взаимодействие, определение и сохранение личных границ и границ других субъектов, целостности и антихрупкости «Я-образа» и «Я-концепции», на принципы интеграции и метапредметности, а также экологичности образования с использованием как природных, так и цифровых ресурсов в образовательном процессе, актуализации императивов в моменты бифуркации и другие. К императивным правилам, относятся следующие: познавая мир, познаю себя; реализуя себя, берегу мир; преобразуя мир, сохраняю уникальность «Я» в меняющемся пространстве.

Ключевые слова: концепция антихрупкого образования, личность в антихрупком образовании, ценности, императивы.

ВВЕДЕНИЕ

Входя в мир нестабильный и неопределенный, мы не можем знать задачи, которые нужно будет решать. И предлагаем при решении задач будущего опираться на устойчивые личные установки. Учитывая особенности современного мира (трудности прогнозирования новых вызовов), нам необходима концепция, которая позволит обеспечить в образовательном процессе сохранность как физиологической, так и духовной уникальности каждой личности и возможность самоидентификации, а значит безопасной самореализации подрастающих поколений. Возможность реализации данного социального запроса мы видим в разработке концепции Антихрупкого образования и внедрении соответствующих принципов и правил самореализации в ситуации хаоса. Каждый педагог и родитель может формировать ценности, которые составят основу для интеграции и развития новой образовательной парадигмы [1].

У здоровой личности есть важнейшая цель, разные авторы называют ее по-разному: самоактуализация, самореализация, психическое здоровье, индивидуализация, автономия, креативность, счастье – мы считаем данные термины синонимами реализации потенциалов индивида, становления человека, становление

* Статья публикуется в порядке дискуссии в авторской редакции

личности, начиная с дошкольного детства. При этом воспитание может и должно помочь ребенку на пути становления тем, кем он хочет и может стать [2].

Очевидно, что новая реальность диктует новые запросы, которые мы должны решить, чтобы, сохраняя себя, безопасно двигаться и развиваться в быстро меняющемся мире. Цели, ориентиры нам крайне важно корректно трансформировать в принципы и правила, которые способствуют эффективной реализации концепции Антихрупкого образования начиная со ступени дошкольного образования в России. [3]. Так от актуальных жизненных задач через философию мы приходим к созданию педагогических взглядов, конкретных приемов и средств, а целью этого многоэтапного процесса является личность, а именно развитие важнейших ее качеств в реалиях современных вызовов и будущих тенденций.

Цель статьи: раскрыть характерологический портрет личности, формирующейся в рамках концепции Антихрупкого образования.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Понятие «Антихрупкость (англ. Antifragility)» введено профессором, доктором философии, преподавателем науки управления Нассимом Николасом Талебом [4]. Данное понятие раскрыто в книге «Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса». Антихрупкость – способность к извлечению опыта из потерь, трудностей, ошибок; умение находить новые смыслы, новые возможности и варианты действий при столкновении с неизвестностью современного мира. Неопределенность современного мира рассматривается как поле для выбора из многообразия вариантов, а также как возможность сформировать такие личностные качества как ответственность и гибкость. Ценностью антихрупкости мы считаем возможность работать с неизвестностью, осуществлять продуктивную образовательную деятельность в условиях нестабильности. Базовым аспектом формирования личности мы считаем императивы. Именно императивность сознания и поведения позволяют быть гибким в самореализации в условиях нестабильного мира. В понимании императивов в концепции Антихрупкого образования мы опираемся на взгляды исследователей из разных областей знаний. Так философ И. Кант понимает под императивом требование, приказ, закон, нравственные принципы, которые не зависят от окружающей среды. Человек при выборе действий, должен учитывать не только свои желания, но и общечеловеческие правила, являющиеся безусловным повелением (категорическим императивом) [5]. В трудах юристов Иоффе О. С. и Шаргородского М. Д. императив трактуется как нормы, правила, которые не могут быть заменены какими-либо иными требованиями, установленными его участниками [6]. Согласно толковому словарю Ожегова С. И., императив – «повеление, безусловное требование» [7].

В современном нестабильном мире, который включает в себя разного рода манипуляции, отсутствие собственных императивов влечет за собой несвободную волю, зависимость от навязанных идеалов, неспособность сформировать собственные жизненные ориентиры, цели. Фуко М. называет такое состояние невежеством, поднимая под этим открытость влияниям извне, разбросанность

между увлечением и бездельем, когда жизнь пущена на самотек, а воля не направлена ни к какой цели [8].

Формирование личности в парадигме Антихрупкого образования связано с взаимоотношениями со значимыми взрослыми и рождением у ребенка нравственных представлений и чувств — императивов. Дошкольный возраст особенно благоприятен для зарождения и укрепления императивов. Как педагоги, воспитатели, так и семья, самые близкие формируют императивы у ребенка с самого раннего возраста.

Говоря о самореализации, мы опираемся на работы Аникеевой Н. П., Джеймса М., Кобрин В. И., Козлова В. В., Перлза Ф., Рудестама К., Савотиной Н. А., Самоукиной Н. В. и др. Самореализация помогает личности удерживать контроль над своей жизнью, что особенно важно в условиях нестабильного мира, противоречивой информации. В этом контексте, будущий мир станет для ребенка устойчивой системой, сформированной вокруг его императивов.

Под духовно-творческой самореализацией ребенка мы понимаем реализацию актуальных и потенциальных самостей как архетипа целостности личности, динамического равновесия сознательного и бессознательного в духовно-творческих переживаниях, основанных на самопознании и рефлексивной деятельности [9]. Таким образом, развитие у ребенка предпосылок к духовно-творческой самореализации – это один из базисов развития личности в контексте Антихрупкого образования.

Рассмотрим важность синергетического подхода, как призмы, сквозь которую можно рассматривать ориентиры концепции антихрупкого образования. Согласно синергетическому подходу, сложные системы имеют множество альтернативных путей развития. Мы предлагаем рассматривать концепцию Антихрупкого образования с точки зрения синергетического подхода, так как именно он обеспечивает гибкость и многовариативность развития личности в трудно предсказуемых условиях развития культуры и общества. Мы считаем особенно важным тот факт, что принципы, методы и приемы синергетического подхода представляются необходимыми для внедрения в современную педагогику.

Педагогика является отражением быстроменяющихся общественных процессов, а потому находится в постоянном изменении. Но при этом педагогика и её современные методы и средства должны соответствовать потребностям семьи и ребенка в мире реальных вызовов. Соблюдение принципа самоорганизации и саморазвития в педагогической деятельности нацеливает субъектов образовательной системы на изучение процессов саморегуляции деятельности, общения и отношений, на выявление тенденций, внутренних механизмов и резервов развития каждого ребенка [9]. Синергетический подход позволяет говорить о переходе человека из организуемой в самоорганизующуюся личность. Самоорганизующаяся личность способна оперативно и эффективно осуществлять духовно-творческую самореализацию в нестабильном быстроменяющемся мире.

Синергетический подход ранее успешно применялся нами в педагогических практиках, носящих ценности антихрупкой концепции. Так при реализации проекта «Лесная школа» [9] обучающиеся начальной и средней школы объединились не в

классы, а в разновозрастные группы (объединения) по интересам. Образовательный процесс проходил в естественной природной среде. Так, около озера занимались ребята-гуманитарии, в гористой местности расположилось естественно-научное направление, а на реке находились дети, имеющие физико-математическое направление.

Дети не занимались по стандартным учебникам. Главные задачи им ставила сама природа. Так, педагоги предлагали ребятам только естественно-экспериментальные задачи, состоящие из описания данных и стимула к действию. Стимулом к действию является фраза-стимул, например, «ребята думали, что ..., но оказалось, что это не так». Таким образом ребята сталкивались с неопределенностью, с неизвестностью, что мотивировало их проверить, провести опыты, изучить материал, который поможет подтвердить или опровергнуть гипотезу. Также учащимся предлагалось продолжить фразу-стимул, выдвигать непредсказуемые версии, самостоятельно искать ресурсы по проверке гипотез, проводить эксперименты.

В образовательном процессе «Лесной школы» не было привычного жестко закрепленного расписания уроков, что позволило детям гибко определять выстроить личную траекторию самореализации и её основной вектор. Получается, что у каждого ребенка был свой индивидуальный образовательный процесс, имелся выбор ресурсов для достижения своей поставленной цели.

Дети учились быть готовым менять свою цель и пересматривать ресурсы ее достижения в зависимости от ситуации. При этом важно учитывать, что все ребята ориентировались в своём поведении на принятые в «Лесной школе» ценности. Именно ценности станут основой императивного поведения личности в современном труднопрогнозируемом мире. Ученые Галицкая И. А., Метлик И. В. подчеркивают, что императивное поведение выражается в способности взвешивать и иерархизировать все большие и малые альтернативы и делать сознательный выбор независимо от внешних влияний. Это возможно, потому что человек принял и соблюдает иерархию ценностей, начиная с абсолютной, когда более высокое читается как таковое и не допускается перестановка высокого и низкого.

Итак, под Антихрупким образованием мы подразумеваем такую концепцию образования, которая позволит сохранить самосознание человека, его императивы во взаимодействии с природой и техникой и позволит выстраивать траекторию духовно-творческой самореализации человека в быстро меняющихся условиях. Антихрупкое образование позволяет выстроить целостность «Я-концепции» всех участников процесса. Согласно Бернсу Р., Я-концепция – это совокупность установок на самого себя. Идеи, разработанные Бернсом Р. мы учитываем при формировании личности в рамках концепции Антихрупкого образования. В большинстве определений установки подчеркиваются три главных ее элемента, ее три психологические составляющие:

1. Образ Я – представление индивида о самом себе.
2. Самооценка – аффективная оценка этого представления, которая может обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа Я могут

вызвать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением.

3. Потенциальная поведенческая реакция, то есть те конкретные действия, которые могут быть вызваны образом Я и самооценкой [10].

Антихрупкое образование строится на принципах субъект-субъектного взаимодействия, определения и сохранения личных границ и границ других субъектов, целостности и антихрупкости «Я-образа» и «Я-концепции», принципов интеграции и метапредметности, а также экологичности образования с использованием как природных, так и цифровых ресурсов в образовательном процессе, актуализации императивов в моменты бифуркации и другие.

К императивным правилам, вытекающим из вышеперечисленных принципов, мы относим следующие: познавая мир, познаю себя; реализуя себя, берегу мир; преобразуя мир, сохраняю уникальность «Я» в меняющемся пространстве. Основополагающими ценностями, формируемыми в рамках концепции Антихрупкого образования мы определяем следующие: свобода, труд, эмпатийность, рефлексия, созидательность, осмысленность, гуманное отношение к миру, грамотность в области обеспечения безопасной жизнедеятельности. В постоянно меняющемся, нестабильном современном мире важно говорить о миссии педагога-наставника, который сопровождает формирование у ребёнка императивов в быстро меняющихся условиях самореализации. Мы считаем, что отсутствие собственных ценностей и императивов влечет за собой несвободную волю, зависимость от навязанных идеалов, неспособность сформировать цели самореализации.

ВЫВОДЫ

Таким образом, особенности современного мира диктуют необходимость внедрения концепции Антихрупкого образования, с учетом ее базовых принципов и правил. Статья доказывает важность императивного базиса как основы личностных ценностей и раскрывает авторский взгляд на Я-концепцию личности, формирующейся в Антихрупком образовании.

Мы приходим к выводу, что своевременно раскрытые потенциалы, развитые способности, сформированная мотивация, устойчивая установка на нравственные ценности и способность к рефлексии собственных поступков являются важными ориентирами в процессе формирования личности в концепции Антихрупкого образования. Сама личность при этом характеризуется чётко осознаваемыми императивами, которым следует в своих действиях и коммуникациях с людьми в мире хаоса.

Список литературы

1. Томина Е. Ф. Педагогические идеи Джона Дьюи: история и современность / Е. Ф. Томина // Вестник ОГУ. – 2011. – №2 (121). – С. 360-366.
2. Емельянова И. Е. Педагогическая стратегия и тактика развития одаренности детей дошкольного возраста в духовно-творческой самореализации / И. Е. Емельянова // Вестник ЧГПУ. – 2010. – № 1. – С. 81-88.

3. Дзятковская Е. Н. Зеленые аксиомы – педагогическая форма нравственных императивов / Е. Н. Дзятковская // Материалы международной конференции Зеленого креста. – 2016. – С. 1-8.
4. Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Н.Н. Талеб. – М.: Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015. – 762 с.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант; пер. с нем. – М.: Мысль, 2001. – 211 с
6. Иоффе О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М.: Госюриздат, 1961. – 381 с.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Рос. академия наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, М.: Азбуковник, 2004. – 944 с.
8. Фуко М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – Наука. Ленинградское отделение, 2007. – 680 с.
9. Емельянова И. Е., Емельянова Л. А. Духовно-творческая самореализация детей в инновационных образовательных условиях ("Лесная школа") / И. Е. Емельянова, Л. А. Емельянова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10. – С. 42-46.
10. Бернс Р. Что такое Я-концепция. Психология самосознания. Хрестоматия. / Р. Бернс [редактор-составитель - Д. Я. Райгородский]. – Самара: Бахрах-М. – 2003. – 671 с.

THE CHILD'S PERSONALITY IN THE CONCEPT OF ANTIFRAGILE EDUCATION

Emelyanova I.E.¹, Kotlovanova O.V.², Sychenko I.A.³

^{1,2} "South Ural State University of Humanities and Pedagogy", Chelyabinsk, Russia

³LLC "Demedia", Chelyabinsk, Russia

E-mail: emelyanovaie@cspu.ru¹, kovchel08@mail.ru², IASychenko@mail.ru³

The article reveals the authors' view on the formation of personality within the framework of the concept of Antifragile education. The authors emphasize new demands for personality formation in the modern unstable world. The article describes the features of the modern world and the need to develop theoretical and practical foundations of Antifragile education, conceptual foundations are given. The purpose of the article is to reveal the characterological portrait of a personality formed within the framework of the concept of Antifragile education. Antifragility is the ability to extract experience from losses, difficulties, mistakes; the ability to find new meanings, new opportunities and options for action when faced with the unknown of the modern world.

We consider the value of antifragility to be the opportunity to work with the unknown, to carry out productive educational activities in conditions of instability. We consider imperatives to be the basic aspect of personality formation. It is the imperative of consciousness and behavior that makes it possible to be flexible in self-realization in an unstable world. The formation of personality in the paradigm of Antifragile education is associated with relationships with significant adults and the birth of moral ideas and feelings — imperatives in a child. And the development of prerequisites for spiritual and creative self-realization in a child is one of the bases of personality development in the context of Antifragile education.

The authors describe the principles and the resulting pedagogical rules of the concept of Antifragile education. The authors reveal their view on the principles of Antifragile

education, including subject-subject interaction, the definition and preservation of personal boundaries and boundaries of other subjects, the integrity and antifragility of the "I-image" and "I-concept", the principles of integration and meta-subject, as well as the environmental friendliness of education using both natural and digital resources in the educational process, actualization of imperatives at the moments of bifurcation and others. The imperative rules include the following: knowing the world, I know myself; realizing myself, I take care of the world; transforming the world, I preserve the uniqueness of the "I" in a changing space.

By Antifragile education, the authors mean such a concept of education that will preserve a person's self-consciousness, his imperatives in interaction with nature and technology and will allow building a trajectory of spiritual and creative self-realization of a person in rapidly changing conditions.

Timely revealed potentials, developed abilities, formed motivation, a stable attitude to moral values and the ability to reflect on one's own actions are important guidelines in the process of personality formation in the concept of Antifragile education.

Thus, the article emphasizes the importance of the imperative basis as the basis of personal values and reveals the author's view of the Self-concept of personality formed in Antifragile education.

Keywords: concept of antifragile education, personality in antifragile education, values, imperatives.

References

1. Tomina E. F. Pedagogical ideas of John Dewey: history and modernity, *Bulletin of OSU*, **2**, 121, 360 (2011).
2. Emelyanova I. E. Pedagogical strategy and tactics for the development of giftedness in preschool children in spiritual and creative self-realization, *Bulletin of ChSPU*, **1**, 81 (2010).
3. Dzyatkovskaya E. N. Green axioms – a pedagogical form of moral imperatives, *Proceedings of the international conference of the Green Cross*, 1 (2016).
4. Taleb N. N. *Antifragile. How to capitalize on chaos*, 762 p. (LLC Publishing Group Azbuka-Atticus, 2015).
5. Kant I. *Fundamentals of the metaphysics of morality*, 211 p. (M.: Thought, 2001).
6. Ioffe O. S. *Questions of the theory of law*, 381 p. (M. : Gosjurizdat, 1961).
7. Ozhegov S. I. *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions*, 944 p. (Ros. Academy of Sciences, Inst. of the Russian Language. V.V. Vinogradov. M.: Azbukovnik, 2004).
8. Foucault M. *Hermeneutics of the subject*, 680 p. (Publishing house: Nauka. Leningrad branch, 2007).
9. Emelyanova I. E., Emelyanova L. A. Spiritual and creative self-realization of children in innovative educational conditions ("Forest School"), *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, **10**. 42 (2015).
10. Burns R. *What is the Self-concept*, 671 p. (Psychology of self-consciousness. Reader. Samara: Bahrahk-M, 2003).

УДК 378

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Иванищева Н.А.

*ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбург, Россия
E-mail: Ivanicheva@list.ru*

Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на сравнительный анализ мотивации профессиональной карьеры студентов первого курса различных форм обучения (очной, заочной, очно-заочной) ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» и учащихся психолого-педагогических классов Оренбургской области (N=348 чел.). Эмпирические данные собраны с применением онлайн-опроса по методике изучения мотивации профессиональной карьеры Шейна Э. (в адаптации Винокуровой В.Э. и Чикер В.А.). Полученные данные осмысливались и обрабатывались с помощью качественных и количественных методов анализа, в том числе методов параметрической статистики (описательная статистика, факторный анализ). Проведенное изыскание позволяет оценить различия в предпочтениях карьерных ориентаций будущих учителей, их намерениях на становление себя как субъекта будущей педагогической деятельности, а также проанализировать отношение респондентов к важности формирования ценностно-мотивационного начала профессиональной подготовки в вузе. В результате выявлены статистически значимые различия значений показателей по 8-ми якорям карьеры. На основе полученных данных в исследовании автором актуализируется важность проведения целенаправленной работы по профессиональной мотивации личности на этапе обучения студентов-первокурсников и учащихся психолого-педагогических классов в педагогическом университете. Приоритет в выборе карьерной ориентации «Служение» свидетельствует об осознании респондентами высокой общественной ценности профессии учителя.

Ключевые слова: профессиональная карьера, мотивация, студент, учащийся психолого-педагогического класса, педагогический университет, профессионализация.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях технологических прорывов конкурентные преимущества российского государства во многом зависят от качества трудовых ресурсов. Обеспечение реализации концепции инновационного развития общества требует изучения проблемы мотивации профессиональной карьеры будущих специалистов. Карьера современного профессионала в сфере педагогической деятельности выступает реальным показателем индивидуальной профессиональной деятельности человека. Это достижение желаемого социального статуса, определенного качества жизни и признательности за достижения в работе. С весны 2022 года идет активное развитие идеи проектирования национальной системы высшего образования. Министр науки и высшего образования Российской Федерации Фальков В. Н. выделил ее основные принципы: фундаментальность, работа на цели страны (в частности, обеспечение технологического суверенитета), при этом сохранение гибкости и открытости миру. «Новый технологический уклад

требует от человека конкретных навыков жизни в мире высоких технологий, поэтому наша система образования должна обеспечивать не только передачу знаний, но и формирование нужных и востребованных обществом и рынком труда умений и навыков» – отметил министр [1].

В Год педагога и наставника в региональном педагогическом университете усиливается внимание к гуманистической миссии, которая лежит в основе профессии учителя. Сегодня как никогда важно не только акцентировать внимание на этой профессии, но и повысить интерес молодежи к педагогике, привлечь в педагогические вузы творческих, способных, активных абитуриентов, которые после окончания вуза придут работать в школы. Чтобы современному учителю успешно осуществлять формирование ценностных ориентиров подрастающего поколения он должен быть мотивированным профессионалом. Трансформация социальных аспектов педагогического труда вносит коррективы в «портрет» учителя, что отражается в профессиональном стандарте педагога в новых требованиях к подготовке будущих учителей [2]. Исходя из этих требований, должны решаться среди прочих задачи повышения мотивации профессиональной карьеры будущих учителей, ответственности к собственному образованию и результативности педагогической деятельности с опорой на четко заданные критерии. В литературе имеется множество определений мотивации, раскрывающих ее сущность с различных сторон:

Таблица 1

Трактовка понятия «мотивация»

Автор(ы), название труда	Определение
Божович Л.И. Проблема развития мотивационной сферы личности (1972)	Мотивация – сложный механизм соотнесения личностью внешних и внутренних факторов поведения, которые определяет возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности
Немов Р.С. Общая психология (1997)	Мотивация – совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность
Ильин Е.П. Мотивация и мотив: теории и методы изучения (1998)	Мотивация – процесс действия мотива и механизм, определяющий возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности
Климов Е.А. Психология профессионала (2003)	Мотивация – система внутренних побуждений, которые вызывают трудовую активность человека для достижения профессиональных целей
Бакшаева Н.А., Вербицкий А.А. Психология мотивации студентов (2023)	Мотивация – устойчивое свойство личности, связанное с жизненными установками, идеалами и ценностными ориентациями

Мотивация в общем понимании – это совокупность движущих сил, побуждающих человека к выполнению определенных действий; в зависимости от

поведения человека – это процесс сознательного выбора им того или иного типа действий, определяемых комплексным воздействием внешних и внутренних факторов (соответственно стимулов и мотивов); в управлении – это функция руководства, которая состоит в формировании у работников стимулов к труду (побудить их работать с полной отдачей), а также в долговременном воздействии на работника в целях изменения по заданным параметрам структуры его ценностных ориентации и интересов, формирования соответствующего мотивационного ядра и развития на этой основе трудового потенциала. Главное в мотивации – ее неразрывная связь с потребностями человека. Вопросы мотивации трудовой карьеры работников изучены в многочисленных исследованиях зарубежных ученых: Маслоу А. (теория иерархии потребностей индивида), Герцберга Ф. (теория двух факторов), Мак-Грегора Д. (теория X и теория Y) и др. В работах отечественных ученых (Белкин Е.В., Грачев М.В., Мухамбетов Т. И. и др.) раскрываются вопросы формирования мотивов трудовой деятельности в ракурсе удовлетворения личностью своих потребностей и ожиданий в выбранной профессии. В проанализированных психолого-педагогических концепциях освещается актуальная проблема развития мотивации профессиональной карьеры обучающихся, наличие которой является определяющим фактором академической успеваемости.

В вузовском обучении проблема развития профессиональной мотивации рассматривается как центральное звено всего процесса развития личности специалиста. В качестве действенных средств мотивации профессиональной карьеры будущих учителей представителями работодателей предлагаются специально организованные профориентационные курсы, тренинги, профессиональные пробы и др. Образовательные программы 2022 года, разработанные на основе Ядра высшего педагогического образования предоставляют студентам возможность погрузиться в профессиональный контекст уже с первого курса обучения в ходе учебной проектно-технологической и полевой практик. На третьем курсе учебным планом предусматривается производственная педагогическая практика, которая погружает студентов в реальную профессиональную деятельность в пространстве школы. Следовательно, с момента начала обучения в педагогическом университете будущие учителя включаются в процесс формирования профессиональной мотивации, что соответствует сензитивному периоду развития профессионально-педагогической направленности. При этом у профессорско-преподавательского состава отпадает необходимость поиска каких-либо искусственных приемов в надежде обеспечения мотивации профессиональной карьеры будущего специалиста. Результатом такой профессиональной деятельности выступают новые знания, образованность, самореализация и саморазвитие личности [3].

Зеер Э.Ф. указывает на значительные резервы профессионального образования в силу его опережающего характера, когда наряду с формированием профессиональной компетентности обеспечивается развитие экстрафункциональных качеств будущего специалиста. В современных условиях неопределенности требуется ориентация профессиональной подготовки не столько

на усвоение знаний и умений, сколько на формирование проектной культуры «как способности решать задачи, находить пути ориентации в нестандартных ситуациях реальной профессиональной деятельности» [4, с. 374].

В исследованиях последних лет (Асмолов А.Г., Новиков А.М., Шадриков В.Д. и др.) показано, что изучение вопросов профессионализма субъекта труда актуализируется в контексте текущих мировых тенденций развития науки и трансформации образовательной практики в педагогических университетах. Во многом эти вопросы связаны с новыми представлениями о том, каким должен быть учитель нового поколения? Какими личностными и профессиональными качествами нужно обладать, чтобы стать примером для своих учеников? Как помочь на пути педагогической карьеры обеспечить профессиональный рост?

Важным аспектом профессионализации студента, по мнению Толочек В.А., является создание акмеологически окрашенного образа будущей профессии учителя. При конструировании образа профессии студент должен быть непосредственным участником системы взаимодополняющих практико-ориентированных событий: организационных (студент как партнер по совместной деятельности), социально-психологических (студент как субъект взаимодействия) и технологических (студент как стажер для приобретения опыта практической работы по получаемой профессии), обеспечивающих мотивацию профессиональной карьеры будущего педагога [5]. Непременно на этапе профессиональной подготовки должны закладываться предпосылки для демонстрации своего отношения к педагогической деятельности [6, 7]. Специфика конструирования профессиональных планов студентом (или абитуриентом) заключается в «примеривании» к рынку труда, оценке гарантий трудоустройства по специальности и получении первого опыта профессиональной деятельности [8]. Сказанное подтверждают результаты диссертационного исследования Андриенко Ю.Е. [9]. Несмотря на представленный выше обзор исследований проблема мотивации профессиональной карьеры будущих учителей в региональном педагогическом университете остается изученной недостаточно. В частности, не рассмотрены вопросы, касающиеся готовности будущих учителей к проектированию траектории профессиональной карьеры в процессе непрерывного профессионального развития, формирования *личной организованности в самообразовании, владения* инструментами повышения мотивации профессиональной карьеры учителя нового поколения.

Проблема мотивация профессиональной карьеры требует решения 3-х групп задач:

1. «Как идти?» (указание на инструмент деятельности – успешность, эффективность);
2. «Куда идти?» (указание на вектор деятельности – стратегия);
3. «Зачем идти?» (указание на причину деятельности – философия).

Цель статьи: представить результаты исследования по изучению мотивации профессиональной карьеры первокурсников – будущих учителей и учащихся психолого-педагогических классов Оренбургской области.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Материалы и методы исследования: анкетирование, смысловая интерпретация данных, методы графического представления материалов, сравнение, обобщение, метод неполной индукции, методы параметрической статистики (описательная статистика, факторный анализ).

Эмпирическая база исследования. В настоящем исследовании представлены результаты онлайн-опроса, проведенного коллективом ученых ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» с целью изучения мотивации профессиональной карьеры студентов-первокурсников направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), 44.03.02 Психолого-педагогическое образование и учащихся психолого-педагогических классов (9-11 кл.) Оренбургской области. Опрос проводился в форме анонимного анкетирования по методике «Якоря карьеры» Эдгара Шейна (в адаптации Винокуровой В.Э. и Чикер В.А.) на интернет-платформе GoogleDocs. Набор респондентов был организован в марте 2022 года и феврале 2023 года с использованием официальной группы программы в социальной сети Телеграмм, а также рассылки анкеты на электронную почту. База исследования отражена в таблице 2.

Таблица 2

База исследования мотивации профессиональной карьеры

ФГБОУ ВО «ОГПУ»		Общеобразовательные организации	
Структурное подразделение	Направление подготовки/профили	Наименование школы	Профильный класс
Институт естествознания и экономики	44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили География и Иностранный язык (английский), География и Экономика, Биология Химия	МОАУ «СОШ № 79» г. Оренбург	Психолого-педагогические классы – 9, 10, 11 классы
		МОАУ «СОШ № 87» г. Оренбург	
		МБОУ «СОШ № 2» г. Бугуруслан	
Институт психологии и педагогики	44.03.02 Психолого-педагогическое образование, профили Психология и Социальная педагогика, Психология образования	МОБУ «Саракташская СОШ № 3» п. Саракташ	Психолого-педагогические классы – 10, 11 классы
		МБОУ «Акбулакская СОШ № 3» Акбулакский район	
		МБОУ «Тюльганская СОШ № 1» п. Тюльган	
Институт дошкольного и начального образования	44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили Дошкольное образование и Начальное образование,	МБОУ «Ленинская СОШ» Оренбургский район	Гуманитарно-педагогические классы – 9 класс
		МБОУ «Октябрьская	Психолого-

ФГБОУ ВО «ОГПУ»		Общеобразовательные организации	
Структурное подразделение	Направление подготовки/профили	Наименование школы	Профильный класс
	Начальное образование и Иностранный язык (английский)	СОШ» Октябрьский район	педагогические классы – 10, 11 классы
		МБОУ «Яснополянская СОШ» Ташлинский район	
Филологический факультет	44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили Русский язык и Начальное образование, Русский язык и Литература, Русский язык и Литература (с основами медиации)		

Тип исследования: лонгитюдное (региональное).

Социально-демографический портрет респондентов: возраст от 18 до 20 лет (студенты 1-го курса обучения) и от 15 до 17 лет (учащиеся психолого-педагогических классов), 87% женщин и 13% мужчин:

Рис. 1. Анкетирование студентов первого курса ФГБОУ ВО Оренбургский государственный педагогический университет»

Выборка составила 38% генеральной совокупности; она формировалась случайным образом и зависела от согласия респондентов предоставлять данные, характеризующие собственную позицию в отношении мотивации профессиональной карьеры. Всего в анкетирование приняли участие 348 человек, из них 162 студента-первокурсника и 186 учащихся психолого-педагогических классов. В качестве экспертов выступили 4 преподавателя и 12 учителей-предметников.

Рис. 2. Анкетирование учащихся психолого-педагогических классов Оренбургской области

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Представим результаты диагностики ценностной составляющей профессиональной деятельности по 8 якорям карьеры. Они отражены графически в рисунках.

Якорь «Профессиональная компетентность» (рис. 3).

Рис. 3. Ценностная ориентация в карьере «Профессиональная компетентность», средний балл

Студенты-первокурсники «исключительно важно» (6,6 балла) ценностные ориентации связывают с построением своей карьеры в пределах конкретной сферы. Как правило эти студенты ответственны, исполнительны, требовательны к себе. Их

главная задача – высокая академическая успеваемость, основанная на мотивации достижения высоких образовательных результатов. 56% испытуемых «частично согласились» на руководящую должность и увольнение с места работы, если пришлось бы заниматься делом, не связанным с любимой профессией.

Учащиеся психолого-педагогических классов больше нацелены посвятить свою жизнь избранной профессии (8,1 балла) в сравнении со студентами (6,0 баллов). На наш взгляд, это объясняется ростом популярности в последние годы среди абитуриентов направления подготовки «Педагогическое образование». В настоящее время гуманистический идеал формально определяет смысл и назначение педагогической деятельности, поэтому для нынешней молодежи педагог – не только призвание: профессия учитель включает целый набор особых междисциплинарных навыков, позволяющих развивать горизонтальную (профессиональную) карьеру.

Статистически значимых отличий в ответах девушек и парней не обнаружено.

Якорь «Менеджмент» (рис. 4).

Рис. 4. Ценностная ориентация в карьере «Менеджмент», средний балл

По карьерной ориентации «Менеджмент» студенты первого курса указали на готовность занять высокую руководящую должность в будущей педагогической деятельности (7,3 балла). Прослеживается нереалистичное представление о будущей карьере, так как большинство студентов хотят быть начальниками, обладать высокими профессиональными статусами и иметь гарантии стабильной работы. Для них «довольно важно» брать на себя ответственность за других, управлять ими. При этом учащиеся отдают предпочтение (7,1 балла) достижению

такого положения на рабочем месте, когда можно наблюдать за работой других и интегрировать их деятельность. Отчасти они демонстрируют сформированность компетенции «умение работать в команде» в процессе социального взаимодействия.

Якорь «Автономия (независимость)» (рис. 5).

Рис. 5. Ценностная ориентация в карьере «Автономия (независимость)», средний балл

В отношении якоря «Автономия (независимость)» студенты отмечают «важно» (8,4 балла) иметь максимум свободы в профессиональной деятельности, чтобы успешно себя реализовать. Они предпочитают нарушить гласные и негласные правила, из-за свободолюбия им сложно будет работать в возрастном педагогическом коллективе и выполнить трудовые функции в установленный срок.

В будущей профессиональной деятельности им хотелось бы иметь «полную свободу действий». Мнение учащихся психолого-педагогических классов в сущности аналогичное (8,6 балла). Они выбирают профессиональную свободу. Большая часть из них хотели бы путешествовать по миру. Представители поколения Z не планируют работать много, как это делали их родители. Результативная работа Z определяется в четкой ясности действий, зоны ответственности и формате взаимодействия. Требования и подсказки лучше составить в виде инструкции (им непривычно долго слушать) с визуализацией на цифровом носителе.

Якорь «Стабильность работы и места жительства» (рис. 6).

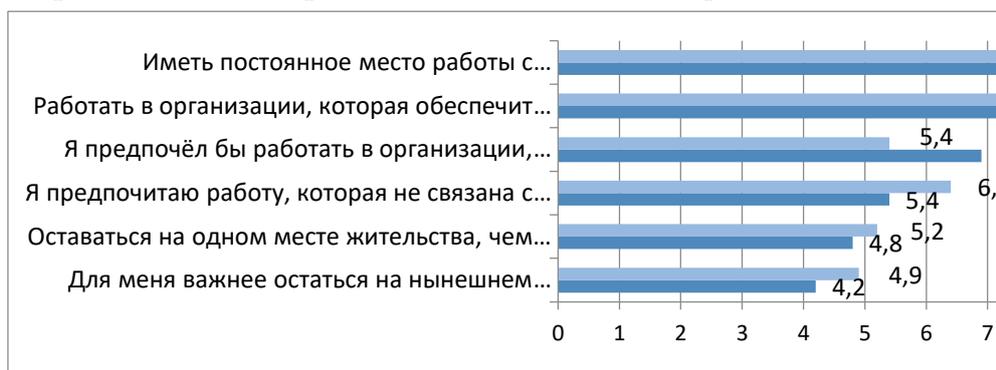

Рис. 6. Ценностная ориентация в карьере «Стабильность работы и места жительства», средний балл

В отношении якоря «Стабильность работы и места жительства» студенты «исключительно важно» (8,0 баллов) ценностные ориентации связывают с наличием постоянного места работы с гарантированным окладом, социальным пакетом и продолжительным временем работы в общеобразовательной организации, где можно спроектировать траекторию своего профессионального роста. При этом часть студентов (выраженность 4,2 балла) не согласится на переезд в случае предложения нового места работы. Учащиеся психолого-педагогических классов также заинтересованы в трудоустройстве на постоянное место работы, без поручений вне места работы и служебных командировок.

Якорь «Служение» (рис. 7).

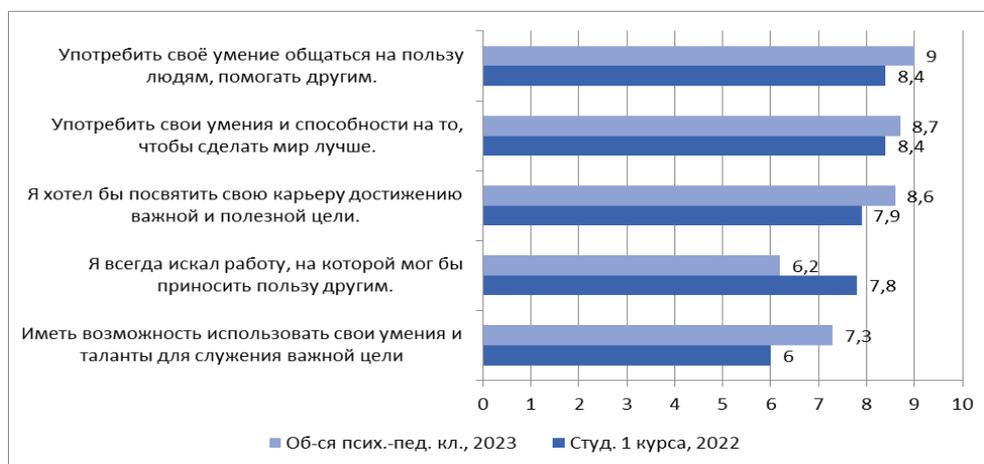

Рис. 7. Ценностная ориентация в карьере «Служение», средний балл

По якорю «Служение» наблюдается ярко выраженная ориентация на карьеру у обеих категорий респондентов: студенты первого курса (8,4 балла) и учащиеся психолого-педагогических классов (9,0 баллов). Они готовы реализовать гуманистические ценности «для блага общества», открыты к общению «на пользу людям». Более того, для них «важно» не упустить возможность служения общечеловеческим ценностям.

В контексте образовательных событий, которые проходят в Год педагога и наставника каждый из опрошенных задумывался над вопросом «Правильный ли сделан выбор профессии, насколько она востребована и приносит ли пользу обществу?». В рамках изучения дисциплин образовательной программы, содержание которых направлено на мотивационную составляющую профессиональной подготовки, студенты и учащиеся имеют возможность осознать цели своего педагогического труда, определить свое место в будущей профессиональной деятельности, принять социальную значимость будущей профессии, а также спланировать траекторию индивидуального маршрута для самосовершенствования, саморазвития и самоутверждения в педагогической деятельности.

Якорь «Вызов» (рис. 8).

По карьерной ориентации «Вызов» студенты-первокурсники выражают определенную готовность решать сложные нестандартные проблемы, возникающие в профессиональной педагогической деятельности (7,4 балла). Цель карьеры ими соотносится с «нахождением и решением трудных проблем». Они убеждены, что их креативный стиль мышления, позволит находить весьма нестандартные решения той или иной проблемы в профессии. Все субъекты с этим карьерным якорем ориентированы на то, чтобы «бросать вызов» даже в условиях неопределенности.

Рис. 8. Ценностная ориентация в карьере «Вызов», средний балл

По карьерной ориентации «Вызов» студенты-первокурсники выражают определенную готовность решать сложные нестандартные проблемы, возникающие в профессиональной педагогической деятельности (7,4 балла). Цель карьеры ими соотносится с «нахождением и решением трудных проблем». Они убеждены, что их креативный стиль мышления, позволит находить весьма нестандартные решения той или иной проблемы в профессии. Все субъекты с этим карьерным якорем ориентированы на то, чтобы «бросать вызов» даже в условиях неопределенности. Учащиеся психолого-педагогических классов также указывают на готовность «работать над проблемами» (6,6 балла), «решать трудные профессиональные задачи» (6,5 балла) и «одерживать победу в соревнованиях» (6,3 балла). Иначе говоря, участниками опроса в будущем рассматривается «рывок к карьерным вершинам» как один из реальных способов сделать карьеру.

Якорь «Интеграция стилей жизни» (рис. 9).

В отношении якоря «Интеграция стилей жизни» по 3-м из 5-ти показателей испытуемые демонстрируют значение среднего балла выше семи. Они стремятся к сохранению баланса между сложившемся образом жизни и будущей карьерой. В их представлении организационные отношения должны отражать уважение к возможным личным и семейным проблемам. Сценарий с каким-либо развитием карьеры для таких индивидов привлекателен в том случае, если он не нарушает привычный для них стиль жизни и не меняет их окружение.

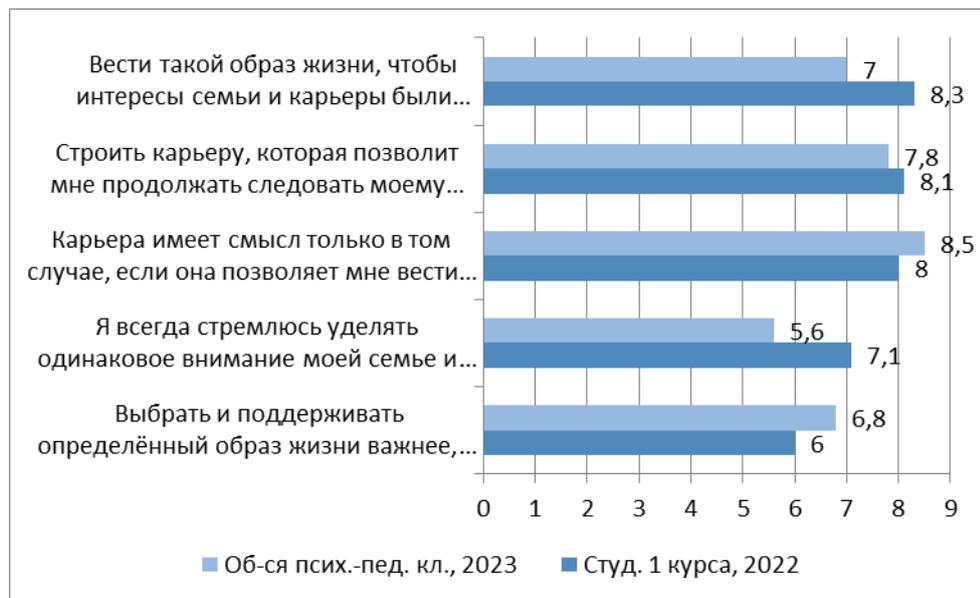

Рис. 9. Ценностная ориентация в карьере «Интеграция стилей жизни», средний балл

Якорь «Предпринимательство» (рис. 10).

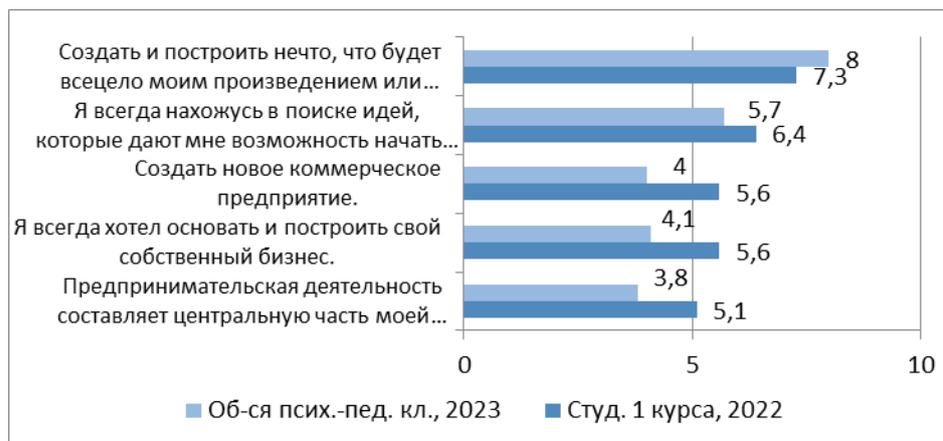

Рис. 10. Ценностная ориентация в карьере «Предпринимательство», средний балл

По карьерной ориентации «Предпринимательство» респонденты указывают на «важность» создания нечего, что будет являться «грандиозной идеей» – студенты (7,3 балла), учащиеся (8,0 баллов). В профессиональной подготовке ими высоко ценится наличие условий для творческой самореализации, самостоятельности и активности в учебном процессе. С учетом обладания такими личностными качествами, как инициативность и созидательность, опрошенные вершиной карьеры видят создание собственного бизнеса, например, открытие частной школы, студии раннего развития детей, центра прикладного творчества, детского загородного оздоровительно-образовательного лагеря, детского клуба.

Карьерные ценностные ориентации («Якоря карьеры») (рис. 11).

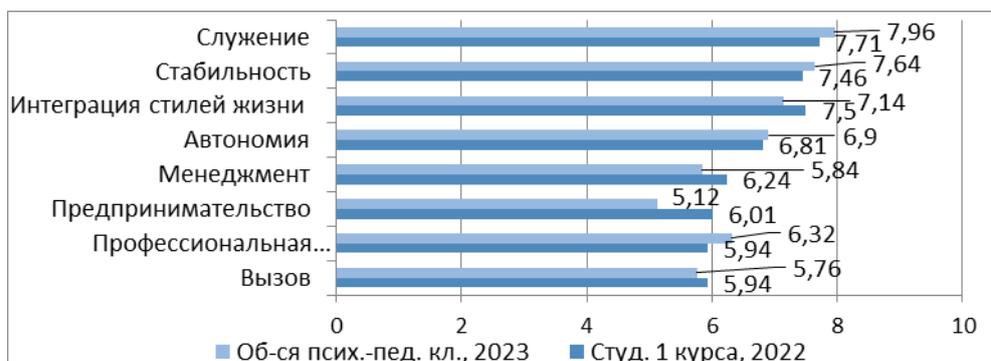

Рис. 11. Карьерные ценностные ориентации («Якоря карьеры»), средний балл

Из 8 шкал карьерная ориентация считается ярко выраженной по шкале «Служение»: студенты – 7,71 балла, учащиеся – 7,96 балла. Основными ценностями при данной ориентации для респондентов являются «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше» и т.п. В их понимании профессии учителя принадлежит особая миссия в силу, с одной стороны, ее чрезвычайной общественной значимости и высокой востребованности, с другой – повышенных требований к личностным и профессиональным качествам педагога. В будущей профессиональной карьере педагога они готовы транслировать гуманистические ценности в системе педагогического взаимодействия «учитель – ученик», проявлять толерантность, видеть в детях хорошее, испытывать чувство сострадания, уважительно относиться к другим людям. Высокие показатели по шкалам «Стабильность» и «Интеграция стилей жизни» объясняются первостепенной значимостью степени комфортности условий организации своей жизни. В современной ситуации непредсказуемости завтрашнего дня респондентам «исключительно важно» наличие постоянства места работы с гарантированным окладом, социальным пакетом и продолжительным временем работы на одном рабочем месте. Для них важно, чтобы все было уравновешено – личные интересы, будущая карьера, семья. Жертвовать чем-то одним ради другого (карьеры) им явно несвойственно.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, было определено, что мотивация профессиональной карьеры будущих учителей является серьезной проблемой в современной ситуации дефицита педагогических кадров в школах России. Как показывают многочисленные исследования, профессиональная направленность личности является одним из главных признаков пригодности к работе. Успешность освоения деятельности будущего учителя существенно зависит от мотивации профессиональной карьеры студентов и учащихся психолого-педагогических классов в педагогическом университете. Мотивация профессиональной карьеры личности на этапе обучения в вузе является важнейшим фактором, побуждающим будущего специалиста на активное включение в профессиональный контекст педагогической деятельности. Формирование устойчивого положительного отношения к профессии выступает действенным ресурсом становления себя как субъекта будущей педагогической деятельности.

Во-вторых, можно говорить о том, результаты эмпирического исследования убедительно подтверждают исключительно высокую эффективность мотивации профессиональной карьеры будущих учителей в региональном педагогическом университете. Автором выявлены статистически значимые различия значений показателей по 8-ми якорям карьеры. Студенты первого курса и учащиеся психолого-педагогических классов отдали предпочтение карьерной ориентации «Служение», что указывает на осознание ими высокой общественной миссии профессии учителя. Причем у учащихся этот якорь имеет несколько большую выраженность (7,96 балла) в сравнении со студентами (7,71 балла). На наш взгляд,

это объясняется целенаправленной профориентацией учащихся общеобразовательных школ для выявления и стимулирования школьников, имеющих способности к педагогической работе. Далее в иерархии карьерных ориентаций по результатам опроса респондентами выбраны якоря «Стабильность» и «Интеграция стилей жизни». Средние баллы по всем шкалам превышают значение 5.

В-третьих, можно констатировать, что полученные результаты диагностики показывают наличие у студентов первого курса и учащихся психолого-педагогических классов таких ценностей, которые будут играть позитивную роль в процессе их профессионального становления: стремление интегрировать профессию в свою жизнь и высокая ценность служения. На среднем уровне значимости у испытуемых оказались показатели по автономии и менеджменту. В меньшей степени выражены такие ценности как вызов и предпринимательство. Вызывает тревогу низкая ценность профессиональной компетентности (7-ая позиция в иерархии) для будущих учителей, что указывает на необходимость ее повышения в процессе профессионального обучения в педагогическом университете.

Материалы статьи будут полезны ученым и исследователям, занимающимся изучением профессиональной мотивации будущих специалистов, а также федеральным и региональным правительствам, министерствам образования, региональным вузам при разработке программ повышения мотивации профессиональной карьеры студентов всех курсов обучения.

Список литературы

1. РИА Новости. 27.06.2022. URL: <https://ria.ru/20220627/obrazovanie-1798406479.html> (дата обращения: 12.05.2023).
2. Профессиональный стандарт «Педагог» (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель) (утв. приказом Минтруда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.05.2023).
3. Климов Е.А. Психология труда: учебник для вузов / Е.А. Климов [и др.]; под ред. Е.А. Климова, О.Г. Носковой. – М.: Юрайт, 2023. – 308 с.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: учебник для вузов / Э.Ф. Зеер. – М.: Юрайт, 2023. – 395 с.
5. Толочек В.А. Профессиональная карьера как социально-психологический феномен / В.А. Толочек. – М.: Ин-т психологии РАН, 2017. – 262 с.
6. Валеева Р.А. Мотивация профессиональной карьеры будущих педагогов / Р.А. Валеева, Г.Г. Парфилова, И.Д. Демакова, Н.А. Иванищева и др. // Образование и саморазвитие. – 2022. – Т.17. – № 3. – С.169-186. DOI:10.26907/esd.17.3.14
7. Малинина Е.А. Эффективные подходы к формированию готовности обучающихся к выбору педагогической профессии / Е.А. Малинина // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – Т. 2, № 4 (86). – С. 13-19.
8. Лесина Л.А. Панкова С. Н. Образ профессии в конструировании профессиональных планов студентов педагогических вузов / Л.А. Лесина, С. Н. Панкова // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 294-299.
9. Андриенко Ю.Е. Развитие у студентов педагогического вуза мотивации к будущей профессиональной деятельности в современных социально-экономических условиях: автореф. ... канд. дис. (специальность 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования) / Ю.Е. Андриенко. – Армавир, 2022. – 26 с.

**MOTIVATION OF THE PROFESSIONAL CAREER OF FUTURE TEACHERS
AT THE REGIONAL PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

Ivanishcheva N.A.

*Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia
E-mail: Ivanicheva@list.ru*

The article is devoted to the problem of motivation for the professional career of future teachers. From the position of the author, motivation determines the direction and content of professional activity, a general approach to the perception of the world, gives meaning to pedagogical activity in a career growth strategy. The motives for choosing a future profession by students of psychological and pedagogical classes are considered as factors that contribute to the success of their education. The career orientations of first-year students at the initial stage of their formation in the process of professional training at the regional pedagogical university are analyzed. Attention is focused on the responsibility of the future teacher to their own education and the effectiveness of pedagogical activity based on clearly defined criteria. The results of an empirical study aimed at a comparative analysis of the professional career motivation of first-year students of various forms of education (full-time, part-time, part-time) of Orenburg State Pedagogical University and students of psychological and pedagogical classes of the Orenburg region (N=348). Empirical data were collected using an online survey according to the methodology for studying the motivation of a professional career by Shane E. (adapted by Vinokurova V.E. and Chiker V.A.). The obtained data were comprehended and processed using qualitative and quantitative methods of analysis, including methods of parametric statistics (descriptive statistics, factor analysis). The conducted research makes it possible to assess the differences in the preferences of future teachers' career orientations, their intentions to become a subject of future pedagogical activity, as well as to analyze the respondents' attitude to the importance of forming the value-motivational beginning of professional training at the university. As a result, statistically significant differences in the values of indicators for 8 career anchors were revealed. Based on the data obtained in the study, the author actualizes the importance of conducting targeted work on the professional motivation of the individual at the stage of teaching first-year students and students of psychological and pedagogical classes at the Pedagogical University. The priority in choosing the career orientation «Service» testifies to the awareness by the respondents of the high social value of the teaching profession.

Keywords: professional career, motivation, student, student of the psychological and pedagogical class, pedagogical university, professionalization.

References

1. *RIA News*. 06/27/2022. URL: <https://ria.ru/20220627/obrazovanie-1798406479.html> (date of access: 05.12.2023).
2. *Professional standard «Teacher» (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)* (approved by order of the Ministry of Labor

- and Social Protection of the Russian Federation of October 18, 2013 No. 544n). URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 05.12.2023).
3. Klimov E. A. *Psychology of work: a textbook for universities*. 308 p. (M.: Yurayt, 2023).
 4. Zeer E.F. *Psychology of vocational education: textbook for universities*. 395 p. (M.: Yurayt, 2023).
 5. Tolochek V.A. *Professional career as a socio-psychological phenomenon*. 262 p. (M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2017).
 6. Valeeva R.A., Parfilova G.G., Demakova I.D., Ivanishcheva N.A. Motivation of the professional career of future teachers, *Education and self-development*, 17, **3**, 169 (2022).
 7. Malinina E.A. Effective approaches to the formation of students' readiness to choose a teaching profession, *Domestic and foreign pedagogy*, 2, **4**, 13 (2022).
 8. Lesina L.A. The image of the profession in the design of professional plans for students of pedagogical universities, *Modern studies of social problems*, **8**, 2, 294 (2017).
 9. Andrienko Yu. E. *The development of motivation among students of a pedagogical university for future professional activity in modern socio-economic conditions: author. ... cand. dis. (specialty 5.8.7 - Methodology and technology of vocational education*. Armavir, 26 p. (2022).

УДК 376.42

**УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБЩЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ ПУТЕМ ВНЕДРЕНИЯ ВЕДУЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ
ИНДУСТРИИ 4.0 ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ
ПОЖАРАХ У ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ**

Корнейчук К.А.¹, Солкина П.А.², Батура А.Н.³, Мартинович Н.В.⁴

^{1,3,4}*Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Железнодорожск, Россия*

²*Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия*

¹*Email: korneychuuk@gmail.com*

Работа направлена на формирование усовершенствованной системы специального общего образования, которая позволит повысить эффективность обучения детей с умственной отсталостью путем внедрения современных цифровых технологий в образовательный процесс в область обучения безопасности жизнедеятельности детей с интеллектуальными нарушениями.

Ключевые слова: умственная отсталость, безопасность жизнедеятельности, пожарная безопасность, цифровые технологии, цифровизация, инновационные технологии, индустрия 4.0.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость развития процесса цифровизации в инклюзивном образовании путем активной интеграции инновационных технологий, обуславливается не только новыми социальными запросами, но и возможностями, которые дают цифровые технологии (далее – ЦТ) в отличие от уже устоявшейся системы образования. Преодоление цифровой стагнации можно осуществить путем внедрения и стабильного использования ЦТ в образовательную деятельность учреждений среднего и полного образования.

Опираясь на данные из Федерального реестра инвалидов в Российской Федерации, по состоянию на 1 февраля 2023 года насчитывается 10 210 793 людей, имеющих инвалидность [1]. Статистические данные представлены на рис. 1.

Рис. 1. Количество инвалидов в России по гендерному различию

Однако не все люди с ограниченными возможностями здоровья имеют официально установленный правовой статус «инвалид». Инвалидом является лицо с ограниченными возможностями здоровья, но не все люди с ограниченными возможностями здоровья – инвалиды.

Одним из шагов навстречу безопасной и комфортной жизни – полная готовность ребенка правильно действовать в распространенных ситуациях, причиняющих риск их здоровью и жизни. Для людей с интеллектуальными особенностями чрезвычайные ситуации представляют большую опасность ввиду их психофизических нарушений. Опираясь на статистические данные [2] из таблицы 1, можно сделать о необходимости повышения культуры безопасного поведения среди населения. Зачастую людям с ограниченными возможностями здоровья достаточно трудно быстро сориентироваться в ситуации и начать правильно действовать ввиду особенностей их нарушений.

Таблица 1

Количество пожаров, смертность, прямой ущерб в РФ

Год	Количество пожаров, ед.	Количество погибших людей, ед.	Прямой ущерб, тыс. руб.
2017	132 844	7 816	13 767 378
2018	131 840	7 909	15 517 156
2019	471 426	8 559	18 170 365
2020	439 306	8 310	20 876 301
2021	390 764	8 471	16 248 694

Помимо статистических данных, актуальность исследования подчеркивает нормативно-правовая база. В 2017 году в Российской Федерации была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3], в рамках которой рассматриваются базовые направления развития:

- нормативное регулирование,
- кадры и образование,
- формирование исследовательских компетенций и технических заделов,
- информационная инфраструктура и информационная безопасность.

Цель статьи: исследовать инновационные методы цифровой трансформации и определить возможности их применения в образовательный процесс учреждений, обучающихся детей с интеллектуальными нарушениями.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Немаловажным мотивом развития процессов цифровой трансформации в сфере образования послужила пандемия коронавируса COVID-19, переход обучения в электронный формат – онлайн курсы, вебинары, использование облачных сервисов. Пандемия поставила людей с особенностями в сложные условия, ведь каждой категории ограниченных возможностей здоровья выполнение даже повседневных действий вызывает определенные сложности. Важно учитывать, что в работе рассматривается симптоматика людей, подразумевающая возможность выполнения бытовых действий без посторонней помощи.

Распространённость патологии в разных странах варьируется от 0,3% до 3%: из них на долю людей с лёгкой степенью приходится примерно 70-90%, на долю людей со средней— 10-30%, и только 0,1% людей с диагнозом «умственная отсталость» имеют крайне тяжёлую степень [4]. В работе описываются возможности использования современных цифровых технологий применимые при обучении детей с легкой и умеренной степенью умственной отсталости (далее – УО).

Выявленные в работе рекомендации успешно применимы к обучению детей с УО, а специалисты, работающие с данной нозологией, смогут упростить процесс подготовки к урокам по обучению пожарной безопасности. Для выявления возможностей использования цифровых технологий, необходимо определить характеристики умственной отсталости для выбранных степеней нарушения.

Лица с умственной отсталостью – это разнообразная по своему составу группа. Данная особенность проявляется в недоразвитии познавательной деятельности, страдает эмоционально-волевая сфера, сфера личности, сфера общей и мелкой моторики. Развитие таких детей запаздывает по сравнению с детьми, развивающимися в норме. Запоздалое развитие остается заметным в течении всей жизни уже взрослого человека, например, остаются проблемы с пониманием отрицательных словесных инструкций, состоящих из двух-трех слов, им сложно поддерживать диалог, поскольку они не всегда правильно могут понимать вопросы. Дети, имеющие УО легкой степени имеют в целом относительно хорошую механическую память, могут приобрести базовый запас сведений об окружающем мире, а также элементарные навыки чтения, письма и счета, однако они отличаются безынициативностью. Основную трудность составляет переход к мыслительным задачам. Эмоциональная и волевая стороны личности достаточно разнообразны, однако общими чертами являются недостаточная способность к самообладанию и подавлению влечений, импульсивность на фоне повышенной внушаемости и склонности к подражательству. Учитывая такие признаки, можно констатировать о том, что исследуемая категория людей более подвержена стать «жертвой» в небезопасных ситуациях.

Умеренной умственной отсталости характерно накопление некоторого запаса сведений об окружающем мире, механическая память имеет тенденцию к развитию, запас слов у них ограничен, речь аграмматична, а понимание и использование слов ограничено. Специальные образовательные программы дают возможность детям с умеренной умственной отсталостью приобрести ряд основных навыков и умений, однако объем усваиваемого материала крайне низок. При достаточном моторном развитии дети с умственной отсталостью могут овладевать простыми видами труда, но их работа носит механический характер.

Обобщая и категорируя сведения об средней и легкой умственной отсталости, можно выделить наиболее существенные затруднения в трудности категоризации образа – отнесение его к тому или иному классу предметов, явлений и установление его ситуативной значимости или личностной ценности, отождествление предметов по сходным признакам. Люди лишены способности предугадывать развитие событий. Нарушаются такие существенные свойства восприятия, как скорость, целостность, структурность, осмысленность, неумение использовать приобретенные навыки для решения задач. Механическая память преобладает над абстрактно-логической, отмечается снижение объемов кратковременной и долговременной памяти, значительное снижение способности к произвольному запоминанию, неспособность к целенаправленному запоминанию, замедленный темп запоминания. Применение современного опыта при обучении ребенка или подростка с УО поддерживает не только социальный запрос в обществе, но и повышает качество специального образования, что положительно сказывается на обучающемся. В целях проведения исследования был проведен опрос обучающихся специальной школы III вида. В опросе приняли участие 70 школьников в возрасте от 13 до 16 лет. Стоит отметить, что для полного понимания вопроса участниками анкетирования, использовали уточняющую информацию, объясняющую суть вопроса. На рисунке 2 видно, что более 80% пользуются сенсорными телефонами. Данная информация подтверждает внедрение современных технологий в жизнь людей с интеллектуальными особенностями.

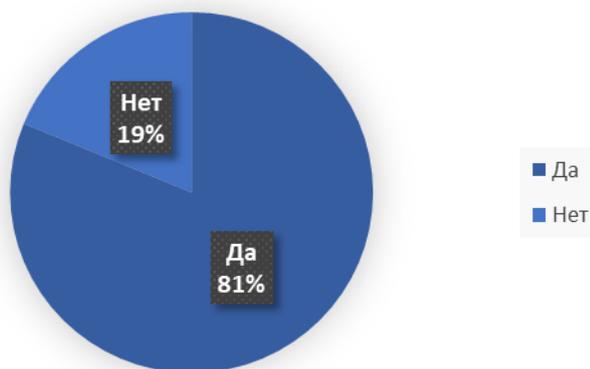

Рис. 2. Пользуетесь ли Вы сенсорным телефоном?

Согласно данным рисунка 3, можно сделать вывод о том, что только четверть из опрошенных знают номер единой службы спасения и смогли его назвать.

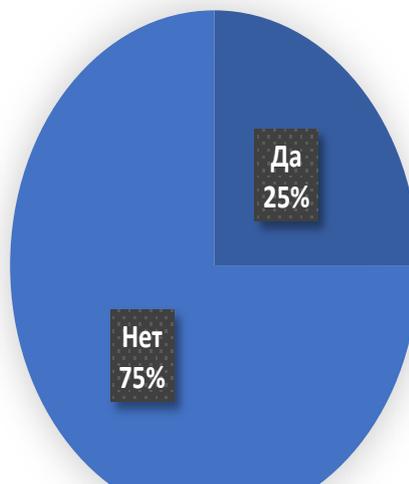

Рис. 3. Знаете ли номер единой службы спасения?

Меньше половины из участников анкетирования знают, какую службу следует вызывать при пожаре. На рисунке 4 представлены результаты в процентном соотношении.

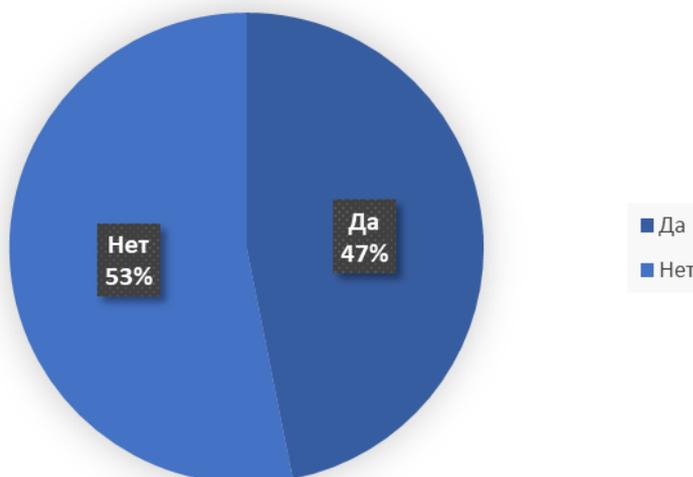

Рис. 4. Знаете ли, какую службу надо вызвать при пожаре?

Вопрос «Можно ли открывать окна при пожаре?» заставил задуматься большинство школьников, никто не знал ответа на этот вопрос, а процентное

соотношение их предполагаемых ответов показано на рисунке 5. Однако не стоит считать эти результаты достоверными, так как респонденты предполагали потенциально правильный ответ, поскольку правильного ответа они не знали. В свою очередь, большинство предположений оказались неверными.

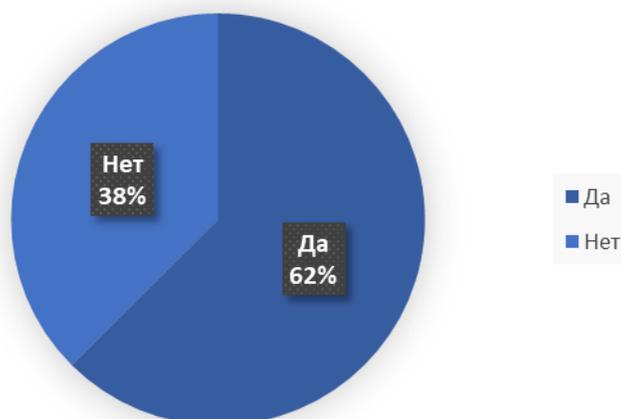

Рис. 5. Можно ли открывать окна при пожаре?

Опираясь на информацию, представленную на рисунке 6, следует отметить, что положительные ответы основывались на мнении о том, что такой вид передвижения поможет быстрее покинуть место происшествия.

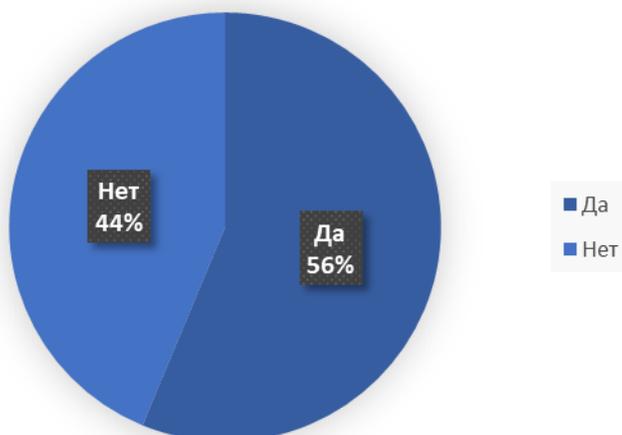

Рис. 6. Будешь ли ты пользоваться лифтом при пожаре?

Вопрос «Во время пожара надо прятаться под кроватью или в шкафу?» был провокационными, ведь правильного ответа здесь нет. Ни один из респондентов не сообразил, что прятаться при пожаре не следует, их мнения разделились, но практически в одинаковом процентном соотношении (рис. 7).

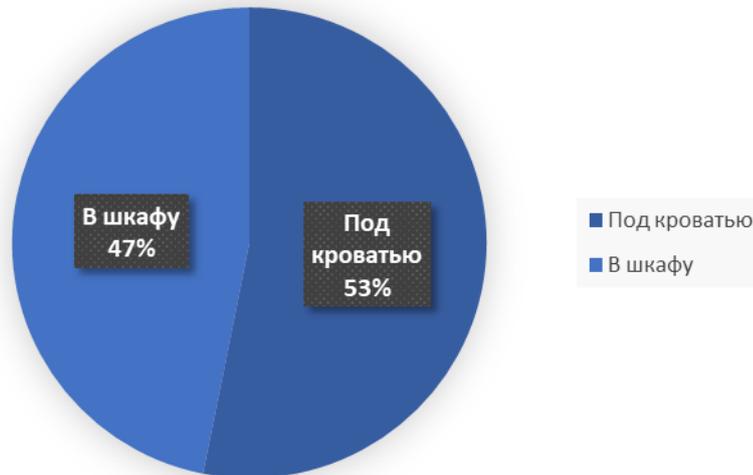

Рис. 7. Во время пожара надо прятаться под кроватью или в шкафу?

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что осведомленность обучающихся с умственной отсталостью о правильных действиях в чрезвычайных ситуациях, в частности при пожарах, имеет низкий уровень. Помимо этого, следует вывод о том, что активная интеграция информационных технологий касается и особенных групп людей. Стоит отметить, что большинство участвующих в опросе с помощью смартфона могут общаться по сотовой связи, успешно пользуются интернетом, общаются в социальных сетях, мессенджерах и играют в игры. Из чего следует вывод о том, что наиболее успешный вариант обучения (в том числе, пожарной безопасности) должен быть выстроен согласно сильным сторонам детей с УО.

Учителя должны иметь способность поддерживать мотивацию у школьников, формируя благоприятную образовательную среду. Внедрение новых технологий в образовательный процесс способствует повышению уровня заинтересованности в предмете, из чего следует – увеличение качества усвоения материала.

Безопасное использование нововведений предусматривает наличие инструкций по эксплуатации, объяснение педагогом правил использования при первом взаимодействии, а также постоянный контроль за обучающимся при использовании новых IT-технологий.

На сегодняшний день электронные образовательные ресурсы (ЭОР) набирают популярность. ЭОР должен иметь интуитивно понятный интерфейс с высокой юзабилити, однако необходимо учесть специфику УО, проявляющуюся в нарушении

выполнения тонких и точных движений, например, это провоцирует трудности при использовании устройства управления курсором. Наличие резко всплывающей рекламы либо звуков вызывает трудности при концентрации на основной задаче электронного курса – получения навыков безопасного поведения, возникает переход на новый стимул. Следует предусмотреть полное отсутствие рекламы на используемых электронных ресурсах. Определение кнопки при закрытии рекламы может вызывать трудности ввиду когнитивных нарушений. Если такое происходит, то реклама останется на экране, мешая продолжению работы, вследствие чего не исключена возможность нежелательного поведения.

Обучающий пожаробезопасным действиям видеоматериал может быть размещен на электронных ресурсах. Связь видеоматериала и заданий по полученным знаниям подойдут для более продуктивного усвоения материала. В ЭОР рекомендуется включить игровую деятельность – игра в качестве образовательного инструмента положительно скажется для отработки уже имеющихся знаний, а также для изучения нового.

Стоит отметить процесс геймификации обучения. Внедрение геймификации в образовательную среду, например, в электронный курс вводится уникальная валюта, повышает уровень мотивации, следовательно, и эффективность выполнения поставленных задач.

Хранение используемой для обучения литературы в облачных хранилищах позволит иметь дистанционный доступ к материалам, а также их редактирование, организацию совместной работы для требуемого количества людей, активную актуализацию необходимого материала в образовательный процесс.

В настоящий момент у технологий VR/AR появляется все больше вариантов для их применения, такие технологии являются инструментом, с помощью которого возникают возможности для реализации эффекта погружения – присутствие в спроектированной имитационной среде. Школьники с помощью тренажера и проектируемой среде смогут отрабатывать практические навыки поведения в пожароопасных ситуациях.

Процесс обучения пожаробезопасному поведению может вызвать у обучающихся нежелательную реакцию. Элементы цифровых технологий можно применять в качестве базы для сенсорной комнаты. Спроектированная с помощью VR-технологий среда способствует уменьшению тревожности, снятию психологического напряжения у ребенка.

Одной из современных цифровых технологий является интернет вещей. Использование голосовых помощников подходит для управления техникой в аудитории, однако это требует поддержания дисциплины в классе на высоком уровне. Такая схема значительно ускоряет процесс управления оборудованием.

Роботизированная автоматизация процессов подразумевает под собой замену персонала на роботов. Роботы-тьюторы смогут оказывать полное сопровождение ребенка, оказывая помощь при обучении, а также объясняя непонятую учеником информацию. Роботизированная автоматизация процессов – сопутствующий аспект при выработке безопасного поведения при пожаре. Такие роботы, выполняющие функции учителей или тьюторов, не будут эмоционировать в сторону учащихся.

Полностью роботизировать процесс обучения не следует, эмоциональный аспект при воспитании детей имеет крайне важную значимость. Предполагается, что роботы со встроенным искусственным интеллектом имеют значительно большую базу знаний для взаимодействия с учениками ввиду проанализированных массивов данных при машинном обучении, а, следовательно, и использовать их можно в тренировке знаний по пожарной безопасности.

Выезд с детьми в образовательные центры [5, 6, 7, 8, 9, 10] сопровождается бумажной документацией, например, разрешение на выезд. Внедрение цифровых технологий в рутину образовательной организации в совокупности с внедрением систем цифрового администрирования позволит учреждению полностью перейти на безбумажный режим работы, что сократит трудовые и временные затраты на создание документации.

Рассматривая методы применения искусственного интеллекта (далее – ИИ), можно выделить, например, обучающие тренировки. Если сопутствующим нарушением при УО является ухудшение зрения, то возможно рассмотреть использование в дистанционном наблюдении ИИ в аудиториях для автоматического тонирования, оптимизации естественного света и балансирования теплого и холодного света, а также бликов.

Стоит отметить, что для качественной цифровизации образовательного процесса необходимо предусмотреть качественное оборудование, поддерживающее современные технологии. Помимо этого, наличие антивируса или файервола необходимо использовать для снижения опасности киберугроз.

Стоит отметить, что педагогика, как наука, разделяется на общую и коррекционную. Коррекционная педагогика ставит перед собой задачи продуктивного обучения детей с учетом их индивидуальных нарушений, зафиксированных психолого-медико-педагогической комиссией. Обучение детей с интеллектуальными нарушениями – процесс сложный, требующий работы узко квалифицированного специалиста в области инклюзивного образования. Цифровые двойники являются эффективной технологией обучения в условиях цифровизации. Рассматривая варианты их применения в специальной педагогике, можно отметить их внедрение при обучении персонала учителей безопасному поведению для более глубокого изучения, например, пожарной безопасности.

Помимо технологий, которые способствуют в обучении школьника с умственной отсталостью, существуют противоположные, которые не рекомендованы к использованию при обучении такой категории детей на данном этапе цифровизации. К такому типу цифровых технологий относятся метавселенные. Такая концепция является сложной для использования людьми с нарушениями интеллекта. Помимо этого, не рекомендуется использование виртуальных классов ввиду сложности освоения их инструментария.

ВЫВОДЫ

Такой комплексный подход по внедрению цифровых технологий в образовательный процесс учреждений специального общего образования повысит

уровень адаптивности организаций в условиях Индустрии 4.0, создаст предпосылки для формирования ее устойчивости и гибкости реагирования на вызовы внешних запросов. Возможности применения инновационных методов цифровой трансформации в образовательном процессе учреждений, обучающих детей с интеллектуальными нарушениями, позволит увеличить качество обучения по безопасности, в свою очередь, это в значительной степени сократит негативные последствия чрезвычайных ситуаций для данной группы нарушений.

Список литературы

1. ФГИС ФРИ/ Численность инвалидов по полу в разрезе субъектов РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-po-polu> (Дата обращения: 17.02.2023).
2. Пожары и пожарная безопасность в 2021 году: статист. сб. Балашиха: П 46 ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2022. – 114 с.
3. Распоряжение правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 № 1632-р [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201708030016> (Дата обращения: 21.02.2023).
4. Макаров, И.В. Клинические рекомендации по диагностике и лечению умственной отсталости у детей и подростков: учебное пособие / И.В. Макаров – Москва : Гардарика, 2015. – 242 с.
5. Образовательный центр безопасности жизнедеятельности — Образовательный центр безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс] – URL: <https://center.ucsp.by/>.
6. The Safety Town Program [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sbsafetytown.org/the_safetytown_program/.
7. Safety Town / Safety Town [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wayneschools.com/>.
8. Home - Safety Town Greensboro [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.safetytownngreensboro.com/>.
9. Sheriff Safety town [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sheriffssafetytown.org/>.
10. Корнейчук К.А., Мартинович Н.В., Татаркин И.Н., Фурсов А.И., Почекунин А.Н. Внедрение актуальных тенденций образования и цифровизации в управление системой обучения населения безопасности жизнедеятельности / К.А. Корнейчук, Н.В. Мартинович, И.Н. Татаркин, А.И. Фурсов, А.Н. Почекунин // Сибирский пожарноспасательный вестник. – 2023. – № 1 (28). – С. 56-66.

IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF SPECIAL GENERAL EDUCATION THROUGH THE INTRODUCTION OF LEADING TECHNOLOGIES OF INDUSTRY 4.0 TO IMPROVE SAFE BEHAVIOR DURING FIRES IN CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION

Korneychuk Ch.A.¹, Solkina P.A.², Baturо A.N.³, Martinovich N.V.⁴

^{1,3,4}*Siberian Fire and Rescue Academy of EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk, Russia*

²*Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

¹*Email: korneychuuk@gmail.com*

The work is aimed at the formation of an improved system of special general education, which will increase the effectiveness of teaching children with mental retardation by introducing modern digital technologies into the educational process in the field of life safety education for children with intellectual disabilities. The work analyzes

statistical data on the number of fires, mortality and direct damage from it. The analysis obtained indicates the need to increase the culture of safe behavior among the population. In addition, this is confirmed by the regulatory framework of the Russian Federation. The article examines in detail the features of the violation related to the selected functional group of violations, and also conducts a survey of students of special educational institutions, within which the level of awareness of this category about the actions during fires was determined, and it was also noted that almost all respondents actively use a smartphone. Based on the data obtained, recommendations were formed on the possibilities of using innovative methods of digital transformation in the educational process of institutions teaching children with intellectual disabilities. Based on this, modern educational technologies have been identified that will similarly accompany raising the level of awareness of people with intellectual disabilities about actions during fires. Such an integrated approach to the introduction of digital technologies into the educational process of special general education institutions will increase the level of adaptability of organizations in the context of Industry 4.0, create prerequisites for the formation of its stability and flexibility to respond to the challenges of external requests. The possibility of using innovative methods of digital transformation in the educational process of institutions teaching children with intellectual disabilities will increase the quality of safety training, in turn, this will significantly reduce the negative consequences of emergencies for this group of violations.

Keywords: mental retardation, life safety, fire safety, digital technologies, digitalization, innovative technologies, industry 4.0.

References

1. *FGIS FREE [electronic edition]*, The number of disabled people by gender in the context of the subjects of the Russian Federation. – Access mode: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost/chislennost-popolu> (Date of access: 17.02.2023).
2. *Fires and fire safety in 2021: statistics. Collection*, 114 p. (Balashikha: P 46 FSBI VNIPO EMERCOM of Russia, 2022).
3. *Decree of the Government of the Russian Federation 1632-r* dated July 28, 2017 [Electronic resource]. – Access mode: - <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201708030016> (Date of access: 02/21/2023).
4. Makarov, I.V. *Clinical recommendations for the diagnosis and treatment of mental retardation in children and adolescents: textbook*, 242 p. (Moscow: Gardarika, 2015).
5. *Educational Center for Life Safety — Educational Center for Life Safety [Electronic resource]*. – Access mode: <https://center.ucp.by/>.
6. *The Safety Town Program [Electronic resource]*. – Access mode: https://www.sbsafetytown.org/the_safetytown_program/.
7. *Safety Town / Safety Town [Electronic resource]*. – Access mode: <https://www.wayneschools.com/>.
8. *Home - Safety Town Greensboro [Electronic resource]*. – Access mode: <https://www.safetytowngreensboro.com/>.
9. *Sheriff Safety town [Electronic resource]*. – Access mode: <http://www.sheriffssafetytown.org/>.
10. Kornejchuk K.A., Martinovich N.V., Tatarkin I.N., Fursov A.I., Pochekunin A.N. Introduction of current trends in education and digitalization in the management of the public safety education system, *The scientific and analytical journal «Siberian Fire and Rescue Bulletin»*, **1** (28). 56 (2023).

УДК 37.012.1: 159.9.01

КАТЕГОРИАЛЬНО-СИСТЕМНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ченская А. В.

*Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия
E-mail: chen83_01@mail.ru*

В статье выявляется динамика развития публикационной активности исследователей, базирующейся на категориально-системной методологии в психологии и педагогике. Подвергнута анализу география распространения по нашей стране категориально-системной методологии в психолого-педагогических исследованиях. Выявлена обращенность к методам категориально-системной методологии в психолого-педагогических исследованиях. Осуществлена попытка определения специфики тематики исследований с применением категориально-системной методологии. Научная новизна исследования заключается в выявлении особенностей использования категориально-системной методологии в познании психолого-педагогических объектов. В результате проведенного исследования доказана перспективность использования категориально-системной методологии в психолого-педагогических исследованиях.

Ключевые слова: психолого-педагогическое исследование, категориально-системная методология, категориально-системные методы, целевая выборка публикаций, анализ результатов, теоретический обзор.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена все большим проникновением категориально-системной методологии в психолого-педагогические исследования. Этот процесс идет достаточно медленно, но устойчиво. В научной сфере можно наблюдать явления, связанные с большой осторожностью в восприятии нового, что и происходит и с внедрением категориально-системной методологии в психолого-педагогические исследования.

Омский ученый Разумов В. И. разработал и обосновал категориально-системную методологию, указав на ее межпредметный характер и большой научно-исследовательский потенциал [1; 2]. Категориально-системная методология «способна формировать у обучающихся развитые когнитивные компетенции ... Зарекомендовала себя как высокоэвристичная поисковая платформа, позволяющая генерировать знания в самых разных областях и упаковывать их в форматы, удобные для осмысления, передачи, применения» [3, с. 5]. В 2020 году вышли учебники, посвященные категориально-системной методологии [3; 4], которые были подготовлены Разумовым В. И. совместно с его ученицей Боуш Г. Д. Именно они и способствуют распространению новой методологии по всей стране и стали элементом тиражирования нового передового методологического знания.

Еще одним аспектом обоснования актуальности данного обзора является

интерес ученых к использованию категориально-системной методологии в педагогических, психологических и смешанных (психолого-педагогических) исследованиях. Научный интерес к категориально-системной методологии возник вследствие того, что категориально-системная методология до 2009 года использовалась в философских, исторических, экономических исследованиях, а в психолого-педагогической науке практически не применялась.

Цель статьи: выявление отечественных психолого-педагогических исследований, базирующихся на использовании категориально-системной методологии. В ходе исследования решались задачи, связанные с:

- выявлением динамики развития публикационной активности исследований, базирующихся на категориально-системной методологии в психологии и педагогике;
- анализом географического распространения категориально-системной методологии в психолого-педагогических исследованиях в стране;
- обращенностью к категориально-системным методам, которыми оперируют исследователи;
- определением специфики тематики исследований с применением категориально-системной методологии.

Для проведения теоретического обзора и анализа использовались метод анализа, с помощью которого выявлялась и подвергалась изучению вся целевая выборка публикаций, также применялись методы количественного и качественного анализа данных. В качестве теоретической базы исследования выступали отечественные психолого-педагогические публикации в научных журналах, в которых применялись категориально-системные методы (41 статья). Первая публикация из выборки датируется 2010 годом, а последняя – 1 июля 2023 года.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрывается потенциал категориально-системной методологии для психолого-педагогических исследований и показываются эвристические резервы данной методологии, что будет способствовать более продуктивному взаимодействию научного сообщества.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Динамика распространения категориально-системной методологии в психолого-педагогических исследованиях

На первом этапе были отобраны психолого-педагогические публикации по интересующей нас тематике. Для этого были использованы ресурсы научной электронной библиотеки elibrary.ru (URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp>). Первоначально поиск осуществлялся по ключевому слову, а затем по автору. Выявленная целевая выборка публикаций была отсортирована по годам опубликования (Таблица 1). Анализ распределения статей, использующих категориально-системную методологию, по году публикации (Таблица 1), показывает, что с 2010 по 2020 годы психолого-педагогические исследования были единичными, а с 2015 по 2017 годы журнальные публикации такого рода отсутствовали. Это является косвенным подтверждением того, что категориально-системная методология в те годы еще не получила должного распространения.

Таблица 1

Распределение статей, использующих категориально-системную методологию по году публикации

Год опубликования	Количество публикаций
2010	1
2011	1
2012	4
2013	1
2014	2
2015	–
2016	–
2017	–
2018	1
2019	1
2020	4
2021	10
2022	12
2023	4

Анализ педагогических публикаций на основе использования методов категориально-системной методологии показывает, что они начались в 2010 году исследователем Подсвировой С. П. из Омска. Работа была посвящена изучению формирования общеучебных умений и навыков в процессе физического воспитания школьников [5]. Первая работа по психологии появилась в 2019 году и раскрывала теоретические взгляды на жизнеспособность человека (Васильева С. Н.) [6]. В 2020 году начинается наращивание количества публикаций, что нами связывается с выходом в свет учебников, посвященных категориально-системной методологии [3; 4]. Всего обнаружена 41 статья психолого-педагогической тематики, где упоминаются категориально-системные методы и категориально-системная методология. Полагаем, что категориально-системная методология и далее будет активно использоваться в психолого-педагогических исследованиях, на что указывает выявленная тенденция к наращиванию количества публикаций.

2. Категориально-системная методология в психолого-педагогических исследованиях у отдельных авторов

На втором этапе целевая выборка была подвержена анализу по критериям «автор» и «город научной деятельности». Для этого целевая выборка была отсортирована по автору публикации и городу, в котором осуществляется научная деятельность (Таблица 2).

Таблица 2

Распределение целевой выборки статей по авторам и городам

Автор	Количество публикаций	Город
Аксютин З. А. [7-22], в том числе с соавторами [20-22]	16 4	Омск
Васильева А. В. [23-29]	7	Санкт-Петербург
Клюшников Е. А. [30-35], в том числе с соавтором [35]	6 1	Тюмень
Айхель Н. В. [36; 37]	2	Челябинск
Васильева С. Н. [6]	1	Челябинск
Кочукова О. Н. [38]	1	Тамбов
Маркова Н. А. [39]	1	Томск
Неворотов Б. К. [40]	1	Омск
Подсвинова С. П. [5]	1	Омск
Рянова Р. А. [41]	1	Омск
Салова Ю. П., Разумов В. И., Корягина Ю. В. [42]	1	Омск
Солдатова О. Б. [43]	1	Барнаул
Торговкина Н. С., Гречко А. С. [44]	1	Омск
Хасанова Ф. Х. [45]	1	Омск

Анализ распределения целевой выборки статей по авторам и городам (Таблица 2) показал авторскую публикационную активность и географию исследований. Значительная часть публикаций выполнена Аксютин З. А. (39,02 % от общего числа анализируемых публикаций), Васильевой А. В. (17,07 % от общего числа анализируемых публикаций) и Клюшниковой Е. А. (14,63 % от общего числа анализируемых публикаций), которые наиболее часто обращаются к категориально-системной методологии. Они стремятся использовать все многообразие методов, которые данная методология включает в себя. При этом Аксютин З. А. и Клюшников Е. А. стремятся приобщить к категориально-системной методологии других исследователей. Большая часть работ выполнена одним автором, а в соавторстве выполнено лишь 14,63 % исследований.

Относительно географического расположения и места их научной деятельности, отметим, что 14 из 22 авторов работают в Омске. Безусловно это связано с тем, что в данном городе функционирует научно-методологическая школа категориально-системной методологии. Исследователи работают и в других городах, таких как Барнаул, Санкт-Петербург, Тамбов, Томск (по 1 чел.), Тюмень, Челябинск (по 2 чел.). Данный факт указывает на то, что психолого-педагогические исследования, базирующиеся на категориально-системных методах, распространяются по стране. У исследователей наблюдается интерес к категориально-системной методологии, но пока о ее широком распространении говорить преждевременно.

Как правило, у авторов первично зафиксировано обращение к начальному опыту применения категориально-системной методологии, а затем происходит ее

активное использование в исследованиях. Категориально-системная методология применяется к работам теоретического характера. Применение категориально-системной методологии позволяет получать новые нетривиальные данные, которые имеют большой научный потенциал и позволяют делать абсолютно новые выводы об исследуемых объектах, выделять те их стороны, которые ранее не были обнаружены.

3. Содержание научных психолого-педагогических публикаций по методам категориально-системной методологии

На третьем этапе целевая выборка публикаций была проанализирована по методам, примененным в конкретных исследованиях. Для этого воспользовались классификацией методов [10; 11], анализировалась каждая публикация, данные о которой последовательно были внесены в таблицу (Таблица 3).

Таблица 3

Применение категориально-системных методов в психолого-педагогических исследованиях

№	Метод исследования	Источники
<i>1) распространенные схемы систем</i>		
1.	Черный ящик	–
2.	Схема функциональной системы	Торговкина Н. С., Гречко А. С. [44]
3.	Универсальная схема взаимодействия	Аксютин З. А. [8; 13; 19]; Васильева А. В. [27].
<i>2) методы, основанные на идее триадичности</i>		
4.	Метод триадных сетей	Аксютин З. А. [12]
5.	Формально-логический метод определения понятия	Аксютин З. А. [14]
<i>3) методы исследования активного качества в объектах</i>		
6.	Порядок следования целей	Аксютин З. А. [16]; Ключникова Е. А. [31; 33]
7.	Конечный информационный поток	Айхель Н. В. [37]; Аксютин З. А., [16]; Васильева А. В. [23; 24]; Кочукова О. Н. [38]
8.	Ряд информационных критериев	Айхель Н. В. [36]; Васильева А. В. [28]; Ключникова Е. А., Хромина С. И. [35]; Ю. П. Салова, Разумов В. И., Корягина [Ю. В. 42]; Подсвинова С. П. [5]; Солдатова О. Б. [43]; Торговкина Н. С., Гречко А. С. [44]; Хасанова Ф. Х. [45]
<i>4) методы исследования объектов с внутренними противоречиями</i>		
9.	Схемы противоречия	Аксютин З. А. [17; 18]; Ключникова Е. А. [34]; Подсвинова С. П. [5]
10.	Схемы противоречия гомеостатического типа	Аксютин З. А. [7]; Подсвинова С. П. [5]
<i>5) методы категориальной символики</i>		
11.	Алхимический крест	–
12.	Кельтский крест	Васильева А. В. [27]
13.	Пентаграмма у-син	Аксютин З. А. [7]; Аксютин З. А., Богачева Д. А., Королев Н. П. [20]; Аксютин З. А., Ильин А. Н. [21]; Аксютин З. А., Ченская А. В. [22]; Васильева А. В. [24]; Ключникова Е. А. [32]; Неворотов Б. К. [40]

№	Метод исследования	Источники
14.	Гексаграмма	Аксютинина З. А., Ченская А. В. [22]; Васильева А. В. [26]; Неворотов Б. К. [40]
<i>б) метод категориального маятника</i>		
15.	Метод категориального маятника	Аксютинина З. А. [7; 9; 13]
<i>г) методы теории динамических информационных систем</i>		
16.	Триадическая дешифровка категорий	Аксютинина З. А. [7; 15]; Васильева А. В. [29]; Маркова Н. А. [39]; Клошников Е. А. [30]; Риянова Р. А. [41]; Салова Ю. П., Разумов В. И., Корягина Ю. В. [42]
17.	Мутация категорий	Аксютинина З. А. [15]; Васильева С. Н. [6]

Отметим:

- большинство методов категориально-системной методологии имеют графическое оформление, что способствует большему абстрагированию и наглядному представлению исследуемого научного объекта;
- для изучения явления (системы, процесса) возможно использование как отдельного метода, так и всей их совокупности;
- познание на основе применения методов категориально-системной методологии возможно путем прохождения прямого уровневого маршрута: теоретический – эмпирический – категориальный – практический, или обратного: практический – категориальный – эмпирический – теоретический.

Рассматриваемые методы подробно описаны в работах автора категориально-системной методологии Разумова В. И. и его ученицы Боуш Г. Д. [3; 4]. Данная методология в своем арсенале содержит семнадцать методов, поэтому опишем кратко те из них, которые встречаются в психолого-педагогических исследованиях с большей частотой.

Метод *ряд информационных критериев* относится к группе методов исследования активного качества в объектах. Данная группа состоит из методов: порядок следования целей, конечный информационный поток, ряд информационных критериев. Метод ряд информационных критериев конкретизирует представления исследователя о качестве исследуемого объекта. Хасанова Ф. Х., изучавшая пространство детства на межпредметном уровне, описывает результативность метода следующим образом: «Ряд информационных критериев дает нам возможность произвести своеобразную детализацию и упаковку знаний об основных идеях организации пространства детства. Данная модель не только наглядно иллюстрирует сущностные характеристики, но и позволяет создать определенный алгоритм анализа параметров пространства детства, обеспечивающих интеграцию ребенка в социальную среду» [45, с. 63].

Метод *порядок следования целей* позволяет выявлять базовые состояния объекта исследования посредством построения модели и сравнения полученных данных с уже имеющимися в науке. Такая работа была проведена в одной из работ Айхель Н. В., посвященной познавательным умениям, о результатах которой она пишет: «Разработанная с помощью метода ... «Конечный информационный поток» модель позволила выявить эволюционную классификацию [37, с. 122].

Метод *конечный информационный поток* используется в контексте теории информационных систем. На основе метода представляется возможным обнаружить усложнение функционирования исследуемого объекта. Так, Аксютина З. А. резюмировала, что благодаря применению метода конечный информационный поток: «Были выделены обособленные качественные характеристики целей социального воспитания за рубежом в процессе общественно-исторического развития в соответствии с этими процессами [16, с. 308]. В исследовании было раскрыто усложнение процессуальной стороны социального воспитания.

Метод *триадической дешифровки категорий*, вытекает из теории динамических информационных систем. В основе метода лежит идея триадичности. Первый уровень дешифровки позволят отразить в более полной мере существо дешифрируемой категории для этого определяются наиболее распространенные позиции в понимании исследуемого объекта. Второй уровень дешифровки базируется на операциях перестановки и мутации, способствует переходу к конструированию понятия искомой категории на основе признака полноты. Васильева С. Н. пишет о методе: «...Позволяет более полно и точно определить природу ... феномена. ... Может быть применен к любым психологическим категориям и понятиям, ... уточнить их содержание, опираясь не только на результаты эмпирических исследований и описаний психологических объектов, процессов и явлений, но и на глубинное теоретическое их осмысление» [6, с. 24].

Группа методов категориальной символики включает в себя методы: алхимический крест, кельтский крест, гексаграмма, пентаграмма у-син. Наибольшей популярностью пользуется *пентаграмма у-син*, впервые примененная в 1990 году. Пентаграмма у-син способствует выявлению отношений между объектами, интерпретировать патологические связи между ними и имеющиеся ограничения. Эвристическая составляющая метода позволяет применять его к любым объектам, но имеется ограничение, связанное с обязательным выделением пяти атрибутов изучаемого объекта в рассматриваемой системе. Ключникова Е. А., благодаря применению данного метода к педагогическому процессу формирования трезвости смогла решить ряд задач: «1. Определять порядок подачи материала в образовательной программе по теории трезвости. 2. Отбирать необходимый учебный материал для обучающего курса ... 3. Составлять программу обучения от первого урока и до заключительного с учетом алгоритмов разрушения программы самоотравления. 4. Выстраивать ход каждого урока с учетом этапов разрушения программы самоотравления. 5. Контролировать ход урока и усвоение материала» [32, с. 13].

Универсальная схема взаимодействия входит в группу распространенных схем систем. Васильева А. В. воспользовалась эвристическими возможностями метода в исследовании интерактивного обучения (ИО). Она пишет: «Применение категориального метода ... позволило разработать модель взаимодействия элементов интерактивного обучения. Полученная модель представляет объект исследования как систему взаимосвязанных элементов, четкая иерархическая последовательность элементов которой позволяет, во-первых, обеспечить сформированность объекта на определенном уровне, во-вторых, дать представление

о необходимых условиях и факторах, влияющих как на развитие, так и на отбор содержания ИО. Модель взаимодействия элементов ИО позволяет выделить шесть видов ИО и определить их возможные траектории формирования и развития» [25, с. 64-65].

Схема противоречия входит в группу методов исследования объектов с внутренними противоречиями. Подсвинова С. П. применила схему к анализу общеучебных умений и навыков в процессе физического воспитания школьников. Она пришла к выводу: «Исходя из данной схемы, мы видим, что оба компонента системы противоречия продиктованы требованиями к современному уроку. При этом если в учебно-воспитательный процесс по физической культуре включить формирование ОУУН с помощью методик, разработанных в общей педагогике, то это приведёт к снижению моторной плотности урока, а временной ресурс будет потрачен в ущерб необходимым упражнениям» [5, с. 186].

Метод категориального маятника осуществляется на основе построения модели маятника с опорой на категории, используемые в категориально-терминологическом аппарате какого-либо предметного поля исследования. Аксютин З. А. по результатам его применения пишет: «На основе метода ... построена системная модель МАК-терапии (МАК – метафорические ассоциативные карты), позволившая выявить категориально-терминологический аппарат и процессуальную сторону работы с метафорическими ассоциативными картами, используемыми в МАК-терапии. Построенная модель отражает МАК-терапию как динамическую систему» [9, с. 141].

Эффектами применения методов категориально-системной методологии в исследованиях являются высокий уровень оригинальности научных текстов, описывающих результаты исследований, большая эвристичность полученных теоретических данных, единый научный аппарат, позволяющий исследователям говорить на одном языке. Краткое описание некоторых методов категориально-системной методологии позволило проиллюстрировать примеры применения в конкретных в психолого-педагогических исследованиях. Анализ опыта применения категориально-системных методов в психолого-педагогических исследованиях (Таблица 3) позволяет сделать заключение, что учеными, исследующими психолого-педагогическую проблематику, освоена большая часть методов категориально-системной методологии. Наибольшей популярностью пользуются методы: ряд информационных критериев (8 статей), триадичная дешифровка категорий (8 статей), пентаграмма у-син (7 статей). Не представлены в исследованиях методы черный ящик и алхимический крест. Такие методы, как метод категориального маятника, формально-логический метод определения понятия, использует только Аксютин З. А., а метод кельтский крест есть в работе Васильевой А. В., что указывает на дальнейшую перспективность освоения категориально-системной методологии исследователями в области психологии и педагогики.

4. Тематический обзор научных психолого-педагогических публикаций на основе категориально-системной методологии

На следующем этапе целевая выборка публикаций была проанализирована по

тематике исследований. На основе анализа была составлена таблица ключевых научных направлений и тематики психолого-педагогических исследований, выполненных на основе категориально-системной методологии (Таблица 4).

Таблица 4
Ключевые направления и тематика психолого-педагогических исследований, выполненных на основе категориально-системной методологии

№	Направления и тематика исследований	Источники
<i>Педагогическое направление</i>		
1.	Познавательные умения	Айхель Н. В. [36; 37]
2.	Методология и теория социального воспитания	Аксютин З. А. [7-8; 11-19]
3.	Научная деятельность студентов	Аксютин З. А. [10]
4.	Обучение иностранному языку	Маркова Н. А. [39]; Солдатова О. Б. [43]
5.	Теория и методика спорта	Салова Ю. П., Разумов В. И., Корягина Ю. В. [42]; Торговкина Н. С., Гречко А. С. [44]
6.	Интерактивное обучение	Васильева А. В. [23-29]
7.	Педагогика трезвости	Клюшников Е. А. [30-31; 33-34]; Клюшников Е. А., Хромина С. И. [35]
8.	Дидактическое взаимодействие	Неворотов Б. К. [40]
9.	Общеучебные умения и навыки	Подсвинова С. П. [5]
10.	Методика научно-исследовательской деятельности	Рянова Р. А. [41]
<i>Психологическое направление</i>		
11.	Жизнеспособность человека	Васильева С. Н. [6]
12.	Методология и теория арт-терапии	Аксютин З. А. [9]
13.	Потребительское поведение	Аксютин З. А., Ильин А. Н. [21]
14.	Эмоциональное выгорание	Аксютин З. А., Ченская А. В. [22]
15.	Дивергентное мышление	Кочукова О. Н. [38]
<i>Смешанное (психолого-педагогическое) направление</i>		
16.	Психолого-педагогические исследования	Аксютин З. А., Богачева Д. А., Королев Н. П. [20]
17.	Пространство детства	Хасанова Ф. Х. [45]

Определяя специфику исследований, в которых применяется категориально-системная методология, на основе результатов анализа ключевых направлений и тематики психолого-педагогических исследований (Таблица 4) выявлено следующее:

- категориально-системная методология применяется в педагогических, психологических и смешанных (психолого-педагогических) направлениях исследований;
- исходя из того, что представленная в таблице тематика разнообразна, можно говорить, что нет привязки категориально-системной методологии к каким-либо

специфическим темам и направлениям исследований.

Категориально-системная методология обладает признаками универсальности, и, как и утверждал ее разработчик [1; 2], признаками междисциплинарности. Вместе с тем существует количественный перевес в пользу большего использования данной методологии в педагогических исследованиях по сравнению с психологическими.

ВЫВОДЫ

В ходе проведенного теоретического обзора отечественных научных статей по психолого-педагогическим наукам, в которых применялась категориально-системная методология, осуществлен анализ 41 научной статьи из отечественных научных журналов по четырем критериям: динамика развития публикационной активности, география распространения, обращенность к категориально-системным методам, специфика тематики исследований. Выявлено, что к настоящему времени происходит количественное увеличение публикаций такого рода, что указывает на тенденцию более масштабного внедрения категориально-системной методологии в психолого-педагогические исследования.

В связи с тем, что категориально-системная методология была разработана омскими учеными, в данном регионе она имеет более широкое распространение. Вместе с тем наблюдается тенденция по расширению публикационной географии, и исследователи из Санкт-Петербурга, Тамбова, Томска, Барнаула, Челябинска и Тюмени включаются в ее применение в психолого-педагогических исследованиях. Отметим, что в психолого-педагогических исследованиях нашли отражение методы категориально-системной методологии, за исключением методов черного ящика и алхимического креста, что указывает на возможную перспективность дальнейшего внедрения научным сообществом рассматриваемой методологии.

При определении специфики тематики исследований с применением категориально-системной методологии таковая не выявлена. Обнаружено, что категориально-системная методология обладает признаками универсальности и междисциплинарности, что позволяет использовать ее в разнообразных по направлениям и тематике исследованиях теоретического характера.

Особенностями использования категориально-системной методологии в исследовании психолого-педагогических объектов является:

- восхождение в познании от теоретического к категориальному, с дальнейшим движением к эмпирическому и практическому уровням;
- посредством построения категориальных моделей возможно такое абстрагирование в категориальном мышлении исследователя, которое позволяет педагогическую и психологическую теорию выводить на более совершенный научный уровень.

Перспективы исследования связаны с освоением всех методов категориально-системной методологии, дальнейшим тиражированием и продвижением методологии в психолого-педагогические исследования.

Список литературы

1. Разумов В. И. Методология междисциплинарных исследований / В. И. Разумов // Вестник Омского университета. – 2017. – № 4 (86). – С. 53-60.
2. Разумов В. И. Категориальные схемы в междисциплинарных исследованиях / В. И. Разумов // Вестник Омского университета. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 70-74.
3. Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях) / Г. Д. Боуш, В. И. Разумов. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 277 с.
4. Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научных исследований (в курсовых и выпускных квалификационных работах) / Г. Д. Боуш, В. И. Разумов. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 210 с.
5. Подсвинова С. П. Методология в изучении формирования общеучебных умений и навыков в процессе физического воспитания школьников / С. П. Подсвинова // Омский научный вестник. – 2010. – № 6 (92). – С. 186-189.
6. Васильева С. Н. Конструирование дефиниции категории "жизнеспособность человека" методом двухуровневой триадической дешифровки / С. Н. Васильева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 16-27.
7. Аксютин З. А. Взаимосвязь взаимодействия и социального воспитания в категориально-системном представлении / З. А. Аксютин // Вестник Омского университета. – 2012. – № 4 (66). – С. 163-169.
8. Аксютин З. А. Категориально-системное представление рисков социального воспитания / З. А. Аксютин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 30-43.
9. Аксютин З. А. Категориально-системный подход к терапии метафорическими ассоциативными картами / З. А. Аксютин // Сибирский психологический журнал. – 2023. – № 88. – С. 135-143. DOI: 10.17223/17267080/88/8
10. Аксютин З. А. Категориальный анализ и категоризация в научно-исследовательской деятельности студентов / З. А. Аксютин // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2022. – № 1-3 (62). – С. 12-15.
11. Аксютин З. А. Категориальный анализ как инструмент методологии социального воспитания / З. А. Аксютин // Педагогика. – 2022. – Т. 86. – № 3. – С. 46-54.
12. Аксютин З. А. Метод категориального ряда в социально-педагогическом исследовании подготовки к социальному воспитанию / З. А. Аксютин // В мире научных открытий. – 2011. – № 4-1 (16). – С. 525-530.
13. Аксютин З. А. Методологические компоненты социального воспитания: научно-содержательный уровень / З. А. Аксютин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2020. – Т. 6 (72). – № 2. – С. 36-48.
14. Аксютин З. А. Методология социального воспитания: категориально-системное представление / З. А. Аксютин // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. – 2021. – № 6. – С. 14-20.
15. Аксютин З. А. Методолого-теоретический анализ понятия "социальное воспитание" / З. А. Аксютин // Вестник Омского университета. – 2014. – № 2 (72). – С. 146-151.
16. Аксютин З. А. Модели "конечный информационный поток" и "порядок следования целей" в анализе целей социального воспитания / З. А. Аксютин // Европейский журнал социальных наук. – 2012. – № 10-1 (26). – С. 304-312.
17. Аксютин З. А. Противоречие как методологическая форма познания социального воспитания / З. А. Аксютин // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26. – № 2 (85). – С. 194-202.
18. Аксютин З. А. Опыт применения диаграмм Венна и категориальной модели противоречия в анализе социального воспитания / З. А. Аксютин // Европейский журнал социальных наук. – 2012. – № 9-1 (25). – С. 47-55.
19. Аксютин З. А. Универсальная схема взаимодействия в анализе системы социального воспитания / З. А. Аксютин // Конструктивные педагогические заметки. – 2020. – № 8-1 (13). – С. 238-246.
20. Аксютин З. А., Богачева Д. А., Королев Н. П. Пентаграмма у-син в психолого-педагогических исследованиях / З. А. Аксютин, Д. А. Богачева, Н. П. Королев // Инновационная экономика и

- общество. – 2021. – № 2 (32). – С. 67-72.
21. Аксютин З. А., Ильин А. Н. Неопределенность образа нарушений потребительского поведения в представлениях студентов / З. А. Аксютин, А. Н. Ильин // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 141-152.
 22. Аксютин З. А., Ченская А. В. Анализ методики «Уровень эмоционального выгорания родственников» (В. В. Бочаров, А. М. Шишкова) / З. А. Аксютин, А. В. Ченская // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2023. – Т. 23. – № 2 (62). – С. 220-232.
 23. Васильева А. В. Выявление эволюционной последовательности возникновения и развития интерактивного обучения / А. В. Васильева // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 58-71.
 24. Васильева А. В. Механизм функционирования интерактивного обучения (на примере обучения русскому языку как иностранному) / А. В. Васильева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2021. – № 4. – С. 76-88.
 25. Васильева А. В. Модель взаимодействия элементов интерактивного обучения (на примере обучения РКИ в магистратуре) / А. В. Васильева // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2022. – № 49 (68). – С. 54-67.
 26. Васильева А. В. Модель взаимосвязанных проблем изучения интерактивного обучения в вузе / А. В. Васильева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2022. – № 1 (842). – С. 21-29.
 27. Васильева А. В. Модель интерактивной образовательной среды вуза / А. В. Васильева // Открытое образование. – 2022. – Т. 26. – № 4. – С. 41-54.
 28. Васильева А. В. Типологизация интерактивного обучения на основе метода "ряд информационных критериев" (РИК) / А. В. Васильева // Вестник Вятского государственного университета. – 2021. – № 4 (142). – С. 99-109.
 29. Васильева А. В. Формирование понятийного аппарата предметной области интерактивного обучения (в педагогике и методике) / А. В. Васильева // Непрерывное образование: XXI век. – 2021. – № 1 (33). – С. 2-18.
 30. Ключникова Е. А. Новый концептуальный подход к пониманию трезвости в рамках теории динамических информационных систем / Е. А. Ключникова // Непрерывное образование: XXI век. – 2021. – № 4 (36). – С. 47-63.
 31. Ключникова Е. А. Педагогика трезвости. Эволюция феномена "трезвость" в категориях метода ПСЦ / Е. А. Ключникова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 105-114.
 32. Ключникова Е. А. Понятие «программа самоотравления» в категориях метода «пентаграмма у-син»: педагогический аспект / Е. А. Ключникова // Непрерывное образование: XXI век. – 2023. – № 1 (41). – С. 62-75.
 33. Ключникова Е. А. Трезвость в категориях метода "порядок следования целей": педагогический аспект / Е. А. Ключникова // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 2 (125). – С. 17-25.
 34. Ключникова Е. А. Формирование трезвого мировоззрения: педагогический дискурс // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4 (37). – С. 191-195.
 35. Ключникова Е. А., Хромина С. И. Сущность и типология феномена "трезвость": педагогический аспект / Е. А. Ключникова, С. И. Хромина // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 15. – № 3. – С. 142-150.
 36. Айхель Н. В. Типологическая модель познавательных умений / Н. В. Айхель // Проблемы современного образования. – 2021. – № 6. – С. 95-106.
 37. Айхель Н. В. Эволюционная последовательность возникновения, формирования и развития познавательных умений / Н. В. Айхель // Вестник педагогических наук. – 2022. – № 7. – С. 117-124.
 38. Кочукова О. Н. Информационная модель показателей и уровней развития дивергентного мышления студентов вуза / О. Н. Кочукова // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2022. – Т. 21. – № 4. – С. 31-40.
 39. Маркова Н. А. Конструирование дефиниции категории "адаптационное обучение иностранному

- языку" методом двухуровневой триадической дешифровки / Н. А. Маркова // Педагогическое образование в России. – 2022. – № 5. – С. 119-132.
40. Неворотов Б. К. Категориальные схемы в универсализации проектирования дидактического взаимодействия / Б. К. Неворотов // Вестник Омского университета. – 2018. – Т. 23. – № 2. – С. 166-171.
41. Риянова Р. А. Использование категориально-системной методологии при подготовке выпускной квалификационной работы / Р. А. Риянова // Вестник Омского университета. – 2013. – № 4 (70). – С. 260-263.
42. Салова Ю. П., Разумов В. И., Корягина Ю. В. Методологический подход к системе функциональной подготовки лыжников с учетом хронобиологических характеристик / Ю. П. Салова, В. И. Разумов, Ю. В. Корягина // Вестник Омского университета. – 2012. – № 4 (66). – С. 196-199.
43. Солдатова О. Б. Метод "ряд информационных критериев" в процессе обучения иностранному языку / О. Б. Солдатова // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 8. – № 1 (15). – С. 128-131.
44. Торговкина Н. С., Гречко А. С. Средства категориально-системной методологии в теории спорта / Н. С. Торговкина, А. С. Гречко // Физкультурное образование Сибири. – 2014. – № 2 (32). – С. 102-105.
45. Хасанова Ф. Х. Информационно-критериальная интерпретация пространства детства / Ф. Х. Хасанова // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2020. – № 3. – С. 62-64.

CATEGORICAL-SYSTEM METHODOLOGY IN DOMESTIC PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH

Chenskaya A. V.

*Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia
E-mail: chen83_01@mail.ru*

The relevance of the study is due to the increasing penetration of categorical-system methodology into psychological and pedagogical research. This process is rather slow but steady. Scientific interest in categorical-system methodology arose due to the fact that until 2009 categorical-system methodology was used in philosophical, historical, economic research, and was practically not used in psychological and pedagogical science. The purpose of the study is to identify domestic psychological and pedagogical research based on the use of categorical-system methodology. To conduct a theoretical review and analysis, the analysis method was used, with the help of which the entire target sample of publications was identified and studied, methods of quantitative and qualitative data analysis were also applied. The theoretical basis of the study was domestic psychological and pedagogical publications in scientific journals, in which categorical-system methods were used (41 articles). The article reveals the dynamics of the development of the publication activity of researchers based on the categorical-system methodology in psychology and pedagogy. It is revealed that the first publication was made in 2010. From 2010 to 2020, psychological and pedagogical research was sporadic, and from 2015 to 2017 there were no journal publications of this kind. Now there is an increase in the number of publications. An analysis of the geography of distribution in our country of the categorical-system methodology in psychological and pedagogical research

showed that 14 out of 22 authors work in the city of Omsk. The analysis indicates that psychological and pedagogical research based on categorical-system methods is spreading throughout the country. The appeal to the methods of categorical-system methodology in psychological and pedagogical research is revealed. The most popular methods are: a number of information criteria, triadic decoding of categories, the wu-sin pentagram. The black box and alchemical cross methods are not represented in the studies. An attempt was made to determine the specifics of research topics using a categorical-system methodology. The categorical-system methodology is used in pedagogical, psychological and mixed (psychological-pedagogical) areas of research. The scientific novelty of the study lies in identifying the features of using the categorical-system methodology in the cognition of psychological and pedagogical objects. As a result of the study, the prospects of using the categorical-system methodology in psychological and pedagogical research have been proved. The features of the use of categorical-system methodology in the study of psychological and pedagogical objects are: the ascent in knowledge from theoretical to categorical, with further movement to the empirical and practical levels; by constructing categorical models, such abstraction in the categorical thinking of the researcher is possible, which allows pedagogical and psychological theory to be brought to a more advanced scientific level.

Keywords: psychological and pedagogical research; categorical-system methodology; categorical-system methods; target sample of publications; analysis of results; theoretical review.

References

1. Razumov V. I. Methodology of interdisciplinary research, *Bulletin of Omsk University*, **4**, 86 (2017).
2. Razumov V. I. Categorical schemes in interdisciplinary research, *Bulletin of the Omsk University*, **25**, 2 (2020).
3. Boush G. D., Razumov V. I. *Methodology of scientific research (in candidate and doctoral dissertations)*. 277 p. (Moscow, 2020).
4. Boush G. D., Razumov V. I. *Methodology of scientific research (in course and final qualification papers)*. 210 p. (Moscow, 2020).
5. Podsvirova S. P. Methodology in the study of the formation of general educational skills and abilities in the process of physical education of schoolchildren, *Omsk Scientific Bulletin*, **6**, 92 (2010).
6. Vasilyeva S. N. Construction of the definition of the category "human viability" by the method of two-level triadic decoding, *Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, **12**, 1 (2019.).
7. Aksyutina Z. A. The relationship of interaction and social education in a categorical-systemic representation, *Bulletin of the Omsk University*, **4**, 66 (2012).
8. Aksyutina Z. A. Categorical-systemic representation of the risks of social education, *Scientific Notes of Crimean Federal V.I. Vernadsky University*, **7 (73)**, 3 (2021).
9. Aksyutina Z. A. Categorical-systemic approach to therapy with metaphorical associative maps, *Siberian Psychological Journal*, **88** (2023).
10. Aksyutina Z. A. Categorical analysis and categorization in the research activities of students, *Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla*, **1-3**, 62 (2022).
11. Aksyutina Z. A. Categorical analysis as a tool for the methodology of social education, *Pedagogy*, **86**, 3 (2022).
12. Aksyutina Z. A. The method of a categorical series in the socio-pedagogical study of preparation for social education, *In the world of scientific discoveries*, **4-1**, 16 (2011).
13. Aksyutina Z. A. Methodological components of social education: scientific and content level, *Scientific Notes of Crimean Federal V.I. Vernadsky University*, **6 (72)**, 2 (2020).

14. Aksyutina Z. A. Methodology of social education: categorical and systemic representation, *Social Pedagogy in Russia. Scientific and Methodological Journal*, **6** (2021).
15. Aksyutina Z. A. Methodological and theoretical analysis of the concept of "social education", *Bulletin of the Omsk University*, **2**, 72 (2014).
16. Aksyutina Z. A. Models of "final information flow" and "order of goals" in the analysis of the goals of social education, *European Journal of Social Sciences*, **10-1**, 26 (2012).
17. Aksyutina Z. A. Contradiction as a methodological form of cognition of social education, *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, **26**, 2 (85) (2021).
18. Aksyutina Z. A. The experience of using Venn diagrams and the categorical contradiction model in the analysis of social education, *European Journal of Social Sciences*, **9-1**, 25 (2012).
19. Aksyutina Z. A. Universal scheme of interaction in the analysis of the system of social education, *Constructive pedagogical notes*, **8-1**, 13 (2020).
20. Aksyutina Z. A., Bogacheva D. A., Korolev N. P. Wu Xing Pentagram in Psychological and Pedagogical Research, *Innovative Economics and Society*, **2**, 32 (2021).
21. Aksyutina Z. A., Ilyin A. N. Uncertainty of the image of violations of consumer behavior in the views of students, *Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences*, **19**, 1 (2022).
22. Aksyutina Z. A., Chenskaya A. V. Analysis of the methodology "The level of emotional burnout of relatives" (V. V. Bocharov, A. M. Shishkova), *Humanitarian: actual problems of the humanities and education*, **23**, 2 (62). (2023).
23. Vasilyeva A. V. Identification of the evolutionary sequence of the emergence and development of interactive learning, *Scientific result. Pedagogy and Educational Psychology*, **6**, 4 (2020).
24. Vasilyeva A. V. The mechanism of the functioning of interactive learning (on the example of teaching Russian as a foreign language), *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*, **4** (2021).
25. Vasilieva A. V. Interaction model of elements of interactive learning (on the example of teaching Russian as a foreign language in the magistracy), *Bulletin of the Vladimir State University. Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov. Series: Pedagogical and psychological sciences*, **49**, 68 (2022).
26. Vasilyeva A. V. A model of interrelated problems of studying interactive learning at a university, *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*, **1**, 842 (2022).
27. Vasilyeva A. V. Model of the interactive educational environment of the university, *Open Education*, **26**, 4 (2022).
28. Vasilyeva A. V. Typology of interactive learning based on the "series of information criteria" (RIC) method, *Bulletin of the Vyatka State University*, **4**, 142 (2021).
29. Vasilyeva A. V. Formation of the conceptual apparatus of the subject area of interactive learning (in pedagogy and methodology), *Continuous Education: XXI century*, **1**, 33 (2021).
30. Klyushnikova E. A. A new conceptual approach to understanding sobriety in the framework of the theory of dynamic information systems, *Continuous Education: XXI century*, **4**, 36 (2021).
31. Klyushnikova E. A. Pedagogy of sobriety. The evolution of the phenomenon of "sobriety" in the categories of the PSC method, *Human Science: Humanitarian Studies*, **16**, 2 (2022).
32. Klyushnikova E. A. The concept of "self-poisoning program" in the categories of the "wu-sin pentagram" method: pedagogical aspect, *Continuous Education: XXI century*, **1**, 41 (2023).
33. Klyushnikova E. A. Sobriety in the categories of the "order of goals" method: pedagogical aspect, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, **2**, 125 (2022).
34. Klyushnikova E. A. Formation of a sober worldview: pedagogical discourse, *Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities Research*, **4**, 37 (2022).
35. Klyushnikova E. A., Khromina S. I. Essence and typology of the "sobriety" phenomenon: pedagogical aspect, *Human Science: Humanities Research*, **15**, 3 (2021).
36. Aikhel N. V. Typological model of cognitive skills, *Problems of Modern Education*, **6** (2021).
37. Aikhel N. V. Evolutionary sequence of the emergence, formation and development of cognitive skills, *Bulletin of Pedagogical Sciences*, **7** (2022).
38. Kochukova O. N. Information model of indicators and levels of development of divergent thinking of university students, *Gaudeamus Psychological and Pedagogical Journal*, **21**, 4 (2022).

39. Markova N. A. Construction of the definition of the category "adaptive teaching of a foreign language" by the method of two-level triadic decoding, *Pedagogical Education in Russia*, **5** (2022).
40. Nevorotov B. K. Categorical schemes in the universalization of the design of didactic interaction, *Bulletin of the Omsk University*, **23**, 2 (2018).
41. Riyanova R. A. The use of categorical-system methodology in the preparation of the final qualification work, *Bulletin of the Omsk University*, **4**, 70 (2013).
42. Salova Yu. P., Razumov V. I., Koryagina Yu. V. Methodological approach to the system of functional training of skiers taking into account chronobiological characteristics, *Bulletin of the Omsk University*, **4**, 66 (2012).
43. Soldatova O. B. Method "a number of information criteria" in the process of teaching a foreign language, *Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, **8**, 1 (15) (2023).
44. Torgovkina N. S., Grechko A. S. Means of categorical-system methodology in the theory of sports, *Physical education in Siberia*, **2**, 32 (2014).
45. Khasanova F. Kh. Information-criteria interpretation of childhood space, *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, **3** (2020).

УДК 159.923.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ АКТИВНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Коршак А. А.

*Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет» имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия
E-mail: anyaturmasova@ya.ru*

В статье изучены особенности смысложизненных ориентаций активной студенческой молодежи. Представлен теоретический анализ по проблеме исследования, а также результаты эмпирического исследования, проведенного в 2022 году. Смысложизненные ориентации формируются в процессе развития самосознания личности и рефлексии. Именно рефлексия обеспечивает анализ поступающей информации, формирует на ее основе собственные представления, которые ложатся в основу формирующихся смысложизненных ориентаций.

Выборку испытуемых составили 70 человек обучающиеся в высших учебных заведениях на территории Республики Крым, имеющие опыт общественной деятельности. В качестве методов исследования применялись следующие методики: тест «Смысложизненные ориентации» (Леонтьев Д.А) и тест «Якоря карьеры» (Шейн Э, перевод и адаптация Чикер В.А., Винокурова В.Э.) Результаты исследования показали определенные особенности в смысложизненных ориентациях молодежи, проявляющих общественную активность, а именно неудовлетворённость процессом и результатом жизненного пути, при высокой сформированности локуса контроля – Я. Исследование карьерных ориентаций показало актуальность мотивов, связанных с проявлением общественной активности среди студенческой молодежи. Результаты исследования, представленного в статье так же обозначают ряд проблем, которые необходимо решать для привлечения молодых людей к общественной деятельности.

Ключевые слова: смысловая сфера; смысложизненные ориентации, смысл, студенческая молодежь, активность, самосознание.

ВВЕДЕНИЕ

Студенческая молодежь является одной из самых многочисленных социальных групп, сегодня проблема изучения общественной активности молодежи уделяется особое внимание. С этим связано ряд факторов, к которым относятся: социальные условия, период транзитивности в котором находится современное общества, делает молодежь наиболее незащищенной группой, подверженной особому социальному влиянию. Во-вторых, общественная активность молодежи обуславливается и возрастными особенностями личности, юношеский возраст – это возраст формирования собственной эго-идентичности личности, системы смысложизненных и ценностных ориентаций, именно поэтому проблема изучения смысложизненных ориентаций активной молодежи становится актуальной проблемой исследования в психологии.

Важным компонентом в формировании смысложизненных ориентаций является самосознание личности, от того насколько индивид осознает мотивы своего поведения зависит согласованность внутренних индивидуальных смыслов. По мнению Столина В.В. развитие самосознания личности вызвано развитием образа «Я» и самоотношения. Образ-«Я» состоит из представлений индивида объединяющих его с другими и представлений о себе и своих индивидуальных чертах [1]. Карпов А.В. размышляет о том, что формирование Я-концепции происходит благодаря взаимодействию личности с окружающим миром, с последующим самоанализом, что по своей сути является социальной рефлексией. Чеснокова И.И. выделяет следующую структуру самосознания, включающую познавательный, эмоционально-ценностный и действенно-волевой. Самосознание – это сложный непрерывный процесс, заключающийся в восприятии образов личности в различных ситуациях и объединения данных образов в целостное представление, результатом самосознания является формирование обобщенного «образа Я» [3].

Развитие смысловой сферы личности тесно связано с развитием рефлексии, именно рефлексия расширяет смысловое поле, не рефлексировав человек не способен осознать свои внутренние переживания и сформировать целостное представление о самом себе. В рамках деятельностного подхода рефлексия выступает компонентом структуры деятельности (Выготский Л.С. и Леонтьев А.Н.). Рефлексия необходима для отражения осуществляемой действительности во внутреннем плане, это дает возможность субъекту деятельности наблюдать, подвергать критике и изменять полученный материал. Благодаря рефлексии появляется возможность к самоанализу, самокритике, осмыслению своих предметно-социальных отношений, рефлексия выступает необходимым компонентом для развития интеллекта [4]. Еще одним важным компонентом в формировании смысложизненных ориентаций который необходимо рассмотреть является представление о мире в сознании личности и представление о себе в данном социуме. Представление о себе и мире формирует модель миропонимания и особенности отношений с ним [5]. Шкрябко И.П. говорит о важной роли представлений в построении и реализации жизненных стратегий в различных сферах, от того насколько у человека сформирована позитивная картина мира зависит реализация жизненного пути и развитие личности [6]. Смысложизненные ориентации и личностные смыслы определяют направленность личности, формируют жизненные цели в соответствии с конкретными ценностями. Через общественную деятельность индивид реализует свои жизненные цели, делает жизнь наполненной и интересной.

Целью статьи является изучение особенностей смысложизненных ориентаций современной активной студенческой молодежи.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Методы исследования.

Исследование проводилось в 2022 году на территории Республики Крым, в исследовании принимало участие 70 человек в возрасте от 18 до 24 лет, все респонденты являлись студентами высших учебных заведений и имели опыт

общественной деятельности в разной степени. В качестве методов для изучения особенностей смысложизненных ориентаций активной студенческой молодежи применялись следующие методики: тест «Смысложизненные ориентации личности» (Леонтьев Д.А.) и методика «Якоря карьеры» (Шейн Э., перевод и адаптация Чикер В.А., Винокурова В.Э.). Для распределения респондентов по уровню проявления активности была разработана авторская анкета. Для обоснования статистической достоверности полученных результатов использовался t-критерия Стьюдента.

2. Результаты и обсуждение

Сегодня мы можем говорить о том, что личность проходит период трансформаций, необходимый для того что бы преодолеть кризис идентичности и адаптироваться к новым социальным условиям. В результате данного процесса происходит и рост уровня общественной инициативности, так как условия внешней среды не подходят для успешной жизнедеятельности субъект стремится их изменить под себя.

В ходе исследования с помощью авторской анкеты были выявлены группы респондентов с высоким и средним уровнем проявления активности, респондентов с низким уровнем проявления общественной активности не выявилось. Данный факт обусловлен рядом внешних факторов, к которым относятся социально-политические условия, период транзитивности современных общественных структур, всплеск гражданской активности среди населения. Молодежь достаточно быстро реагирует на все изменения, так как обладает еще не сформированной собственной эго-идентичностью.

Для диагностики ценностных ориентаций, социальных установок и социально обусловленных побуждений к деятельности была использована методика «Якоря Карьеры» разработанная Шейном Э, адаптирована Чикером В.А. и Винокуровой В.Э. Для анализа особенностей проявления активности, интересны следующие шкалы данного опросника: автономия, служение, интеграция стилей жизни и предпринимательство. Средние значения по данным шкалам представлены на Рис. 1.

По шкале автономия группы со средним и высоким уровнем активности имеют приблизительно равные значения (6,94 и 6,46 соответственно), это обусловлено тем, что для данных респондентов важна независимость от правил и стандартов, для них характерно желание самостоятельно решать, что делать для достижения поставленной цели. Респонденты проявляющие общественную активностью легче принимают условия работы в команде для достижения общей цели ($t_{Эмп} = 1,3$, при $p \leq 0.05$).

Важным показателем для оценки особенностей активности является показатель по шкале служение у респондентов с высоким уровнем активности этот показатель имеет высокие значения, что говорит о том, что их деятельность направлена на достижения общественно важных целей и стремление приносить пользу людям и обществу в целом. У респондентов со средним уровнем активности данный показатель ниже, так как они не всегда готовы следовать достижению общественного блага ($t_{Эмп} = 2,9$, при $p \leq 0.05$).

Показатель по шкале предпринимательство интересен тем, что люди с выраженной ориентацией на данную профессиональную направленность стремятся к созданию чего-то нового. У группы с высоким и средним уровнем активности этот показатель имеет схожие значения ($t_{Эмп} = 0,5$, при $p \leq 0.05$), что говорит о том, что предпринимательство всегда идет рядом с общественным участием и преобразованием окружающей действительности для достижения целей.

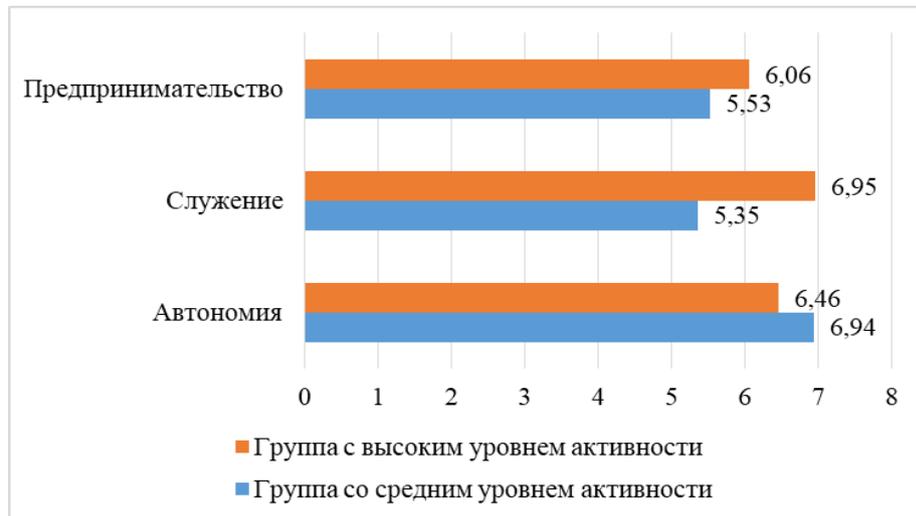

Рис. 1. Средние значения по методике «Якоря карьеры» (Шейн Э., перевод и адаптация Чикер В.А., Винокурова В.Э.)

Таким образом, мы видим, что современная молодежь нацелена на проявления общественной активности и готова принимать участие в общественных инициативах.

При анализе полученных результатов не было выявлено значимых различий по шкалам методики тест «Смыслоразножизненные ориентации личности» (Леонтьев Д.А.) и уровнем активности личности (цели в жизни – $t_{Эмп} = 1,5$, при $p \leq 0.05$; процесс жизни – $t_{Эмп} = 1,5$, при $p \leq 0.05$; результативность жизни – $t_{Эмп} = 0,4$, при $p \leq 0.05$; локус контроля – Я – $t_{Эмп} = 2,3$, при $p \leq 0.05$; локус контроля – жизнь – $t_{Эмп} = 2$, при $p \leq 0.05$). Это можно объяснить тем, что смыслоразножизненные ориентации респондентов двух групп схожи между собой, так как они проявляют достаточную общественную активность, поэтому считаем необходимым проанализировать полученные результаты в данной статье (Рис. 2).

По шкале «Цели в жизни» респонденты демонстрируют средние значения, что говорит о том, что в их жизни нет четко сформированной цели, наделяющей жизнь смыслом и направлением, что можно объяснить, во –первых, несформированной эго-идентичностью, а во-вторых, нахождением личности в ситуации неопределенности и кризиса, присущими современному этапу развития общества.

По шкале «Процесс жизни» респонденты демонстрируют результаты ниже чем по шкале «Цели в жизни», что может свидетельствовать о неудовлетворенности жизнью, процесс жизни воспринимается как неинтересный и ненаполненный смыслом. Данные результаты объясняются особенностями юношеского возраста, несмотря на определенную независимость и самостоятельность, личность все еще находится под влиянием родителей и преподавателей, что не дает возможности в полной мере проявить себя и получить удовольствие от процесса своей жизни, так как необходимо считаться с «мнением старших».

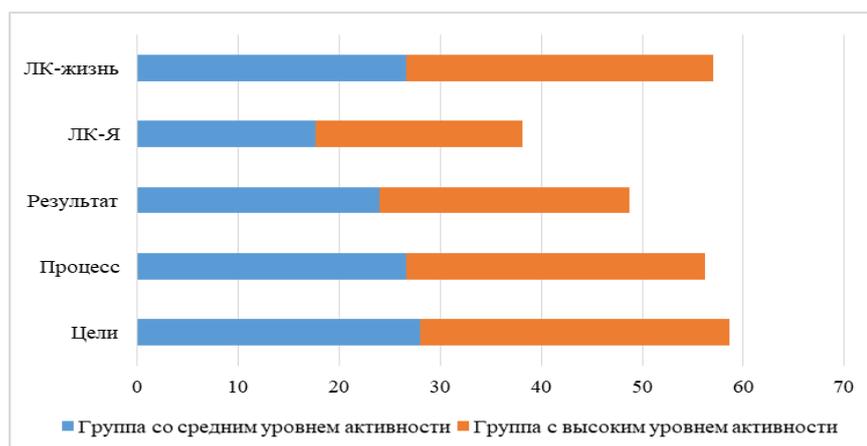

Рис. 2. Средние значения по методике Тест «Смысложизненные ориентации личности» (Леонтьев Д.А.)

Значения по шкале «Результативность жизни» говорят о том, что респонденты не осмысливают свою жизнь, видят ее малопродуктивной, так как значения находят в зоне средних, можно сказать что у респондентов нет представления об удовлетворённости своей жизнью. Не смотря на активное общественное участие в жизни социума. Личность остается в ситуации неудовлетворённости, как следствие активность может снижаться, что может способствовать вовлечению личности в деструктивные течения.

Высокие балы по шкале «Локус контроля – я» говорят о том, что у индивида сформировано представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора. Это является важным компонентом, обеспечивающим поддержания уровня общественной активности

Средние балы по шкале «Локус контроля – жизнь», подтверждают предположение о том, что сегодняшняя ситуация кризиса оказывает воздействие на представления индивида о том, способен ли он свободно принимать решения, контролировать свою жизнь, планировать свое будущее.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование показало особенности смысловых ориентаций активной студенческой молодежи, в частности, стоит отметить, что у респондентов в большей степени сформировано представление о себе как о сильной личности, способной выстраивать траекторию собственного пути, что способствует активному общественному участию. Личность осознает свою свободу выбора, но вступает в конфликт с невозможностью ее проявления в современных кризисных условиях, что подтверждается результатами полученными по шкале «Локус контроля – жизнь», при этом результаты полученные по шкалам «Результативность жизни» и «Процесс жизни» определяют проблему с которой сталкивается большинство общественных организаций: как способствовать поддержанию высокого уровня активности? Поддержание активности должно строиться через демонстрацию конечного результата деятельности, личность должна четко понимать для чего и для кого она выполняет те или иные общественные обязательства, что будет способствовать формированию результативности деятельности и получения удовольствия от процесса деятельности. Результаты по методике «Якоря Карьеры» показали, что в целом современная студенческая молодежь испытывает потребность в общественном участии, удовлетворение этих потребностей может происходить как через активную социально-значимую деятельность, так и через деятельность, направленную на разрушение современных общественных институтов.

Данное исследование так же позволило сформулировать проблему для дальнейшего изучения, а именно, сравнение особенностей формирования смысловых ориентаций в группах с низким и высоким уровнем активности.

Список литературы

1. Андропова О.Е. Проблема компонентов, характеристик и основных типов самосознания в психологии / О.Е. Андропова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – №305. – С. 149-152.
2. Карпов А.В. Рефлексия в структуре когнитивной организации процессов принятия решения / А.В. Карпов // Российский психологический журнал. – 2005. – №3. – С 48-67
3. Чеснокова, И.И. Проблема самосознания в психологии / И.И. Чеснокова, Е.В. Шорохова. – Москва : Наука, 1977. – 144 с.
4. Шигабетдинова Г.М. Феномен рефлексии: границы понятия / Г.М. Шигабетдинова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2014. – №2-1 – С. 415-422.
5. Васильева О.С. Представления о себе и мире у студентов-психологов/ О.С. Васильева, Н.М. Грачева // Российский психологический журнал. – 2015. – №2. – С.34-45.
6. Шкрябко И.П. Исследование подходов к понятию «Личностные представления» / И.П. Шкрябко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2013. – №4 (129). – С. 94-98.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF MEANINGFUL ORIENTATIONS OF ACTIVE STUDENTS

Korshak A.A.

*State Budget Education Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia
E-mail: anyaturmasova@ya.ru*

The article studies the features of the life-meaning orientations of active student youth. A theoretical analysis of the research problem is presented, as well as the results of an empirical study conducted in 2022. Meaningful orientations in life are formed in the process of developing a person's self-awareness and reflection. It is reflection that ensures the analysis of incoming information, forms on its basis one's own ideas, which form the basis of the emerging life-meaning orientations

The sample of subjects consisted of 70 people studying at higher educational institutions in the territory of the Republic of Crimea, with experience in social detail. The following methods were used as research methods: the "Meaningful Orientations in Life" test (Leontiev D.A.) and the "Career Anchors" test (Shane E., translation and adaptation by Chiker V.A., Vinokurova V.E.) The results of the study showed certain features in meaningful life orientations of young people who show social activity, namely dissatisfaction with the process and result of their life path, with a highly formed locus of control - I. The study of career orientations showed the relevance of motives associated with the manifestation of social activity among student youth. The results of the study presented in the article also indicate a number of problems that need to be solved to attract young people to social activities.

Key words: semantic sphere; life-meaning orientations, meaning, student youth, activity, self-awareness.

Referenses

1. Andronova O.E., The problem of components, characteristics and main types of self-awareness in psychology, *Bulletin of Tomsk State University*, **305**, 149-152 (2007).
2. Karpov A.V. Reflection in the structure of cognitive organization of decision-making processes, *Russian psychological journal*, **3**, 48-67 (2005).
3. Chesnokova, I.I., Shorokhova E.V. The problem of self-awareness in psychology, 144 (1977)
4. Shigabetdinova G.M. The phenomenon of reflection: the boundaries of the concept, *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, **2 (1)**, 415-422, (2014)
5. Vasilyeva O.S., Gracheva N.M. Ideas about oneself and the world among psychology students, *Russian psychological journal*, **2**, 34-45 (2015).
6. Shkryabko I.P. Study of approaches to the concept of "Personal ideas", *Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and psychology*, **4 (129)**, 94-98 (2013).

УДК 159.9

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

Лучинкина И.С., Коршак А.А.

*Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет» имени Февзи Якубова,
Симферополь, Россия
E-mail: miss_luchinkina@mail.ru*

В статье рассмотрены психологические особенности интернет-пользователей с различным уровнем интернет-активности. Определены основные риски интернет-пространства и факторы, на них влияющие. К таким факторам относятся нарушения в когнитивном функционировании личности, а именно: когнитивные искажения и эмоциональные схемы когнитивных установок. В ходе эмпирического исследования выявлены группы пользователей – респонденты со средним и высоким уровнем интернет-активности. Отмечено, что респондентам со средним уровнем интернет-активности присущи когнитивные искажения по типу сверхгенерализации и обесценивания позитивного, респондентам с высоким уровнем интернет-активности – когнитивные искажения по типу дихотомического мышления и катастрофизации. Выявлено, что пользователям со средним уровнем интернет-активности присущи средние показатели вины и стыда, чрезмерной рациональности и высокие показатели обесценивания. В свою очередь, пользователям с высоким уровнем интернет-активности присущи высокие показатели руминации, потери контроля и обвинения.

Ключевые слова: интернет-пользователи, активность, интернет-пространство, когнитивные искажения, эмоциональные схемы.

ВВЕДЕНИЕ

Интернет-пространство – противоречивое пространство. Ряд ученых отмечает, что интернет оказывает, в большей степени, негативное влияние на личность [1; 2; 3]. Примером могут служить различные виртуальные группы смерти, деструктивное интернет-поведение и противоречивая информация, искажающая когнитивные фильтры личности.

Другие исследователи подчеркивают, что интернет дает личности возможность идентификации, аффилиации и стимулирует ее развитие [4; 5; 6]. Более того, зарубежными исследователями выявлено, что личности в виртуальном пространстве присущи определенные новообразования – от когнитивных до аффективных.

Если обратиться к вопросу когнитивных особенностей интернет-пользователя, то можно столкнуться с рядом исследовательских проблем. Во-первых, нет исследований, всесторонне отражающих проблему когнитивных процессов интернет-пользователей с различным уровнем виртуальной активности. Во-вторых, не исследованы, но нуждаются в исследовании виртуальные риски, связанные с когнитивными искажениями личности. Исследование подобных рисков позволит разработать программу психологического сопровождения для своевременной диагностики, профилактики и коррекции девиаций интернет-пользователей.

Стоит отметить, что наиболее изученными в области когнитивной психологии являются когнитивные стили онлайн-геймеров [7]. Признавая значимость указанных исследований, отметим, что акцент в подобных научных трудах связан с одним из видов виртуальной деятельности и не учитывает ее многообразие.

В свою очередь, предполагаем, что от уровня интернет-активности личности может зависеть специфика ее когнитивных установок, когнитивных стилей и эмоциональных схем. Отметим, что исследование указанных категорий позволит своевременно выявить риски интернет-пользователя и предотвратить их.

Риски, связанные с когнитивными стилями, отражаются в трудности анализа полученной информации и приводят к распространению фейков [8]. Когнитивные искажения, в свою очередь, влияют на формирование деструктивного восприятия социальных взаимоотношений и, как результат, провоцируют буллинг, троллинг и стаклинг [9]. Известно, что результатом выраженных когнитивных искажений становятся деструктивные эмоциональные схемы.

Таким образом, целью исследования является изучение когнитивных установок и эмоциональных схем убеждений личности с различным уровнем интернет-активности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Методы исследования.

Исследование когнитивных особенностей личности с различным уровнем интернет-активности реализовывалось на базе социальной сети «vk.com». В исследовании приняли участие 456 интернет-пользователей в возрасте от 18 до 25 лет. Такой возрастной диапазон выборки объясняется исследованиями ВЦИОМ, где отмечены наиболее активные интернет-пользователи.

Для достижения однородности выборки предлагалась специальная анкета, состоящая из следующих вопросов и предложений:

1. Укажите, пожалуйста, свой возраст.
2. Укажите, пожалуйста, основные виды своей деятельности.

Важно отметить, что все респонденты выборки – обучающиеся высших учебных заведений. В рамках нашего исследования подобный критерий является важным, так как студенты, чаще всего, наиболее активно вовлечены в виртуальное пространство.

3. Опишите свои основные виды деятельности в интернет-пространстве.

Уточним, что к исследованию, по результатам анкетирования, приглашались «многофункциональные» интернет-пользователи. Все респонденты сформированной выборки отметили, что используют интернет-пространство для нескольких задач – учебы, работы, общения, игр, чтения новостей и литературы, рекреации и реализации творческого потенциала. Творческий потенциал респонденты реализуют различными способами – создание авторского контента, дизайн персональной страницы, следование трендам.

4. Представьте свою жизнь без интернета. Как можете ее охарактеризовать?

Этот вопрос включен в анкету с целью проверочной функции. В контексте проблемы нашего исследования важно, чтобы интернет-пользователи демонстрировали высокий уровень вовлеченности в виртуальное пространство.

Отметим, что многие респонденты сформировавшейся выборки уточнили, что без интернет-пространства они потеряют площадку самореализации и близкие социальные связи. Более того, ряд респондентов (38,6%, 176 человек) подчеркнули, что интернет-пространство вносит в их жизнь смысл и желание действовать.

Диагностика когнитивных особенностей личности с различным уровнем интернет-активности проводилась с учетом следующих опросников и методик:

1. Методика А.И. Лучинкиной «Личность в виртуальном пространстве» – для исследования уровня вовлеченности интернет-пользователя в виртуальную среду. Стоит отметить, что эта методика измеряет не количественные, а качественные показатели вовлеченности;

2. Опросник И.С. Лучинкиной «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» – для исследования систематических ошибок мышления интернет-пользователей. Указанный опросник позволяет выявить когнитивные искажения по типу дихотомического мышления, катастрофизации, обесценивания позитивного, эмоционального обоснования, навешивания ярлыков, мысленного фильтра, чтения мыслей, персонализации, долженствования и сверхгенерализации;

3. Шкала эмоциональных схем (Р. Лихи) – для изучения ожиданий личности от своих эмоций и эмоций других людей. Шкала эмоциональных схем позволила выявить показатели вины и стыда, потери контроля, руминации, неприятия чувств личности с различными уровнями интернет-активности;

Полученные в результате исследования данные статистически подтверждены с помощью программного пакета Statistical Package for the Social Science 26 и критерия U Манна-Уитни.

Результаты и обсуждение

Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе выявлены группы пользователей с различным уровнем интернет-активности. Стоит отметить, что в рамках нашего исследования выявлены респонденты со средним (30,04%, 137 человек) и высоким (69,96%, 319 человек) уровнем интернет-активности. Показательно, что респондентов с низким уровнем вовлеченности в виртуальную среду не установлено.

Подчеркнем, что респонденты с высоким уровнем интернет-активности определяют интернет как значимую часть своей жизни, в которой реализуют свои потребности – от коммуникативных до профессиональных. Более того, смартфон, компьютер, планшет или ноутбук являются их основными помощниками и в некоторой степени проводниками в социум.

На втором этапе исследованы когнитивные особенности респондентов со средним и высоким уровнем интернет-активности (U-критерий). Отметим, что выявлены достоверные различия по показателям когнитивных искажений среди групп выборки (табл. 1).

Согласно данным когнитивных теоретиков и практиков, когнитивные искажения представляют собой искаженное восприятие информации и возникают на основе дисфункциональных схем. Так, выявлено, что респондентам со средним уровнем интернет-активности, в большей степени, присущи показатели сверхгенерализации и обесценивания позитивного, в отличие от группы с высоким уровнем интернет-активности ($p \leq 0,05$).

Сверхгенерализация заключается в переносе сформированного стереотипа на все последующие жизненные ситуации и выражается в установлении правил взаимодействия и коммуникации. Отметим, что респонденты со средним уровнем интернет-активности проводят длительное время в интернет-пространстве, но считают это неприятным.

Обесценивание позитивного выражается в отказе воспринимать положительные стороны ситуации и стремлении найти в ней негативный подтекст. Так, группа со средним уровнем интернет-активности зачастую обесценивает положительный опыт, связанный с интернет-пространством, но продолжает активно использовать виртуальную среду.

Таблица 1
Различия в проявлении когнитивных искажений в группах выборки

показатель	значение $U_{эмп}$	уровень значимости, p
Дихотомическое мышление	87	0,05
Катастрофизация	142	0,03
Обесценивание позитивного	94	0,05
Эмоциональное обоснование	132	0,16
Навешивание ярлыков	54	0,09
Мысленный фильтр	77	0,566
Чтение мыслей	93	0,073
Персонализация	19	0,951
Долженствование	49	0,664
Сверхгенерализация	116	0,03

В свою очередь, группе пользователей с высоким уровнем интернет-активности когнитивные искажения по типу дихотомического мышления и катастрофизации присущи в большей степени, чем группе со средней активностью в сети ($p \leq 0,05$).

Отметим, что дихотомическое мышление заключается в черно-белом восприятии социальной ситуации и предполагает крайности в размышлении личности. Активные интернет-пользователи отметили, что дихотомичность их мышления проявляется в публикации контента, в ожидании оценки контента окружающими и в построении коммуникативных связей.

Катастрофизация заключается в переживании человеком возможных негативных последствий в жизненных ситуациях и напрямую связана с высоким уровнем личностной тревожности. Отметим, что активные интернет-пользователи зачастую испытывают тревогу при невозможности доступа в интернет и любых нарушениях виртуальной коммуникации.

Исследование показало наличие достоверных различий по проявлению эмоциональных схем группами выборки (табл. 2). Эмоциональные схемы представляют собой субъективные интерпретации и ожидания, которые возникают у личности в отношении своих и чужих эмоций.

Таблица 2

Различия в проявлении эмоциональных схем в группах выборки

показатель	значение $U_{\text{эмп}}$	уровень значимости, p
Инвалидация	199	0,93
Непонятность	83	0,66
Вина и стыд	146	0,05
Упрощенный взгляд	124	0,563
Обесценивание	115	0,04
Потеря контроля	76	0,05
Бесчувственность	28	0,958
Чрезмерная рациональность	141	0,05
Длительность	213	0,77
Низкий консенсус	149	0,79
Руминации	112	0,03
Непринятие чувств	96	0,353
Низкая выраженность чувств	118	0,91
Обвинение	201	0,02

Итак, респондентам с высоким уровнем интернет-активности присущи высокие показатели руминации, потери контроля и обвинения, в отличие от респондентов со средним уровнем интернет-активности ($p \leq 0,05$).

Стоит отметить, что руминации отражают уверенность интернет-пользователя в том, что негативные эмоции и чувства должны продолжаться, а зачастую – завершаться и начинаться вновь. Некоторые респонденты выборки, подтверждая этот тезис, отмечали, что в моменты грусти привыкли задавать себе вопросы или приводить утверждения, ухудшающие их негативные состояния.

Потеря контроля личностью отражается в значимости контроля и подавления своих эмоций – если позволить чувствовать, то эмоции выйдут из-под контроля и случится катастрофа. Эта эмоциональная схема нашла свое отражение в постах

активных интернет-пользователей – они стараются меньше проявлять негативные эмоции и больше демонстрировать «принимаемое» обществом виртуальное поведение.

Кроме того, респондентам с высоким уровнем интернет-активности присуща эмоциональная схема по типу обвинения ($p \leq 0,05$). Отметим, что обвинение как эмоциональная схема представляет собой убежденность в том, что эмоции личности возникают из-за поступков и отношения других людей. Респонденты этой группы отметили, что их эмоциональное состояние напрямую зависит от обратной связи, транслируемой их аудиторией в социальных сетях.

Проанализируем результаты исследования эмоциональных схем респондентов со средним уровнем интернет-активности. Так, респондентам этой группы присущи средние показатели по шкалам вины и стыда, чрезмерной рациональности и высокие показатели по шкале обесценивания ($p \leq 0,05$). Тенденции по шкале вины и стыда отражают одновременное неприятие респондентами своей виртуальной деятельности и стремление находиться в интернет-пространстве.

Отметим, что чрезмерная рациональность заключается в уверенности человека в том, что он должен быть рациональным, логичным, структурированным, а не эмоциональным. Основная установка – эмоциональные проявления являются признаком слабости, их обязательно нужно избегать.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало, что респондентам с высоким уровнем интернет-активности присущи высокие показатели когнитивных искажений по типу дихотомического мышления и катастрофизации. В свою очередь, респондентам со средним уровнем интернет-активности свойственны высокие значения сверхгенерализации и обесценивания позитивного. Выявленные когнитивные искажения оказывают влияние на восприятие информации, установление межличностного диалога и зачастую ведут к деструктивным формам виртуального поведения.

В ходе исследования эмоциональных схем респондентов выборки установлено, что у респондентов с высоким уровнем интернет-активности выраженными являются показатели руминации, потери контроля и обвинения, в то время как у респондентов со средним уровнем интернет-активности – средние показатели по шкалам вины и стыда, чрезмерной рациональности и высокие показатели по шкале обесценивания. Подобные различия напрямую связаны с когнитивными установками групп интернет-пользователей и их отношением к виртуальному пространству.

Полученные результаты научного исследования могут стать основой для исследования личности с различным уровнем интернет-активности и разрешения методологических проблем, связанных с личностью в виртуальном пространстве. Кроме того, исследование интернет-активного пользователя позволит сформировать программу психологического сопровождения для предотвращения возможных девиаций.

Список литературы

1. Бондаренко С. В. Социальная система киберпространства как новая социальная общность / С. В. Бондаренко // Научная мысль Кавказа. Приложение. – 2002. – № 12 (38). – С. 32-39.
2. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р. А. Внебрачных // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – № 1. – С. 48-51.
3. Еляков А. Д. Homo Informaticus и современная информационная среда / А. Д. Еляков // Философия и общество. – 2012. – №3 (67). – С. 38-59.
4. Лучинкина А. И. Психологический анализ отклонений в процессе интернет-социализации личности / А. И. Лучинкина // Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (33). – С. 54-62.
5. Скуратов А. Б. Коммуникативное лидерство в локальных интернет-сообществах / А.Б. Скуратов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 56. – С. 56-59.
6. Стернин И. А. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2(16). – С. 20-34.
7. Войскунский А. Е. Развивается ли агрессивность у детей подростков, увлеченных компьютерными играми? / А. Е. Войскунский // Вопросы психологии. – 2000. – №6. – С. 133-143.
8. Суворова Е. Э. Влияние интернет среды на репрезентационные и идентификационные стратегии / Е. Э. Суворова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 3(57). – С. 97-99.
9. Щербаков В. П. Коммунальность и коммуникация / В. П. Щербаков // Вестник СПбГУ. – 2007. – № 3. – С. 163-168.

COGNITIVE FEATURES OF AN INTERNET-ACTIVE PERSONALITY

Luchinkina I.S., Korshak A.A.

*State Budget Education Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia
E-mail: miss_luchinkina@mail.ru*

The article examines the psychological characteristics of Internet users with different levels of Internet activity. The main risks of the Internet space and the factors influencing them are identified. Such factors include disturbances in the cognitive functioning of the individual, namely: cognitive distortions and emotional patterns of cognitive attitudes. During the empirical study, user groups were identified. These groups include respondents with medium and high levels of Internet activity. It is noted that respondents with an average level of Internet activity are characterized by cognitive distortions such as overgeneralization and devaluation of the positive, while respondents with a high level of Internet activity are characterized by cognitive distortions such as dichotomous thinking and catastrophizing. It was revealed that users with an average level of Internet activity are characterized by average levels of guilt and shame, excessive rationality and high rates of devaluation. In turn, users with a high level of Internet activity are characterized by high rates of rumination, loss of control and blame.

Keywords: Internet users, activity, Internet space, cognitive distortions, emotional patterns.

Referenses

1. Bondarenko S. V., The social system of cyberspace as a new social community, *Scientific thought of the Caucasus. Application*, **12 (38)**, 32 (2002).
2. Vnebrachnyh R.A., Trolling as a form of social aggression in virtual communities, *Bulletin of Udmurt University*, **1**, 48 (2012).
3. Elyakov A. D., Homo Informaticus and the modern information environment, *Philosophy and society*, **3(67)**, 38 (2012).
4. Luchinkina A. I., Psychological analysis of deviations in the process of Internet socialization of personality, *Humanitarian sciences*, **1(33)**, 54 (2016).
5. Skuratov A. B., Communicative Leadership in Local Internet Communities, *Bulletin of Buryat State University*, **56**, 56 (2015).
6. Sternin I. A., Theoretical problems of describing communicative behavior, *Communication Studies*, **2(16)**, 20 (2018).
7. Voiskunsky A.E., Does aggression develop in adolescent children who are fond of computer games, *Psychology issues*, 6, 133 (2000).
8. Suvorova E. E., The influence of the Internet environment on representational and identification, *International Scientific Research Journal*, **3(57)**, 97 (2017).
9. Shcherbakov V. P., Community and communication, *Bulletin of St. Petersburg State University*, **3**, 163 (2017).

УДК 159.9.072.432

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СКЛОННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Мальцев А. В.¹, Любякин А. А., Чаликов С. А.

*Уральский федеральный университет ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия*

¹E-mail: A.V. Maltsev@uruf.ru

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи интересов внутри психологической профессии и внутриличностных конфликтов студентов психологов. В качестве основной гипотезы выступило предположение, что между профессиональными склонностями и параметрами внутреннего конфликта существует взаимосвязь. В качестве центральной методики исследования использован диагностический комплекс Фанталовой Е. Б. Результатом исследования явилось выявление значимых корреляций между разными параметрами внутренних конфликтов с одной стороны и выборами направлений специализации, компетенциями и личностными особенностями будущих психологов - с другой. В целом, общая склонность к профессии психолог не связана с силой внутренних конфликтов студентов. Присутствуют как прямые, так и обратные корреляции между напряженностью отдельных ценностей и разными характеристиками склонности к психологической профессии.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт, внутренний конфликт, студенты, студенты-психологи, профессиональные склонности, профессиональные интересы

ВВЕДЕНИЕ

Современный человек живет в условиях сверхдинамичной и противоречивой информационной среды. Ежедневное столкновение с огромным количеством разнонаправленных явлений, а также их трактовок и интерпретаций не позволяет сформировать устойчивой системы отношений к окружающему миру. Отсутствие четких ориентиров приводит к частому столкновению идей, мотивов, целей и ценностей в субъективном пространстве личности, что неизбежно приводит к возникновению внутриличностных конфликтов.

Проблема внутриличностных конфликтов является достаточно популярной для теоретической и практической психологии. Накоплен обширный эмпирический материал, на основе которого представлены модели, типологии и способы разрешения таких конфликтов. Большинство исследователей подчеркивают необходимость внутренней напряженности для развития и совершенствования личности на разных этапах жизненного пути [1-4]. Как подчеркивает Грановская Р. М., «внутриличностный конфликт готовит энергетический ресурс для творческого развития личности» [1, с. 66]. Однако не каждому удается воспользоваться потенциалом внутреннего конфликта, что приводит к различным нарушениям здоровья. Своевременное распознавание и помощь в ситуации длительного переживания противоречий – одна из задач практического психолога.

Существует устойчивое мнение, что высокий интерес к психологии испытывают люди, отягощенные своими проблемами и предполагающие решение этих проблем за счет ресурса профессии, в том числе, потенциальных клиентов. Данное утверждение, на наш взгляд, нуждается в эмпирической проверке. Если такая тенденция присутствует, то она проявляется уже на этапе студенчества.

Букиной А. А. было установлено, что число внутренних конфликтов у студентов-психологов значимо выше по сравнению со студентами-экономистами и растет от курса к курсу [5]. Данная динамика не может быть объяснена только профессиональным развитием и линейным ростом мотивации к профессии [6, 7]. Профессиональный выбор студенты делают на выпускных курсах [8, 9], причем, ценность профессиональной деятельности усиливается к концу обучения именно на психологических специальностях [10]. Однако сами механизмы влияния внутренних противоречий на профессиональный выбор студентов остаются не проясненными. Корреляционные исследования в данном направлении позволят выявить взаимосвязь между различными аспектами внутриличностных конфликтов и склонностью к работе психологом, в том числе, с профессиональными интересами, а также прояснить степень конструктивности выявленных взаимосвязей.

Цель статьи: уточнение характера связи между профессиональными склонностями и параметрами внутреннего конфликта у студентов психологов, что вносит вклад в прояснение механизмов протекания внутриличностных конфликтов в студенчестве.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Программа исследования

Исследование проводилось на базе департамента психологии Уральского Федерального университета. Общую выборку составили 135 студентов департамента психологии 2-3 курсов, обучающиеся по направлениям «Психология» и «Клиническая психология». Состав выборки представлен в Таблице 1.

Таблица 1

Структура выборки исследования

	Девушки	Юноши	Всего
2 курс	83	10	93
3 курс	51	9	60
Итого	134	19	153

Существующие методологические трудности диагностики внутриличностных конфликтов [7, 11] связаны с неточностью границ изучаемого понятия. В самом общем виде внутриличностный конфликт понимается как трудно разрешимое противоречие, вызванное столкновением между примерно равными по силе, но противоположно направленными интересами, потребностями, влечениями и т. п.

[12, с. 29]. Содержание и степень разрешимости противоречий конкретизируется в рамках существующих авторских методик [2, 7].

В качестве основного диагностического инструмента был использован комплекс методик Фанталовой Е. Б. Система «Диагностика внутреннего конфликта» используется в большинстве проведенных на отечественных выборах исследованиях, а также широко используется в психологической практике. Комплекс ориентирован на выявление доминирующих ценностей личности и определяет конфликт как расхождение важности ценностей с доступностью их реализации с учетом эмоционального фона [12]. В данном исследовании были выбраны две методики системы Фанталовой: УСЦД «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах») и СВЦ («Свободный выбор ценностей»).

Методика УСЦД включает в себя 12 жизненных ценностей, отображенных на основе классической методики Рокича М.: 1 – Активная деятельная жизнь; 2 – Здоровье; 3 – Интересная работа; 4 – Красота природы и искусства; 5 – любовь; 6 – Материально-обеспеченная жизнь; 7 – Наличие хороших и верных друзей; 8 – Уверенность в себе; 9 – Познание; 10 – Свобода; 11 – Счастливая семейная жизнь; 12 – Творчество.

Ценности представлены на регистрационном бланке с инструкцией. Испытуемый проводит их попарное сравнение на специальных матрицах бланка дважды: первый раз - по «Ценности» и второй раз по «Доступности». Разница ценности и доступности каждого предлагаемого к ранжированию параметра является маркером внутреннего противоречия. Рассчитывается, сколько раз каждое понятие было преобладающим по «Ценности» (Ц) и сколько раз по «Доступности» (Д).

Разница «Ценность-Доступность» («Ц-Д») по каждому пункту отражает степень напряженности ценности, вызванной существующим рассогласованием в мотивационной сфере. Это своего рода проекция состояния разрыва в системе «сознание-бытие», а именно, расхождения между потребностью в достижении внутренне значимых ценностных объектов и возможностью такого достижения в реальности [1–3, 6, 8, 11]. Величина индекса «Ц-Д» свидетельствует о несоответствии между тем, что есть, и тем, что должно быть [12].

Методика УСЦД диагностирует три состояния по каждой ценности: «внутренний конфликт» (ВК), «внутренний вакуум» (ВВ) и «нейтральная зона» (НЗ). Внутренний конфликт констатируется при соотношении Ц>Д в 4 балла и более. Когда разница превышает 8 баллов, внутренний конфликт рассматривается как острый. В ситуации, когда доступность превышает ценность (Д>Ц на 4 балла и более) констатируется состояние внутреннего вакуума – опустошенности, снижение интереса к сфере несмотря на возможность реализации в ней. Разница Ц и Д менее 4-х баллов диагностируется как нейтральная зона [12].

Интегральный показатель методики – ВК (внутренний конфликт) – равен сумме расхождений по модулю для всех 12 понятий и представляет собой количественную характеристику внутриличностного конфликта. Высокая разница показателей по модулю не учитывает диагностических тонкостей, важных для практической

работы. Состояние напряженности как по отдельным ценностям, так и в целом, создается как «конфликтами», так и «вакуумами».

Методика «Свободный выбор ценностей» направлена на определение «ценностного ядра» субъекта, раскрытие его уникальности. Был увеличен ценностный ряд до 73-х наименований, куда включены разнопорядковые ценности, охватывающих самые разные стороны жизни. Основной методический прием – свободный, индивидуальный для каждого выбор ценностей из предложенного списка, а также возможность самостоятельно дополнить список до 80 пунктов. Ограниченность выбора 10-ю наиболее значимыми ценностями позволяет определить содержательное ценностное ядро, а также оценить доступность данных ценностей аналогично методике УСЦД [7]. По итогам свободного выбора ценностей также оценивается индекс ценности и индекс доступности каждой из них. Итоговый показатель ВК-1 представляет собой сумму разниц Ц и Д по каждой свободно выбранной ценности.

Диагностика склонности к психологической профессии проводилась с помощью онлайн методики «Психолог», разработанной лабораторией Гуманитарные технологии под руководством Шмелева А. Г. За основу взята модель действующего теста «Профорентатор», вопросы детализированы в соответствии с содержательной валидностью исходного конструкта.

Методика «Психолог» предназначена для исследования склонности к психологической профессии на основе самооценки интересов и ряда личностных особенностей респондентов. Вопросы сгруппированы в три блока: базовые компетенции, интересы к разным видам психологической деятельности и профессионально-важные качества.

Опросник имеет стеновую стандартизацию и включает в себя следующие шкалы: Реалистичность; Практика работы; Интерес к работе психотерапевта; Интерес к работе кадрового психолога; Интерес к работе педагога-психолога; Интерес к работе клинического психолога; Интерес к научно-исследовательской работе; Интерес к работе конфликтолога; Интерес к работе спортивного психолога; Общий интерес к профессии; Открытость новому; Согласие – склонность к сотрудничеству; Общительность; Стрессоустойчивость; Общая склонность к работе психологом.

На основании сочетания шкал высчитываются индексы склонностей к разным видам психологической работы: преподаватель, спортивный психолог, педагог-психолог, кадровый психолог, психотерапевт, конфликтолог и клинический психолог [13].

2. Результаты и обсуждение

Обратимся к результатам корреляционного исследования. В таблицах 2, 3 представлены коэффициенты корреляции между показателями методик комплекса Фанталовой Е. Б. (УСЦД и СВЦ) и параметрами склонности к психологической профессии. Значимые коэффициенты корреляции между склонностью и общим интересом к психологической профессии и показателем внутриличностного конфликта по методике УСЦД (ВК) отсутствуют. Выявлена одна отрицательная связь между ВК-1 и общей склонностью к психологической профессии ($r=-0,16$;

$p < 0,05$). То есть, утверждение о том, что интерес к сфере психологии обусловлен наличием внутреннего конфликта, в нашем исследовании эмпирически не подтверждается. Скорее наоборот, чем выше внутренняя напряженность студентов в ситуации свободного выбора ценностей, тем менее они склонны к выбору профессии психолога.

Выявлен ряд достоверных взаимосвязей между отдельными свойствами личности и интересами к разным сферам психологической профессии с одной стороны, и противоречиями по отдельным ценностям - с другой. Присутствуют, в основном, отрицательные взаимосвязи между напряженностью по отдельным ценностям и интересом к разным специализациям психологии. Например, внутренний конфликт по ценности «Наличие верных друзей» образует достоверную отрицательную корреляционную связь с общим интересом к профессии психолог и интересом к психотерапии. Вопреки распространённому мнению интерес к глубинной работе с людьми не вызван потребностью лучше разобраться в отношениях или найти друзей. Психотерапией, как и психологией в целом, в большей степени интересуются те студенты, у которых отсутствует внутреннее противоречие в сфере дружеских отношений.

Аналогичная картина выявлена для ценности «Любовь» в отношении интереса к клинической психологии. Чем менее выражен конфликт по данной ценности, тем сильнее представлен интерес респондентов к этому направлению. Также выявлена отрицательная взаимосвязь между интересом к конфликтологии и конфликтом по ценности «Здоровье». Чем меньше напряженности в сфере здоровья переживает студент-психолог, тем вероятнее возникновение интереса к разрешению внутренних и внешних конфликтов.

Вместе с тем, выявлены немногочисленные положительные корреляции между внутренними конфликтами по ряду ценностей и некоторыми сферами интересов в психологической профессии. Так, внутренний конфликт по ценности «Любовь» коррелирует с интересом к сфере научных исследований. То есть, чем выше напряженность в теме любовных отношений во внутренних переживаниях студентов, тем выше вероятность возникновения интереса к научно-исследовательской деятельности как к инструменту, помогающему лучше понять себя и других людей. Данный факт частично объясняет причину выбора личностно обусловленных тем исследований молодых учёных, о чём писал Дружинин В. Н. Исследование становится средством разрешения внутренних противоречий, что может быть весьма эффективным.

Обращают на себя внимание две незакономерные корреляционные связи между напряженностью по ценности «Семья» и интересом к спортивной психологии ($r=0,16$; $p < 0,05$) и конфликтом в сфере материальных ценностей и интересом к педагогической психологии ($r=0,14$; $p < 0,05$). Предположительно, данные взаимосвязи отражают дисфункциональный механизм выхода из конфликта, используя который, личность не решает внутреннее противоречие, а переключается на сферу с ним не связанную. Так, конфликт в сфере семейных ценностей может спровоцировать интерес к реализации в сфере спорта, которая в некотором смысле, является антиподом семьи. Высокая нацеленность на результат в спортивной

деятельности не предполагает реализации в сфере семейных отношений, делая их дополнительным ресурсом, но не самоцелью. Работая в сфере спортивной психологии, специалист помогает клиенту достигать высоких результатов, не затрагивая тему семьи.

Ещё более неоднозначна интерпретация прямой взаимосвязи между интересом к педагогической психологии и напряженностью ценности материального благополучия. Поскольку в сфере образования трудно достичь материального благополучия, можно предположить, что интерес к педагогической психологии обусловлен отказом от решения конфликта, интересом к заведомо невысокооплачиваемой сфере деятельности.

Таблица 2

Значимые коэффициенты корреляции между показателями методики Фанталовой Е. Б. и склонностью к психологической профессии (n=153; p<0,05)

	ВК	ВК1	1	2	3	4	5
Реалистичность	0,18			0,17		0,23	
Практика	0,17	0,16				0,23	
Психотерапия							
Кадровый психолог		0,17					
Педагогический психолог							
Клинический психолог		-0,25				-0,16	-0,18
Наука		-0,22					0,17
Конфликтолог				-0,22			
Спортивный психолог		-0,16					
Общий интерес к профессии							
Открытость			0,16	-0,18			-0,17
Согласие	0,17						0,19
Общительность							
Стрессоустойчивость	-0,22				-0,16	-0,17	-0,17
Общая склонность к профессии		-0,16		0,16			

Примечание: 1. Список ценностей УСЦД: 1 – Активная деятельная жизнь; 2 – Здоровье; 3 – Интересная работа; 4 – Красота природы и искусства; 5 – любовь; 6 – Материально-обеспеченная жизнь; 7 – Наличие хороших и верных друзей; 8 – Уверенность в себе; 9 – Познание; 10 – Свобода; 11 – Счастливая семейная жизнь; 12 – Творчество.

2. Выделены значимые коэффициенты корреляции на уровне p<0,01

Дисфункциональность описанных выше механизмов проявляется в выборе сферы интересов, где решение внутреннего противоречия маловероятно. Такая ситуация напоминает действие примитивных психологических защит по принципу вытеснения или отрицания и в перспективе только усугубляет обозначенный конфликт. На наш взгляд, иллюстрацией позитивного решения внутреннего конфликта является положительная корреляция между высоким напряжением по ценности «Свобода» и общей склонностью к психологической профессии. Свобода является одной из экзистенциальных ценностей человека, и её напряженность в период юности вполне естественна, поскольку перед личностью остро стоит вопрос сепарации и поиска индивидуального жизненного пути.

Таблица 3

Значимые коэффициенты корреляции между показателями методики Фанталовой Е. Б. и склонностью к психологической профессии (n=153; p<0,05)

	6	7	8	9	10	11	12
Реалистичность					0,17		
Практика							0,18
Психотерапия		-0,25					0,17
Кадровый психолог							
Педагогический психолог	0,14						
Клинический психолог	-0,17			-0,16			
Наука		-0,16					
Конфликтолог							
Спортивный психолог		-0,19				0,16	
Общий интерес к профессии		-0,27					
Открытость		0,20			-0,17	-0,16	
Согласие			0,16			0,18	
Общительность		-0,17			0,21		
Стрессо-устойчивость		0,16	-0,27			0,17	-0,20
Общая склонность к профессии			-0,24		0,21		-0,18

Примечание: 1. Список ценностей УСЦД: 6 – Материально-обеспеченная жизнь; 7 – Наличие хороших и верных друзей; 8 – Уверенность в себе; 9 – Познание; 10 – Свобода; 11 – Счастливая семейная жизнь; 12 – Творчество.

2. Выделены значимые коэффициенты корреляции на уровне p<0,01

Профессия психолога обладает множеством ресурсов для осознанного решения внутренних противоречий в отношении свободы. В процессе обучения студенты знакомятся с внутренними ограничениями, разными вариантами жизненного развития, а главное – понимают и принимают естественность кризисных переживаний, противоречий, конфликтов, учатся конструктивному выходу из них. Иными словами, молодые люди с определёнными противоречиями в отношении свободы выбирают психологическое образование и получают возможность разобраться со своим напряжением по этой сфере.

Рассмотрим значимые корреляции между показателями конфликтов по ценностям и компетенциями психолога. Выявлена положительная связь между общими показателями ВК с реалистичностью и практической ориентированностью. Максимальная взаимосвязь с этими компетенциями выявлена с напряженностью в таких ценностях как «Здоровье», «Красота», «Свобода» и «Творчество». Внутреннее противоречие в сфере этих экзистенциальных ценностей содействует более реалистичному взгляду на профессию у студентов-психологов. Чем сильнее проявлен общий внутренний конфликт, тем выше практическая ориентированность студентов.

Уточняют специфику внутриличностного конфликта студентов-психологов корреляции ВК и ВК1 с личностными характеристиками. Как видно из таблицы 2, студенты с выраженными внутренними конфликтами менее стрессоустойчивы и более ориентированы на согласие. Если снижение стрессоустойчивости естественно для конфликтных переживаний и кризисов [14], то склонность соглашаться в качестве маркера внутренней напряженности в литературе не представлена. Открытое несогласие требует определенности своей позиции, а также сопряжено с затратами психических ресурсов, которые в ситуации внутриличностного конфликта находятся в дефиците. В нашем исследовании склонны к согласию студенты, у которых присутствуют противоречия по ценностям «Любовь», «Уверенность в себе» и «Счастливая семейная жизнь».

В целом, каждое профессионально-важное качество студентов связано с напряженностью в какой-то конкретной ценности. Напряжённость в сфере свободы содействует общительности, открытость новому обратно пропорциональна напряженности в ценности любви и прямо пропорциональна напряженности в отношении дружбы.

Обращает на себя внимание отрицательная корреляционная связь между напряженностью ценности «Уверенность в себе» и стрессоустойчивостью. Данная ценность является высоко конфликтной и приоритетной для большинства студентов как второго, так и третьего курсов. При этом выраженность конфликта по этой ценности обратно пропорциональна общей склонности к профессии и стрессоустойчивости. То есть, общая склонность к профессии свойственна студентам, решившим внутреннее противоречие относительно уверенности в собственных силах. Разрешение этой напряженности сопровождается повышением стрессоустойчивости. И наоборот, студенты с высоким внутриличностным противоречием по уверенности в себе менее склонны к профессиональной деятельности психолога.

Отсутствие напряженности в сфере творчества свойственно студентам, устойчивым к стрессу и выбирающим профессию психолога (корреляция между соответствующими показателями $r=-0,20$ и $r=-0,18$). Предположительно, стрессоустойчивые студенты чаще находят новые творческие смыслы в направлении психологии, тем самым снимая состояние напряжения, что повышает склонность к продолжению работы в психологии. Для уточнения ряда выявленных взаимосвязей обратимся к результатам корреляционного анализа между шкалами методики «Психолог» на общей выборке исследования (см. таблица 4, 5). Так, не все показатели методики значимо коррелируют с итоговым показателем «Общая склонность к профессии».

Таблица 4

Значимые внутритестовые корреляции между показателями методики «Психолог» в общей выборке исследования (n=153; p<0,05)

	Реал	Практ	ПТ	КП	ПП	Кл.П	Наука
Реал	1						
Практ		1					
ПТ			1				
КП				1			
ПП					1		
Кл.П				-0,24		1	
Наука			0,36				1
Конф			0,32	0,36		-0,20	
Спорт		-0,19		0,28			
ОИ			0,59	0,56	0,37		0,45
Откр					-0,25		
Соглас							
Общит							
Стресс							
ОС	0,31		0,54	0,45	0,35		0,42

Примечание: 1. Выделены значимые коэффициенты корреляции $p<0,01$

Показатели методики «Психолог»: Реал. – «Реалистичность»; Практ. – «Практика»; ПТ. – «Интерес к работе психотерапевта», КП – «Интерес к работе кадрового психолога»; ПП – «Интерес к работе педагогического психолога»; Кл.П. – «Интерес к работе клинического психолога»; Наука – «Интерес к научно-исследовательской деятельности»;

На нашей выборке отсутствует связь между общей склонностью к профессии психолога и всеми профессионально-важными качествами, а также компетенцией «Практичность». Общий интерес к профессии связан с интересом ко всем направлениям кроме клинической психологии. Выявлен ряд отрицательных корреляций между профессионально-важными качествами и интересом к отдельным направлениям психологической работы. Например, между открытостью

и интересом к педагогической психологии ($r=-0,25$; $p < 0,01$), согласием и интересом к конфликтологии ($r=-0,22$; $p < 0,01$), а также практичностью и интересом к спортивной психологии ($r=-0,19$; $p < 0,05$). Единственная значимая прямая связь выявлена между стрессоустойчивостью и интересом к конфликтологии ($r=0,20$; $p < 0,05$).

Между интересами к разным направлениям психологии выявлено четыре положительных и две отрицательных корреляции. В частности, интерес к клинической и кадровой психологии взаимно исключают друг друга ($r=-0,24$; $p < 0,01$); то же самое характерно для интереса к конфликтологии и клинической психологии ($r=-0,20$; $p < 0,05$). Из положительных корреляций наиболее интересной нам показалась связь между интересом к психотерапии и научной деятельности. ($r=0,36$; $p < 0,01$).

Таблица 5

Значимые внутритестовые корреляции между показателями методики «Психолог» в общей выборке исследования (n=153; p<0,05)

	Конф	Спорт	ОИ	Откр	Соглас	Общит	Стресс
Реал							
Практ							
ПТ							
КП							
ПП							
Кл.П							
Наука							
Конф	1						
Спорт		1					
ОИ	0,54	0,42	1				
Откр				1			
Соглас	-0,22			-0,33	1		
Общит				-0,38	-0,35	1	
Стресс	0,20				-0,49	-0,33	1
ОС	0,50	0,37	0,88				

Примечание: 1. Выделены значимые коэффициенты корреляции $p < 0,01$

Показатели методики «Психолог»: Конф. – «Интерес к работе конфликтолога»; Спорт – «Интерес к работе спортивного психолога»; ОИ – «Общий интерес к работе психолога»; Откр. – «Открытость новому»; Соглас. – «Согласие»; Общит. – «Общительность»; Стресс – «Стрессоустойчивость»; ОС – «Общая склонность к профессии психолога».

Традиционно психотерапия и научная деятельность рассматриваются как два противоположных полюса психологической профессии. Общим в этих видах работы является глубина и всесторонность взгляда на изучаемые объекты. Вероятно, студентов привлекает именно такой подход в работе. Окончательный

выбор будет осуществляться позже, в том числе есть вероятность совмещения научной и психотерапевтической работы.

Некоторые корреляции частично проясняют результаты корреляционного анализа, представленного в таблице 2 и 3. Например, высокая напряженность ценности «Материально-обеспеченная жизнь» у студентов с интересом к педагогической психологии сопряжена с их закрытостью к новому опыту и подтверждает высказанную ранее гипотезу. Решение внутренних противоречий предполагает обращение к новым стратегиям и, в целом, смену взгляда на ситуацию. Ориентированные на педагогическую психологию студенты действительно уходят от решения конфликта по материальным ценностям, не видя неожиданных вариантов и предпочитая работать по накатанной технологии.

Студенты, заинтересованные конфликтологией, стрессоустойчивы и не ориентированы на согласие. В свою очередь, чем сильнее интерес к конфликтологии, тем меньше внутренних противоречий по ценности «Здоровье» ($r=-0,22$; $p < 0,01$). Иными словами, студент, выбирающий своей специализацией конфликтологию, имеет четкую позицию в отношении психологического здоровья, легче отказывается от соглашательства и чувствует себя устойчиво в стрессовых ситуациях.

Интерес к работе кадрового психолога чаще проявляется у студентов с высокой напряженностью ценностей в ситуации свободного выбора (ВК-1). Данная направленность сопряжена с интересом к спортивной психологии и конфликтологии как близким по содержанию специализациям.

Направление «Психотерапия» чаще выбирают студенты с напряженностью ценности «Творчество» и отсутствием внутреннего конфликта в сфере дружеских отношений. Интерес к психотерапии не связан с компетенциями «практичность» и «реалистичность», а также ни с одним из предлагаемых в тесте «Психолог» профессионально-важным качеством.

Интерес к научно-исследовательской работе проявляют студенты с меньшей выраженностью внутреннего конфликта в ситуации свободного выбора ценностей. Научной ориентации содействует отсутствие напряженности по ценности «Наличие хороших и верных друзей» и высокая противоречивость по ценности «Любовь».

Клинический психолог – единственное направление, которое не связано с общим интересом и склонностью к психологической профессии и образует только обратные взаимосвязи с другими направлениями. Несмотря на то, что большую часть выборки составили студенты именно этой специализации, складывается впечатление, что их представления о данном направлении весьма размыты. Выбор направления склонны осуществлять студенты с неярко выраженными внутренними конфликтами, а также имеющие трудности с открытостью новому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом общая склонность к профессии психолог не связана с силой внутренних конфликтов студентов. Присутствуют как прямые, так и обратные корреляции между напряженностью отдельных ценностей и разными характеристиками склонности к психологической профессии. Специфика

противоречий по ряду ценностей проясняет особенности мотивационных механизмов профессионального самоопределения, знание которых позволяет корректировать процесс обучения будущих специалистов и разработать практические рекомендации по конструктивному выходу из конфликтов для студентов.

Список литературы

1. Грановская Р. М. Творчество и конфликт в зеркале психологии. СПб.: Речь, 2010. – 416 с.
2. Грешнев Д. В. Психологические особенности внутриличностного конфликта: Дис. канд. псих. наук. Тамбов, 2002. – 200 с.
3. Гуров А. В. Особенности разрешения внутриличностного конфликта у студентов в период обучения в ВУЗе: Дис. канд. псих. наук. Самара, 2018. – 164 с.
4. Шемякина О. О. Исследование внутриличностных конфликтов юношеского этапа развития // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 2. – URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_2_2913.pdf (дата обращения 21.03.2021).
5. Букина А. А. Динамика внутриличностных конфликтов студентов-психологов: Дис. канд. псих. наук. Ставрополь, 2005. – 175 с.
6. Кузнецова Л. Б. Особенности проявления внутриличностных противоречий в процессе профессионального становления студентов вуза: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Курск, 2005. – 22 с.
7. Фанталова, Е. Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии // Клиническая и специальная психология. – 2013. – № 1(2). – URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/58926> (дата обращения 12.01.2021).
8. Самаль Е. В. Влияние внутриличностного конфликта на самоактуализацию личности студента // Омский Научный Вестник. – 2008. – № 1. – С. 79–83.
9. Семенова В. А. Внутриличностный конфликт в структуре профессионального самоопределения // Международный студенческий научный вестник, – 2020. – № 2. – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20025> (дата обращения 19.02.2021).
10. Тарасевич И. В. Ценностные ориентации современного студенчества // Образование и наука. – 2012. – № 2. – С.60–67.
11. Подымов Н. А., Сульчинская Э. Э. Проблема диагностики внутриличностных конфликтов в ценностно-мотивационной сфере // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. № 3(4). URL: <http://rpedagogy.ru/journal/article/1472/> (дата обращения 21.01.2021).
12. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ-М, 2001. – 128 с.
13. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. – 520 с.
14. Башкин М. В., Шавалева К. А. Связь внутриличностной конфликтности студентов с типами их реагирования на межличностный конфликт // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – № 1(47). – С.101–104.

RELATIONSHIP BETWEEN INTRAPERSONAL CONFLICTS AND PROFESSIONAL INCLINATIONS OF PSYCHOLOGY STUDENTS

Maltsev A. V.¹, Lyubyakin A. A., Chalikov S. A.

*¹Ural Federal University named after B. N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia
E-mail: AlexeyMaltsev@urfu.ru*

Intrapersonal conflicts are considered by modern science both as a driving force in personality development and as a source of psychological health disorders. There is an

opinion that the profession of a psychologist is chosen by people with serious psychological difficulties, and in order to solve these difficulties, they master the means of professional activity. However, this has not been unequivocally confirmed by reliable scientific data. The article presents the results of a study of the relationship of interests within the psychological profession and intrapersonal conflicts of students of the Department of Psychology. The total sample consisted of 153 people. The main hypothesis was the assumption that there is a relationship between professional inclinations and parameters of internal conflict. The purpose of the study is to clarify the nature of this relationship, which contributes to the clarification of the mechanisms of intrapersonal conflicts in students. The diagnostic complex of E.B. Fantalova. The intrapersonal conflict is considered by the author of the methodology as a contradiction between the importance and accessibility of internal values.

The result of the study was the identification of significant correlations between various parameters of internal conflicts, on the one hand, and the choice of areas of specialization, competencies and personal characteristics of future psychologists, on the other. The study showed that the high intensity of the value of "materially secure life" among students with an interest in educational psychology is associated with their closeness to new experience. Students who are oriented towards pedagogical psychology really avoid resolving the conflict over material values, not seeing unexpected options and preferring to work according to the knurled technology. Students interested in conflictology are stress-resistant, and are not consensual. In turn, the stronger the interest in conflictology, the less internal contradictions in the value of "Health". A student who chooses conflictology as his specialization has a clear position regarding psychological health, it is easier to refuse conciliation and feels stable in stressful situations. Interest in the work of a personnel psychologist is more often manifested by students with a high tension of values in a situation of free choice. This focus is associated with an interest in sports psychology and conflictology as similar in content specializations. The direction "Psychotherapy" is more often chosen by students with the intensity of the "Creativity" value and the absence of internal conflict in the sphere of friendly relations. Interest in psychotherapy is not associated with the competencies "practicality" and "realism", as well as with none of the professionally important qualities offered in the "Psychologist" test. Interest in research work is shown by students with a lesser degree of internal conflict in a situation of free choice of values. Scientific orientation is facilitated by the absence of tension on the value of "Having good and true friends" and the high inconsistency in the value of "Love". Clinical psychology is the only direction that is not associated with a general interest and inclination for the psychological profession and forms only inverse relationships with other areas. Despite the fact that most of the sample consisted of students of this particular specialization, it seems that their ideas about this direction are very blurred. The choice of direction tends to be made by students with mildly expressed internal conflicts, as well as those who have difficulty with openness to new things.

In general, the general inclination towards the profession of a psychologist is not related to the strength of students' internal conflicts. There are both direct and inverse correlations between the intensity of individual values and different characteristics of inclination to the psychological profession. The specificity of contradictions in a number

of values clarifies the features of the motivational mechanisms of professional self-determination, the knowledge of which allows you to adjust the process of training future specialists and develop practical recommendations for a constructive way out of conflicts for students.

Keywords: intrapersonal conflict, internal conflict, students, psychology students, professional inclinations, professional interests.

References

1. Granovskaya, R.M. *Creativity and conflict in the mirror of psychology*, 416 p. (Speech Publ., St. Petersburg, 2010).
2. Greshnev, D.V. *Psychological features of intrapersonal conflict*, 200 p. (PhD Sci. Psychology diss., (Tambov, 2002).
3. Gurov, A.V. (2018). *Features of the resolution of intrapersonal conflict among students during their studies at the university*, 164 p. (Phd. Sci. Psychology diss. Samara, 2018).
4. Shemyakina, O.O. The study of intrapersonal conflicts of the youthful stage of development *Psychological Science and Education*, **2**, (2012). URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyeduru_201222913.pdf (Accessed 21.03.2021).
5. Bukina, A.A. *Dynamics of intrapersonal conflicts of psychology students*, 175 p. (PhD Sci. Psychology diss. Stavropol, 2005).
6. Kuznetsova, L.B. *Features of the manifestation of intrapersonal contradictions in the process of professional development of university students*, 22 p. (Abstract Ph. D. Psychology dissertation, Kursk 2005).
7. Fantalova, E.B. Diagnostics of values and internal conflicts in general and clinical psychology, *Clinical and special psychology*, **1(2)**, (2013). URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/58926> (Accessed 12.01.2021).
8. Samal', E.V. Influence of intrapersonal conflict on self-actualization of the student's personality, *Omsk Scientific Bulletin*, **1**, 79, (2008).
9. Semenova, V.A. Intrapersonal conflict in the structure of professional self-determination, *International Student Scientific Bulletin*, **2**, (2020). URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20025> (Accessed 19.02.2021).
10. Tarasevich, I.V. Value Orientations of Modern Students, *Education and Science*, **2**, 60, (2012).
11. Podymov, N.A., Sul'chinskaya, E.E. The problem of diagnosing intrapersonal conflicts in the value-motivational sphere, *Scientific result Pedagogy and psychology of education*, **3 (4)**, (2018). URL: <http://rpedagogy.ru/journal/article/1472/> (Accessed 21.01.2021).
12. Fantalova, E.B. *Diagnosis and psychotherapy of internal conflict*, 128 p. (BAHRAKH-M Publ. Samara, 2001).
13. Shmelev, A.G. *Psychodiagnostics of personality traits*, 520 p. (Speech, St. Petersburg, 2002).
14. Bashkin, M.V., Shavaleva, K.A. Communication of students' intrapersonal conflict with the types of their response to interpersonal conflict, *Bulletin of the YarGU. Series Humanities*, **1 (47)**, 101 (2019).

УДК 159.9.075

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО ОБРАЗА Я ИНТЕРНЕТ-
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ**

Расина Э. О.

*Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь Россия
E-mail: rasina.evelina@mail.ru.*

Всеобъемлющее влияние виртуального пространства на современное общество приводит к весомым изменениям в психологических структурах личности пользователя. Новый уникальный опыт, приобретенный путем осуществления разного рода активности в виртуальном пространстве, оказывает значительное влияние на идентификационные и категориальные структуры личности, что приводит к изменению представлений о собственном Я, и формированию новой модальности самосознания – виртуального образа Я. Более детальное изучение данного феномена позволит рассмотреть психологические особенности, функциональные характеристики и закономерности виртуального образа Я интернет-пользователя, как самостоятельного явления в психологических исследованиях. Цель данной статьи состоит в выявлении схожих и отличительных черт образа Я интернет-пользователя в реальном и виртуальном пространстве, а также в определении основных характеристик присущих виртуальному образу Я, как самостоятельному феномену современных психологических исследований. Гипотеза исследования предполагает существование ряда схожих и отличительных черт у реального и виртуального образа Я интернет-пользователей. Для определения психологических характеристик реального и виртуального образов Я и дальнейшего сравнительного анализа в качестве психодиагностической методики был использован Тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?» или «20 высказываний». В эксперименте приняло участие 107 человек в возрасте от 16 до 29 лет без разделения на группы по каким-либо признакам. Исследование подтвердило наличие ряда схожих и отличительных черт виртуального и реального образов Я интернет-пользователей. Полученные данные продемонстрировали наличие у виртуального образа Я компонентов, которые характерны и реальному образу, однако степень проработанности и содержательности данных компонентов при формировании образа Я интернет-пользователей имеет ряд существенных отличий. Виртуальный образ в отличие от реального содержит в себе компонент, который обусловлен спецификой виртуального пространства и содержит в себе слой информации, описывающей активность и особенности виртуального Я пользователя.

Ключевые слова: виртуальный образ Я, виртуальное пространство, самописание, виртуальная личность, интернет-пользователь.

ВВЕДЕНИЕ

Виртуальное пространство, вместилище виртуальных элементов и уникальных условий, созданное техническими средствами и включающее в себя виртуальную среду (совокупность факторов и условий), виртуальную и дополненную реальности, в современном мире представляет собой расширение жизненного пространства личности и занимает значительную часть человеческого существования. Возможности виртуального пространства, в современной действительности все

реже используются ситуативно и строго утилитарно, и все чаще избираются в качестве среды для деятельности, общения и существования [1]. Данную тенденцию подтверждает стремительный рост пользователей социальных сетей [2]. Подобные тенденции свидетельствуют о необходимости пересмотра многих основополагающих характеристик личности, в том числе ее самосознания и моделей конструирования представлений о собственном Я через призму реализации их в виртуальном пространстве. В связи с этим возникает закономерный вопрос об изменениях, происходящих в структурах личности, которые структурируют и интерпретируют полученный опыт и принимают непосредственное участие в формировании совокупности представлений личности о собственном Я.

Целью статьи является выявление схожих и отличительных черт образа Я интернет-пользователей в реальном и виртуальном пространстве, а также определение основных характеристик присущих виртуальному образу Я, как самостоятельному феномену современных психологических исследований.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Пользователь в виртуальном пространстве чаще всего рассматривается через призму концепта виртуальная личность, который раскрывается рядом характеристик, прежде всего, совокупностью разного рода активностей и самопредъявлений [3; 4]. Отдельные ученые видят в виртуальной личности желаемый образ, реализуемый репликацией, воплощением в новых социальных ролях, проживанием нескольких жизней [5]. Виртуальная личность, таким образом, представляет собой проекцию реальной личности пользователя, виртуальное расширение, которое формируется с помощью современных технических средств и обладает свойствами субъекта, а также включает отдельные характеристики личности: виртуальный образ Я, поведенческий и деятельностный компонент (активность), ценностно-смысловую систему [6; 7; 8; 9; 10-19; 1]. Исходя из этого, возникает возможность сформировать рабочее представление о виртуальной личности как о сложной многогранной виртуальной конструкции, имеющей проекционный характер и состоящей из ряда отдельных, взаимосвязанных компонентов: уровень внешней оболочки – представляет собой проекцию реальной личности и отражает всю совокупность виртуальной активности пользователя; уровень внутренней структуры – структура, заданная платформами виртуального пространства, регламентирующая объем, тематику и состав виртуального присутствия; уровень внутреннего содержания - самопрезентация пользователя, совокупность свойства, самоописаний виртуальной личности в сети; элементарный уровень – представления личности о собственном Я, конструкты, оценочные эталоны, установки и убеждения, которые складываются в виртуальный образ Я интернет-пользователя. Данная модель позволяет четко определить место виртуального образа Я интернет-пользователя в процессах виртуальной активности и определить систему и механизмы взаимосвязи данного феномена с виртуальной личностью [20].

Виртуальный образ Я в данных условиях выступает в качестве важнейшего механизма интерпретации результатов взаимодействия с виртуальным

пространством и представляет собой конструкцию, которая отражает личностные характеристики пользователя и создает определенное впечатление у других виртуальных пользователей, но вместе с тем включает характеристики, сформированные путем интерпретации нового уникального виртуального опыта. При этом виртуальный образ интернет-пользователя выполняет медиативные функции, создавая канал связи между субъектом и другими интернет-пользователями, а также позволяет структурировать представления личности о своем Я путем намеренного конструирования образа по заданной виртуальными платформами структуре и в соответствии с запросами аудитории (ориентируясь на признание другими пользователями через лайки, репосты и комментарии) [21]. Структурирующая часть виртуального образа Я интернет-пользователя составляет самописание, которое необходимо для создания профиля и, в свою очередь, зависит от требований конкретной платформы и может представлять тщательно разработанную анкету или только логин (псевдоним), а иногда сложный многокомпонентный и многослойный игровой персонаж [9; 22; 23]. Ориентиром для виртуального образа Я служат цели и мотивы интернет-пользователя и запрос аудитории [24]. Таким образом, движущей силой и ядерной структурой виртуального образа Я выступает самописание, которое строится на основе двух важнейших компонентов: самопонимания, совокупности представлений пользователя о собственном Я, и самопрезентации, информации, которая направлена на создание определенного впечатления. Таким образом, пользователю необходимо собрать и осмыслить все свои характеристики, оценить их и отобрать те из них, которые удачно впишутся в концепцию образа и вызовут нужную реакцию и при этом будут совместимы с общей картиной представлений личности о собственном Я [25; 26]. При этом интернет-пользователи сравнивают свое образное отражение в Сети с образами более популярных пользователей и исходя из этого корректируют сформированный образ, максимально приближая его к ориентиру для достижения подобного уровня популярности [25- 28]. Вместе с тем, нетипичные для реального пространства условия и факторы виртуальной среды воздействуют на процессы и механизмы самосознания, которые лежат в основе конструирования образа Я и в виртуальном пространстве претерпевают значительные изменения в связи с широкими возможностями для самосоздания, экспериментирования с ролевыми позициями и статусами [29; 30; 7; 8; 30-32]. Первые этапы формирования виртуального образа личности представляют собой самописание, которое необходимо для создания профиля. На некоторых сайтах подобное самописание ограничивается псевдонимом (логином), на других требует тщательного заполнения анкеты [22]. При этом в Интернете уже присутствует виртуальный материал необходимый для конструирования любых образов, представленный совокупностью знаков, символов, штампов [30]. При наполнении образа информацией пользователи делают выбор в пользу тех сигналов, которые оказались наиболее привлекательными для других пользователей. Они ориентируются на уже сформированное впечатление на тот или иной образ [25]. Одной из важнейших характеристик виртуального образа становится активное поэтическое самоизобретение личности [32]. Подобные возможности виртуального пространства

безусловно оказывают воздействие на формирование представления о собственном Я и влекут ряд изменений в структурах самосознания и самопонимания. Данные тенденции прослеживаются в ориентации виртуального образа пользователя требования аудитории (запрос) [22]. Например, просоциальные или проэкологические посты в профиле будут способствовать большей привлекательности образа. При этом негативные комментарии и компрометирующие фотографии друзей, на которых без оповещения был отмечен пользователь могут оказать обратный эффект [26]. Исследования показали, что пользователи в Facebook значительное внимание уделяют сопоставлению себя с более популярными пользователями, возведенными в идеал и исходя из этого корректирует сформированный образ, максимально приближая его к ориентиру [27]. Виртуальный образ Я представляет собой сложную многокомпонентную структуру, включающую характеристики, которые отражают понимание индивидом собственного Я, а также характеристики, созданные, отобранные и измененные для создания определенного впечатления, характеристики при создании своего виртуального имиджа. Таким образом, пользователь структурирует представления о своем Я путем намеренного конструирования образа по заданной виртуальными платформами структуре, создавая аккаунты и аватары.

Виртуальный образ Я интернет-пользователя может быть полным отражением реальной личности, отражать желания, неудовлетворенные в реальной жизни, что влечет за собой полное или частичное изменение реального образа, его трансформацию [33]. Он может отражать подавленные части личности, потребность в признании и силе [16-19], необходимость более полного самовыражения [29-30], потребность в создании позитивного образа и повышении своего виртуального и реального статуса [30] желание повысить самооценку и добиться внимания и признания общественности [24]. Таким образом, виртуальное пространство, представляя собой среду для конструирования и функциональной реализации виртуального образа Я, придает ему ряд специфических характеристики, что позволяет утверждать о возможных отличиях виртуального и реального образов Я интернет-пользователей.

1. Методы (методики) исследования

Для определения психологических характеристик реального и виртуального образов Я интернет-пользователей и дальнейшего сравнительного анализа в качестве психодиагностической методики был использован Тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?» или «20 высказываний». Также для выявления уровня активности и виртуализированности пользователей использовалась психометрическая методика «Индекс виртуализации личности интернет-пользователя социальных сервисов», которая предназначена для определения степени виртуализации личности и выражается в анализе перцептивных, эмоциональных и интерактивных компонентов поведения личности в виртуальном пространстве [21]. В исследовании приняло участие 107 человек без разделения на группы по каким-либо признакам. Возраст испытуемых составлял диапазон от 16 до 29 лет студенты и школьники Республики Крым. Все испытуемые являются активными пользователями социальных сетей и имеют активные наполненные

аккаунты в различных социальных сетях. Анализ результатов проводился путем контент-анализа. Статистический анализ экспериментальных данных был осуществлен с использованием программного обеспечения «SPSS 26.0» (критерий Колмогорова-Смирнова).

2. Результаты и их обсуждение

Результаты респондентов по методике «Индекс виртуализации личности интернет-пользователя социальных сервисов» позволили выделить среди общего количества участников наиболее активных пользователей (Рис. 1.). Количество испытуемых соответствующих критерию активности и высокой виртуализированности составило 87 человек из 99.

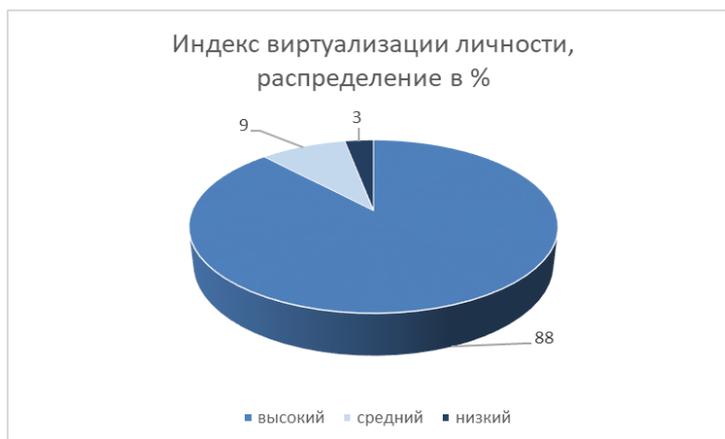

Рис.1. Распределение респондентов по уровню виртуализации

В соответствии с условиями исследования испытуемые должны были ответить на вопрос «Кто Я реальный?» и «Кто Я виртуальный?», давая как можно больше характеристик своим образам Я в реальном и виртуальном пространствах. При этом во время описания виртуального образа Я испытуемые могли опираться на свои аккаунты в социальных сетях, сообществах, видеохостингах и других виртуальных платформах. Анализ результатов позволил установить, что самописание испытуемых состоит из характеристик, которые можно разделить на семь основных групп, в соответствии с классификацией, сформированной М. Куном и Т. Макпартлендом (Рис. 1): социальная модальность Я (включает позиции в социальной структуре, социальные роли и статусы, самоидентификации с определенной социальной группой, пол, этническую и мировоззренческую идентичность личности); материальная модальность Я (характеристики собственности, оценки материальной состоятельности, обеспеченности, отношение к внешней среде, природным явлениям); физическая модальность Я (описание физических характеристик образа, внешнего облика, наличия или отсутствия вредных привычек); деятельная модальность Я (досуговая деятельность, описание увлечений, хобби, оценку способностей к деятельности, оценку собственных навыков и умений); перспективная модальность Я (самописание пожеланий,

намерений, планов на будущее); рефлексивная модальность Я (личностные качества, особенности характера, описание собственного стиля поведения, стратегии выстраивания взаимоотношений); коммуникативная модальность Я (оценка характера взаимодействия с людьми, отношений с друзьями).

Вместе с тем, были обнаружены и описаны характеристики, формирующие отдельную группу – виртуальная модальность Я, которая заключается в оценке характеристик личности, обусловленных особенностями виртуальной среды и в частности социальными сетями (имею множество аккаунтов, использую чужие фото, фейк, тролль, использую флуд, страничка совместная с парнем, спамлю, размещаю посты, длинные тексты (длиннопосты), собираю лайки, постоянно в сторис, блогер, тиктокер, подписана на сообщества геймеров, троллю своих подписчиков) и формирует виртуальное Я носителя образа. Исследование характеристик, которые были даны испытуемыми во время проведения эксперимента позволило сделать выводы о наличии статистически достоверных различий в выраженности показателей по категориям материального Я ($U_{эмп} \leq U_{кр}$), деятельного Я ($U_{эмп} \leq U_{кр}$), перспективного Я ($U_{эмп} \leq U_{кр}$) и рефлексивного Я ($U_{эмп} \leq U_{кр}$). Анализ сравнения категорий социального, физического и материального Я не показал статистически достоверных различий ($U_{эмп} \geq U_{кр}$) (Таб. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа характеристик виртуального и реального образов Я интернет-пользователей (n=80)

Категория характеристик	Средние значения		Уровень статистической значимости (p)
	Реальный образ Я	Виртуальный образ Я	
Социальное Я	2,475	2,375	,000
Материальное Я	6,025	2,700	,603
Физическое Я	3,675	3,650	,000
Деятельное Я	1,050	3,350	,769
Перспективное Я	3,575	1,050	,000
Рефлексивное Я	1,075	4,375	,000
Коммуникативное Я	1,825	1,650	,300

Примечание: приняты следующие обозначения: * $p < 0,05$.

Интерпретации результатов исследования приводит к выводу о несущественных различиях в структурной и содержательной представленности социального компонента реального и виртуального образов Я интернет-пользователей.

Социальная модальность образов Я содержит в себе характеристики, которые, в первую очередь, отражают взаимоотношения субъекта и общества и заключается в интерактивном статусе, положении и роли личности в социуме. Виртуальный и реальный образ Я интернет-пользователя являются трансляторами данных характеристик. Социальный компонент образа Я отражает положение субъекта в социуме, которое в свою очередь влияет на всю активность человека и в том числе на межличностное взаимодействие. Социальные роли, статусы и положения усваиваются личностью во время социализации, закрепляются в когнитивных структурах и функциональных моделях личности, с помощью которых он выстраивает свое взаимодействие с обществом. Отсутствие существенных различий в данной категории можно объяснить высокой степенью устойчивости социальных позиций и ролей испытуемых в реальном и виртуальном пространствах.

Материальная модальность образа Я согласно данным исследования имеет больший объем в структуре и содержании реального образа Я интернет-пользователя. Данные результаты можно объяснить тесной и устойчивой связью материальных ценностей и реального пространства. В виртуальном мире данная категория теряет свое значение в связи с особенностями самого пространства. В современном мире материальные ценности претерпели трансформацию и в виртуальном мире получили статус псевдоматериальных ценностей. Виртуальные ценности актуализируются посредством виртуальной реальности и являются базовыми для виртуальной культуры структуру сознания пользователей Интернета.

Физический компонент образа Я согласно данным исследования также представлена одинаково в реальном и виртуальном образе Я интернет-пользователя. Информация о внешнем облике носителя в виртуальном пространстве содержится в фотографиях и видеообразах. Физическое, телесное присутствие виртуальной личности в цифровом пространстве долгое время отсутствовали или имели искаженные варианты (ролевые игры-стратегии с возможностью создания аватара). Данная ситуация изменилась после появления визуальных социальных сетей, селфи и истории в социальных сетях, рилсы. Новые виртуальные площадки и инструменты, создают возможности в будущем для формирования виртуальной телесности пользователя и расширения диапазона физического компонента в виртуальном образе Я. Немаловажную роль в данном процессе играет дополненная и виртуальная реальность, которая расширяет виртуальную телесность. Данные процессы ярко иллюстрируют результаты исследования.

Деятельная модальность образа Я представлена в более полном объеме в виртуальном образе Я. Деятельный компонент образа Я содержит в себе интересы, занятия, увлечения и хобби личности и их оценку. Объемность информации о деятельной модальности образа Я обусловлена особенностями структурирования композиции виртуального образа Я в Интернете. Большинство виртуальных платформ предусматривают авторизацию своих пользователей путем заполнения подробной анкеты. Социальные сервисы в виртуальном пространстве позволяют ознакомиться с интересами и взглядами пользователя путем изучения описательной части профиля и сложить свое представление о воспринимаемом пользователе.

Таким образом, в процессе формирования виртуального образа Я пользователь имеет большие возможности в детализации данного компонента.

Перспективная модальность Я имеет большую представленность в реальном образе Я интернет пользователя. Данный результат объясняется тесной связью этого компонента образа Я с реальной жизнью пользователя. Планы на будущее, мечты не имеют значительной представленности в виртуальном образе Я интернет-пользователя. Данный феномен также можно объяснить отсутствием запроса от аудитории, который обеспечит востребованность наличия данного компонента в самоописании.

Рефлексивная модальность Я имеет больший объем в виртуальном образе Я интернет-пользователя, так как рефлексивный компонент напрямую связан с мнением других людей о субъекте и его рейтингом. Рейтинг пользователя в виртуальном пространстве напрямую связан с его поведением вне зависимости от локализации платформы в сети. Негативно оцененное поведение пользователя в сети может привести к всеобщему неодобрению, что проявляется в репостах негативной информации о пользователе, призывах бойкотировать пользователя или оставлять негативные комментарии на его страницах и даже проведение голосований для оценки пользователя.

Коммуникативный компонент не имеет существенных различий в реальном и виртуальном пространствах. Коммуникативная модальность Я отражает личность как субъекта общения с другими людьми. Подобный результат объясняется тем, что для многих пользователей данный компонент образа не дифференцируется с точки зрения пространства. Пользователь одинаково оценивает свои коммуникативные навыки и широту круга взаимодействий, описывая свой образ одинаковыми характеристиками в реальном и виртуальном пространстве. Данный результат можно объяснить тем, что в современном мире общение в мессенджерах, почте и социальных сетях воспринимается пользователями как обыденный процесс общения и не отличающийся в значительной мере от реального.

Кроме это, важным результатом данного исследования стало выделение отдельного компонента образа Я интернет пользователя, присущего только виртуальному пространству. Виртуальная модальность образа Я включает в себя характеристики, которые присущи виртуальному образу личности и находят свое проявление в виртуальной активности, в специфичности формирования данного компонента образа личности. Виртуальная модальность образа Я определяет степень принятия виртуального мира как пространства для существования (жизненного пространства), идентификацию себя как представителя сетевой культуры (Рис. 2).

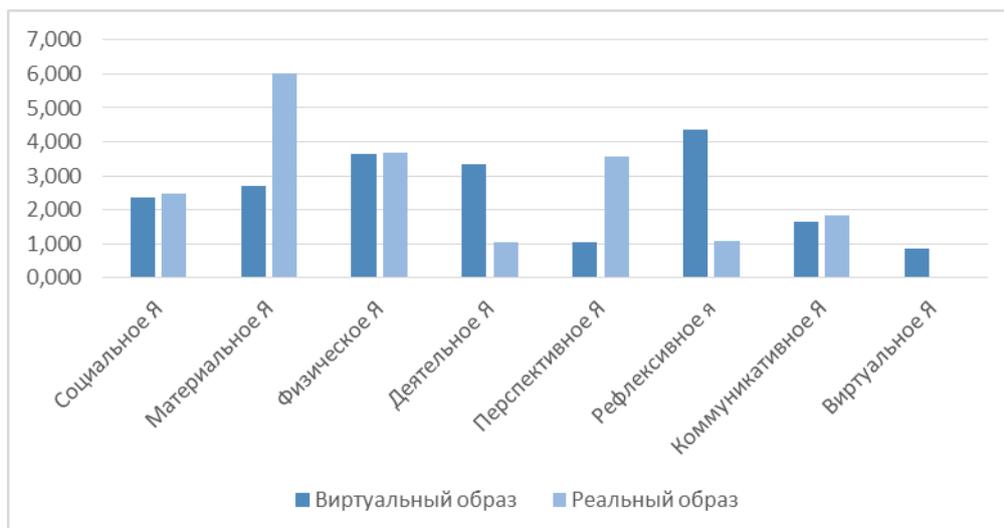

Рис. 2. Особенности выраженности компонентов реального и виртуального образов Я в процессе социальной перцепции

При интерпретации данных исследования, также стоит обратить на порядок характеристик образов. Порядок называния характеристик образов соответствует выраженности и значимости соответствующих признаков для личности. При оценке реального образа в первую очередь, испытуемые давали самые очевидные, актуальные характеристики (указывали пол, возраст, социальную группу, физические характеристики). После этого, испытуемые подбирали характеристики, отражающие другие компоненты образа Я.

При описании виртуального образа личности список характеристик возглавляли данные, описывающие активность в сети и при коммуникации, популярность и количество друзей / подписчиков, хобби, интересы деятельность, внешность и физические качества. Характеристики, относящиеся к описанию пола, возраста и социальной группы занимали позиции в конце списка.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уникальные условия виртуального пространства открывают для пользователя широкие возможности в проявлении своей активности, что в значительной мере воздействует на совокупность полученного пользователем индивидуального опыта, интерпретация которого ложится в основу механизмов самосознания, конструирования виртуального образа Я.

Данное исследование позволило сделать ряд следующих заключений:

– виртуальный образ Я интернет-пользователя содержит в себе компоненты, которые характерны реальному образу, однако степень проработанности и содержательности данных компонентов при формировании образа Я имеет ряд

существенных отличий, обусловленных воздействием процессов взаимодействия пользователя с виртуальным пространством;

– виртуальный образ Я интернет-пользователя имеет общие и отличительные характеристики с реальным образом Я;

– виртуальный образ Я интернет-пользователя в отличие от реального содержит в себе компонент, который обусловлен спецификой виртуального пространства и содержит в себе слой информации, описывающей активность и особенности виртуального Я пользователя, совокупность характеристик, полученных путем интерпретации виртуального опыта и встраивания в условия и правила, которые задают виртуальные платформы для представления самоописаний.

Список литературы

1. Naslund J.A., Bondre A., Torous J. Social media and mental health: benefits, risks, and opportunities // *Research and Practice. J. technol. behav. sci.* 2020. №5. P. 245–257.
2. ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechenost-i-predpochtenija>
3. Зекерьяев Р. И. Структура виртуальной личности в системе гиперреальности // *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология.* 2016. №2 (4). С. 78-85
4. Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью // *CYBERPSY.* 2017. URL: https://cyberpsy.ru/articles/self-presentation_identity/
5. Лучинкина, А. И. Особенности формирования виртуальной личности интернет-пользователя // *Проблемы современного педагогического образования.* 2015. № 47-2. С. 280-286
6. Моторина Л. Е., Черняева Г. В. Психологическая виртуальная реальность в компьютерной интерактивной среде // *Социальная психология и общество.* 2020. Т. 11. № 1. С. 8-26.
7. Пикулёва О. А. Самопрезентация личности в пространстве интернет-коммуникаций // *Мир, личность, информация: перспективы междисциплинарных исследований: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.* 2014. С. 55–58.
8. Пикулева О. А. Самопрезентация личности пользователей сети Интернет // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* 2013. Т. 5. № 4. С. 77-81.
9. Погорелов Д. Н., Солдатова Е. Л. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // *The Education and science journal. Образование и наука.* 2018. Том 20. № 5. С. 105-124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35022002>
10. Емелин В. А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // *Национальный психологический журнал.* 2016. № 3(23). С. 86-97.
11. Jin S. The virtual malleable self and the virtual identity discrepancy model: Investigative frameworks for virtual possible selves and others in avatar-based identity construction and social interaction // *Computers in Human Behavior.* 2012. Vol. 28. Issue 6. P. 2160-2168
12. McCreery M.P., Krach Sh.K., Schrader P.G., Boone R. Defining the virtual self: Personality, behavior, and the psychology of embodiment // *Computers in Human Behavior.* 2012. №28(3). P. 976–983
13. Saker M., Frith J. Contiguous identities: The virtual self in the supposed Metaverse // *First Monday.* 2022. Vol. 27. № 3(27) URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/12471/10612>
14. Suler J. Identity management in cyberspace. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies,* 2002. № 4 (4). P.455-459.
15. Tombul I., Sari G. Transformation of self presentation in virtual space // *İletişim Kuram ve Araştırma Dergisi.* 2021. №53. P. 93-108.
16. Turkle Sh. *Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs.* // *Culture of the internet.* mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1997. P. 143–155. DOI:10.1080/10749039409524667 URL: https://www.researchgate.net/publication/241728388_Constructions_and_Reconstructions_of_Self_in_Virtual_Reality_Playing_in_the_MUDs

17. Turkle Sh. Looking toward Cyberspace: beyond grounded sociology // *Cyberspace and Identity*. 1999. Vol. 28. № 6. P. 643–648
18. Turkle Sh. Multiple subjectivity and virtual community at the end of the Freudian century // *Sociological Inquiry*. 1997. 67(1). P. 72–84
19. Young K. S. What makes the Internet addictive: potential explanations for pathological Internet use. // Paper presented at the 105th annual conference of the American Psychological Association, 15 Aug 1997, Chicago, IL. URL: <https://www.healthyplace.com/addictions/center-for-internet-addiction-recovery/what-makes-the-internet-addictive-potential>
20. Расина Э. О. Место виртуального образа Я в структуре личностных конструкторов интернет-пользователей // *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*. 2023. Т. 6, № 3. С. 40-50.
21. Расина Э. О. Индекс виртуализации личности интернет-пользователя социальных сервисов: апробация психометрической методики // *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 2 (96). С. 228-239
22. Dimitrov N.G. Internet nicknames as a self-presentation instrument // *SocioTime. Социальное время*. 2018. № 2(14). P. 75-81. URL: https://www.researchgate.net/publication/344876527_INTERNET_NICKNAMES_AS_A_SELF-PRESENTATION_INSTRUMENT
23. Hollenbaugh E.E. Self-Presentation in social media: Review and research opportunities // *Review of communication research*. 2021. №9. P. 80-98. URL: <https://rcommunication.org/index.php/rcr/article/view/71/85>
24. Hayati Y. Young adults' behaviour and motivations toward selfie-posting // *International journal of advanced scientific research and management*. 2021. № 6 (6). P. 13-26 URL: https://www.researchgate.net/publication/352361703_Young_Adults'_Behaviour_and_Motivations_toward_Selfie-Posting
25. Wu Yen-Chun Jim, Chang Wei-Hung, Yuan Chih-Hung. Do Facebook profile pictures reflect user's personality? // *Computers in human behavior*. 2015. Vol. 51. Part B. P. 880-889. DOI: 10.1016/j.chb.2014.11.014 URL: https://www.researchgate.net/publication/280598746_Do_Facebook_profile_pictures_reflect_user's_personality
26. Barbovschi M., Balea B., Velicu A. Peer-ing in the online mirror: Romanian adolescents' disclosure and mutual validation in presentations of self on social media // *Revista Româna de Sociologie*. 2018. №29. P. 269-286. URL: https://www.researchgate.net/publication/331233363_Peer-ing_in_the_Online_Mirror_Romanian_Adolescents'_Disclosure_and_Mutual_Validation_in_Presentations_of_Self_on_Social_Media
27. Nichols H. How to Avoid Facebook-Induced Depression // *Medical news today*. 2016. Dec. 29. URL: <http://www.medicalnewstoday.com/articles/314765.php>
28. Rahmadya Putra Nugraha S. The Formation of Teenager Virtual Self-Image on Instagram Social Media. *International Journal of Social Science And Human*. 2021. № 4 (12). P. 3916-3920. <https://doi.org/10.47191/ijsshr/v4-i12-63>;
29. Белинская Е. П., Гавриченко О. В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // *Психологические исследования*. 2018. Т. 11. № 60. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaaya60.html> (дата обращения: 23.04.2021 г.)
30. Перов Е. В. Виртуальный образ личности // *Социальные и экономические системы*. 2019. № 2(8). С. 5-20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37624974>
31. Hepperle D., Christian F.P., Deuchler J., Wölfel M. Aspects of visual avatar appearance: self-representation, display type, and uncanny valley // *The visual computer*. 2021. P. 1-18 URL: <https://paperity.org/p/264972304/aspects-of-visual-avatar-appearance-self-representation-display-type-and-uncanny-valley> (accessed 09.05.2021);
32. Мамедов А.К., Коркия Э.Д. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // *Теория и практика общественного развития*. 2017. № 2. С. 9-12. DOI: 10.24158/tipor.2017.2.1 URL: https://www.researchgate.net/publication/315061599_Identicnost_v_virtualnoj_realnosti_novye_alternativy
33. Reid El.M. Cultural formations in text-based virtual realities. 1994. URL: <http://www.aluluei.com/cult-form.htm>

COMPARATIVE ANALYSIS OF STRUCTURAL AND CONTENT ELEMENTS OF
INTERNET USERS' REAL AND VIRTUAL IMAGE OF SELF

Rasina E.O.

*State budget educational institution of higher education of the Republic of Crimea «Crimean Engineering and Pedagogical University the named of Fevzi Yakubov», Simferopol, Russia
E-mail: rasina.evelina@mail.ru.*

The comprehensive influence of virtual space on modern society leads to significant changes in the psychological structures of the user's personality. New unique experience acquired through various types of activities in the virtual space has a significant impact on the identification and categorical structures of the individual, which leads to a change in ideas about one's own Self, and the formation of a new modality of self-awareness - the virtual image of the Self. A more detailed study of this phenomenon will allow us to consider psychological characteristics, functional characteristics and patterns of the virtual image of the Internet user as an independent phenomenon in psychological research. The purpose of this article is to identify similar and distinctive features of the self-image of an Internet user in real and virtual space, as well as to determine the main characteristics inherent in the virtual self-image, as an independent phenomenon of modern psychological research. The research hypothesis assumes the existence of a number of similar and distinctive features in the real and virtual self-image of Internet users. To determine the psychological characteristics of real and virtual images of the self and further comparative analysis, the M. Kuhn and T. McPartland Test "Who Am I?" was used as a psychodiagnostic technique. The experiment involved 107 people aged 16 to 29 years, without dividing into groups based on any characteristics. The study confirmed the presence of a number of similar and distinctive features of the virtual and real self-images of Internet users. The data obtained demonstrated the presence of components in the virtual self-image that are also characteristic of the real self-image, however, the degree of elaboration and content of these components in the formation of the self-image of Internet users has a number of significant differences. A virtual image, unlike a real one, contains a component that is determined by the specifics of the virtual space and contains a layer of information that describes the activity and characteristics of the user's virtual self.

Keywords: virtual image of Self, virtual space, self-description, virtual personality, Internet users.

Referenses

1. Naslund J.A., Bondre A., Torous J. Social media and mental health: benefits, risks, and opportunities. *Research and Practice. J. technol. behav. sci.* **5**. 245 (2020).
2. VTsIOM URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechenost-i-predpochtenija>
3. Zekeryaev R.I. The structure of a virtual personality in the hyperreality system. *Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology.* **2(4)**. 78 (2016).
4. Belinskaya E. P., Zhichkina A. E. Strategies of self-presentation on the Internet and their connection with real identity. *CYBERPSY.* (2017). URL: https://cyberpsy.ru/articles/self-presentation_identity/

5. Luchinkina A.I. Features of the formation of the virtual personality of an Internet user. *Problems of modern pedagogical education*. **47-2**. 280 (2015).
6. Motorina L. E., Chernyaeva G. V. Psychological virtual reality in a computer interactive environment. *Social psychology and society*. **1**. 11. 8 (2020).
7. Pikulyova O. A. Self-presentation of personality in the space of Internet communications. *World, personality, information: prospects for interdisciplinary research: materials of the All-Russian Federation. scientific-practical conf.* 55 (2014).
8. Pikuleva O. A. Self-presentation of the personality of Internet users. *Bulletin of the Leningrad State University named A.S. Pushkin*. **4**. 5. 77 (2013).
9. Pogorelov D. N., Soldatova E. L. The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem. *The Education and science journal. Education and science*. **5**. 20. 105 (2018). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35022002>
10. Emelin V. A. Simulacra and virtualization technologies in the information society. *National psychological journal*. **3** (23). 86 (2016).
11. Jin S. The virtual malleable self and the virtual identity discrepancy model: Investigative frameworks for virtual possible selves and others in avatar-based identity construction and social interaction. *Computers in Human Behavior*. **28**. **6**. 2160 (2012).
12. McCreery M.P., Krach Sh.K., Schrader P.G., Boone R. Defining the virtual self: Personality, behavior, and the psychology of embodiment. *Computers in Human Behavior*. **28** (3). 976 (2012).
13. Saker M., Frith J. Contiguous identities: The virtual self in the supposed Metaverse. *First Monday*. **27**. **3** (27) (2022). URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/12471/10612>
14. Suler J. Identity management in cyberspace. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. **4** (4). 455 (2002).
15. Tombul I., Sari G. Transformation of self presentation in virtual space. *İletişim Kuram ve Araştırma Dergisi*. **53**. 93 (2021).
16. Turkle Sh. Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs. *Culture of the internet. mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.* 143 (1997). DOI:10.1080/10749039409524667 URL: https://www.researchgate.net/publication/241728388_Constructions_and_Reconstructions_of_Self_in_Virtual_Reality_Playing_in_the_MUDs
17. Turkle Sh. Looking toward Cyberspace: beyond grounded sociology. *Cyberspace and Identity*. **28**. **6**. 643 (1999).
18. Turkle Sh. Multiple subjectivity and virtual community at the end of the Freudian century. *Sociological Inquiry*. **67** (1). 72 (1997).
19. Young K. S. What makes the Internet addictive: potential explanations for pathological Internet use. *Paper presented at the 105th annual conference of the American Psychological Association, 15 Aug 1997, Chicago, IL* (1997) URL: <https://www.healthyplace.com/addictions/center-for-internet-addiction-recovery/what-makes-the-internet-addictive-potential>
20. Rasina E. O. The place of the virtual image of the Self in the structure of personal constructs of Internet users. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*. **6**. **3**. 40 (2023).
21. Rasina E. O. Index of virtualization of the personality of an Internet user of social services: testing of psychometric methods. *SibScript*. **25**. **2** (96). 228 (2023).
22. Dimitrov N.G. Internet nicknames as a self-presentation instrument. *SocioTime*. **2** (14). 75 (2018). URL: https://www.researchgate.net/publication/344876527_INTERNET_NICKNAMES_AS_A_SELF-PRESENTATION_INSTRUMENT
23. Hollenbaugh E.E. Self-Presentation in social media: Review and research opportunities. *Review of communication research*. **9**. 80 (2021). URL: <https://rcommunication.org/index.php/rcr/article/view/71/85>
24. Hayati Y. Young adults' behaviour and motivations toward selfie-posting. *International journal of advanced scientific research and management*. **6** (6). 13 (2021). URL: https://www.researchgate.net/publication/352361703_Adults'_Behaviour_and_Motivations_toward_Selfie-Posting (accessed 09.05.2021)
25. Wu Yen-Chun Jim, Chang Wei-Hung, Yuan Chih-Hung. Do Facebook profile pictures reflect user's personality? *Computers in human behavior*. **51**. B. 880 (2015). DOI: 10.1016/j.chb.2014.11.014 URL: https://www.researchgate.net/publication/280598746_Do_Facebook_profile_pictures_reflect_user's_personality

26. Barbovski M., Balea B., Velicu A. Peer-ing in the online mirror: Romanian adolescents' disclosure and mutual validation in presentations of self on social media. *Revista Româna de Sociologie*. **29**. 269 (2018). URL: https://www.researchgate.net/publication/331233363_Peer-ing_in_the_Online_Mirror_Romanian_Adolescents'_Disclosure_and_Mutual_Validation_in_Presentations_of_Self_on_Social_Media
27. Nichols H. How to Avoid Facebook-Induced Depression. *Medical news today*. (2016). URL: <http://www.medicalnewstoday.com/articles/314765.php>
28. Rahmadya Putra Nugraha S. The Formation of Teenager Virtual Self-Image on Instagram Social Media. *International Journal of Social Science And Human*. **4** (12). 3916 (2021). URL: <https://doi.org/10.47191/ijsshr/v4-i12-63>;
29. Belinskaya E. P., Gavrichenko O. V. Self-presentation in virtual space: phenomenology and patterns. *Psychological research*. **11**. **60**. 12 (2018). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html> (дата обращения: 23.04.2021 г.)
30. Perov E. V. Virtual image of personality. *Social and economic systems*. **2** (8). 5 (2019). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37624974>
31. Hepperle D., Christian F.P., Deuchler J., Wölfel M. Aspects of visual avatar appearance: self-representation, display type, and uncanny valley. *The visual computer*. **1** (2021). URL: <https://paperity.org/p/264972304/aspects-of-visual-avatar-appearance-self-representation-display-type-and-uncanny-valley>
32. Mamedov A.K., Korkiya E.D. Identity in virtual reality: new alternatives. *Theory and practice of social development*. **2**. 9 (2017). DOI: 10.24158/tpor.2017.2.1 URL: https://www.researchgate.net/publication/315061599_Identicnost_v_virtualnoj_realnosti_novye_alternativy
33. Reid El. M. *Cultural formations in text-based virtual realities*. (1994). URL: <http://www.aluluei.com/cult-form.htm>

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ИМЕЮЩИХ СЕНСОРНЫЕ НАРУШЕНИЯ

Токарская Л. В.¹, Иванова А. А.²

*^{1,2} ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия
E-mail: liydmi@mail.ru¹, alenadrzhina11@mail.ru²*

В статье представлены результаты сравнительного исследования жизнестойкости на выборке из двух групп студентов, включающих 85 человек в возрасте от 19 до 23 лет. В первую группу включены студенты, имеющие нарушения зрения и слуха, во вторую - не имеющие ограничений возможностей здоровья. В ходе работы не выявлено значимых различий между общим показателем жизнестойкости в двух группах студентов, однако результаты факторного эксплораторного анализа (varimax normalized) показали, что для студентов с сенсорными нарушениями характерен интернальный локус контроля, а также высокая поведенческая активность в трудных жизненных ситуациях, в то время, как у студентов, не имеющих ОВЗ наоборот, преобладают такие стратегии совладающего поведения, как дистанцирование и бегство-избегание.

Ключевые слова: жизнестойкость, студенты, сенсорные нарушения, лица с ограниченными возможностями здоровья, копинг-стратегии, сочувствие к себе, локус контроля.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наличие высшего образования остается одним из ключевых факторов, определяющих успешность трудоустройства выпускников. Так, по данным Росстата за 2016–2020 годы, после окончания высшего учебного заведения нетрудоустроенными остаются всего 6,9 % специалистов, в то время как после окончания колледжа или техникума около 13,9% выпускников [1]. Высшее образование часто дает человеку больше различных возможностей, и, соответственно, повышает вероятность профессиональной и личностной самореализации, что безусловно, влияет на качество дальнейшей жизни [2].

Особенно значимым является получение высшего образования лицами с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), благодаря чему у них расширяются социальные контакты; формируется стремление развиваться и придерживаться активной жизненной позиции; увеличиваются шансы на профессиональную самореализацию, а также повышается конкурентоспособность на рынке труда [3]. Кроме того, такие процессы крайне важны и для российского общества в целом, поскольку изменение отношения к людям с ОВЗ и инвалидностью обеспечивает рост уровня духовного развития социума. При этом, студенты с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья вынуждены совладать не только с трудными жизненными ситуациями, с которыми сталкиваются остальные студенты, но и с трудностями, обусловленными их особенностями («нозоспецифичные

адаптационные трудности»), в частности сенсорными нарушениями [4, с. 40]. В качестве ключевой группы, выбранной для изучения, выступили именно студенты, с нарушениями зрения и слуха, поскольку имеющиеся у них «повреждения» относятся не столько к центральным функциям, обеспечивающим функционирование психической деятельности, сколько к периферическим - отвечающим за взаимодействие субъекта с миром. В таком случае, часто «личность остается сохранным ресурсом, роль которого даже повышена по сравнению с физически сохранными индивидами» [5, с. 7]. В качестве конкретного ресурса, способствующего адаптации и преодолению возникающих трудностей в нашем исследовании выступает жизнестойкость личности.

Цель статьи: анализ жизнестойкости студентов высших учебных заведений, имеющих сенсорные нарушения.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Понятие «жизнестойкость» в отечественной психологии введено Леонтьевым Д. А., для обозначения термина «hardiness», который был определен в конце XX века Мадди С. и Кобейса С. [6]. Именно Леонтьев Д. А. рассматривает жизнестойкость в рамках концепции личностного потенциала, в соответствии с которой она определяется как некая интегративная характеристика, отвечающая за успешность преодоления личностью трудных жизненных ситуаций [5, с.13]. В последние годы проводятся многочисленные исследования жизнестойкости лиц с сенсорными нарушениями [7, 8, 9 и др.], однако, как правило, на выборках подростков и взрослых, а студенческий возраст, имеющий большое значение для дальнейшей социализации каждого человека, зачастую не рассматривается.

Для уточнения уровня жизнестойкости, а также факторов ее становления у студентов с сенсорными нарушениями, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 85 человек, обучающихся на различных направлениях подготовки в 7 вузах России (г. Глазов, г. Нижний Тагил, г. Екатеринбург, г. Челябинск, г. Шадринск, г. Грозный) в возрасте от 19 до 23 лет. Выборка включала две группы студентов: 35 человек с врожденными и приобретенными нарушениями зрения и слуха и 50 человек не имеющих выраженных особенностей развития. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что общий уровень жизнестойкости студентов с сенсорными нарушениями ниже, чем у студентов не имеющих ОВЗ.

Для оценки жизнестойкости студентов, превалирующих у них поведенческих копинг-стратегий, стратегий самоотношения личности, а также готовности брать на себя ответственность за происходящее были использованы следующие психодиагностические методики: «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Леонтьева Д. А. и Рассказовой Е. И.) [10], опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса Р. (адаптация Крюковой Т. Л., Куфтяк Е. В., Замышляевой М. С.), шкала «Сочувствия к себе» Нефф К. (в адаптации Чистопольской К. А., Осина Е. Н., Ениколопова С. Н., Николаева Е. Л., Мысиной Г. А., Дровосекова С. Э.) [11], и опросник «Уровень субъективного контроля» (в адаптации Бажина Е. Ф.,

Голынкиной Е. А., Эткинда А. М.). Обработка данных осуществлялась с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни, применяемого для сравнения двух несвязанных групп. Работа проводилась с использованием Google-формы. При этом, для прохождения методик незрячие студенты использовали программы экранного доступа.

ВЫВОДЫ

По результатам исследования, высокий уровень жизнестойкости выявлен у 36% студентов, не имеющих особенностей развития и только у 15 % студентов с сенсорными нарушениями. При этом, 51% студентов с ОВЗ продемонстрировал низкий уровень жизнестойкости. Более высокая выраженность всех компонентов жизнестойкости, также проявилась у студентов, не имеющих особенностей развития, а наибольшая разница обнаружена по компоненту «принятие риска», где высокий уровень продемонстрировали 60% студентов не имеющих особенностей и только 15% студентов с ОВЗ. Однако, применение методов математической статистики не выявило достоверных различий между показателями общей жизнестойкости в двух группах студентов. Различия были обнаружены только по шкале «Принятие риска» ($U = 602,50$; $p\text{-value} = 0,015^*$). Так, студенты, не имеющие ограниченных возможностей здоровья, демонстрируют более высокое стремление активно действовать, несмотря на имеющийся опыт. Для группы студентов без выраженных особенностей, характерно более частое применение следующих стратегий совладающего поведения (по методике «Способы совладающего поведения» Лазаруса Р.): поиск социальной поддержки (18 %), планирование решений (20 %), положительная переоценка (22 %). Студенты с ОВЗ чаще используют такие стратегии, как конфронтация (23 %), дистанцирование (40 %), самоконтроль (14 %), принятие ответственности (23 %), а также бегство-избегание (46 %).

Обе группы студентов показали среднее значение по общей шкале сочувствия (методика Нефф К.): у обучающихся с сенсорными нарушениями он составил 77,0, а у студентов не имеющих особенностей развития - 76,4. При этом, по шкалам «самокритика», «чрезмерная идентификация», «общность с человечеством» и «самоизоляция» средние значения незначительно выше в группе студентов с ОВЗ (разница находится в интервале от 0,2 до 0,9). То есть, студентам с сенсорными нарушениями может быть несколько более характерно осуждение собственных недостатков, несовершенств и проступков; они в большей степени погружены в свои переживания в трудных ситуациях; имеют ощущение одиночества и непохожести на других людей в неудачах; однако, в то же время могут считать, что трудности возникают на пути каждого человека, а не уникально определяют респондента как деятеля. По шкалам, «доброта к себе» и «внимательность», наоборот, показатели выше у студентов, не имеющих ограниченных возможностей здоровья (разница в интервале от 0,6 до 1,0), то есть они с большей добротой и любовью относятся к себе в ситуации неудач и затруднений, более заинтересованы своими переживаниями.

Для уточнения значимых факторов жизнестойкости использовался метод корреляции г-Спирмена, а также эксплораторный факторный анализ с применением ортогонального варимакс-вращения (varimax normalized), применение которого было обусловлено наличием большого количества корреляций для классификации имеющихся переменных и представления отношений между ними. В факторную модель были включены показатели, имеющие значимые и достаточно высокие нагрузки на факторы (> 0.3). После поворота варимакс были получены следующие матрицы факторных нагрузок (см. Таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Матрица факторных нагрузок группы студентов с сенсорными нарушениями

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
<i>Переменные</i>	<i>Факторные нагрузки</i>			
Вовлеченность	0.892	0.358	0.044	0.124
Контроль	0.826	0.453	0.069	-0.103
Принятие риска	0.683	0.526	0.085	-0.132
Конфронтация	-0.095	0.805	0.302	0.012
Дистанцирование	-0.334	0.321	0.407	-0.436
Самоконтроль	-0.189	0.500	0.574	-0.183
Поиск социальной поддержки	0.282	0.287	0.310	0.602
Принятие ответственности	-0.210	0.868	0.121	0.081
Бегство-избегание	-0.460	0.692	0.186	-0.330
Планирование решений	0.253	0.543	0.366	0.177
Положительная переоценка	0.100	0.561	0.385	-0.182
Самокритика	0.629	-0.319	0.310	0.120
Чрезмерная идентификация	0.429	-0.558	0.121	-0.369
Общность с человечеством	-0.150	0.273	0.601	0.006
Доброта к себе	0.184	0.223	0.776	0.019
Внимательность	0.007	0.239	0.875	0.113
Интернальность в области достижений	0.462	0.724	0.000	-0.067
Интернальность в области неудач	0.093	0.835	0.101	-0.043
Интернальность в семейных отношениях	0.279	0.505	-0.201	-0.296
Интернальность в области производственных отношений	0.274	0.632	0.193	0.119
Интернальность в области межличностных отношений	0.117	0.888	-0.051	-0.010

Интернальность в отношении здоровья и болезни	0.135	0.463	-0.051	-0.058
---	-------	--------------	--------	--------

Для группы студентов с сенсорными нарушениями было выделено четыре фактора, *первый* из которых был определен как «Фактор жизнестойкости личности». Его образовали следующие шкалы: вовлеченность, контроль, принятие риска и самокритика.

Второй фактор, названный нами «Фактор принятия ответственности на себя и активного действия», составили такие переменные, как: стратегии совладающего поведения «конфронтация», «принятие ответственности», «планирование решений», интернальность в области достижений, интернальность в области неудач, интернальность в семейных отношениях, интернальность в области производственных отношений, интернальность в области межличностных отношений, интернальность в отношении здоровья и болезни.

Распределение показателей в *третьем факторе* дает возможность интерпретировать его как «Фактор позитивного эмоционального самоотношения», так в него входят: стратегия совладающего поведения «самоконтроль», общность с человечеством, доброта к себе и внимательность.

Четвертый фактор является биполярным (присутствуют факторные нагрузки со знаками плюс и минус). Его отрицательный полюс образуется стратегией совладающего поведения «дистанцирование», положительный полюс – «поиск социальной поддержки». Такое распределение позволяет интерпретировать фактор как «Фактор, связанный с эмоциональной отстраненностью ↔ стремлением получить поддержку».

Рассмотрим полученное факторное решение для группы студентов, не имеющих ограниченных возможностей здоровья (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Матрица факторных нагрузок группы студентов, не имеющих ОВЗ

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
<i>Переменные</i>	<i>Факторные нагрузки</i>				
Вовлеченность	0.749	0.386	0.233	0.167	0.075
Контроль	0.672	0.355	0.412	-0.020	0.024
Принятие риска	0.710	0.205	0.347	0.371	0.099
Конфронтация	0.204	0.091	0.204	0.078	0.187
Дистанцирование	0.001	0.102	0.001	0.420	0.088
Самоконтроль	-0.047	0.541	-0.047	-0.453	0.700
Поиск социальной поддержки	0.023	0.042	0.559	0.074	-0.070

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Принятие ответственности	-0.057	0.110	0.054	-0.133	0.600
Бегство-избегание	-0.023	-0.297	0.460	-0.616	0.277
Планирование решений	0.304	-0.084	0.054	-0.062	0.588
Положительная переоценка	0.302	0.549	0.038	0.243	0.217
Самокритика	-0.302	-0.029	0.369	0.087	0.723
Чрезмерная идентификация	0.078	-0.048	-0.142	0.774	-0.250
Общность с человечеством	0.141	0.583	0.141	-0.043	-0.187
Самоизоляция	0.089	0.181	0.029	0.803	-0.043
Доброта к себе	-0.176	0.687	-0.176	0.559	0.178
Внимательность	0.069	0.890	0.069	0.088	0.201
Интернальность в области достижений	0.342	0.235	0.222	0.028	0.611
Интернальность в области неудач	-0.003	0.228	0.059	0.095	0.439
Интернальность в семейных отношениях	0.078	0.101	0.362	-0.135	-0.193
Интернальность в области производственных отношений	0.100	0.261	0.272	0.289	0.303
Интернальность в области межличностных отношений	0.051	-0.018	0.712	0.012	0.026
Интернальность в отношении здоровья и болезни	-0.038	-0.027	-0.001	-0.030	0.314

Для данной группы студентов было выделено пять факторов, *первый* из которых состоит из шкал: вовлеченность, контроль, принятие риска, определен как «Фактор жизнестойкости личности».

Второй фактор, названный нами «Фактор позитивного эмоционального самоотношения», включает в себя шкалы: стратегия совладающего поведения «положительная переоценка», общность с человечеством, доброта к себе, внимательность.

Анализ данных позволяет проинтерпретировать *третий фактор* как «Фактор потребности в эмоциональной поддержке». Он образован следующими шкалами: стратегия совладающего поведения «поиск социальной поддержки», интернальность в семейных отношениях, а также интернальность в области межличностных отношений.

Распределение показателей в *четвертом факторе* позволяет интерпретировать его как «Фактор недостаточной поведенческой активности». В него включены: стратегии совладающего поведения «дистанцирование», «бегство-избегание», чрезмерная идентификация, изоляция.

Пятый фактор, названный «Фактор принятия ответственности на себя», включает в себя стратегии совладающего поведения «самоконтроль», «принятие ответственности», самокритику, интернальность в области достижений, в области неудач, в области производственных отношений, а также интернальность в отношении здоровья и болезни.

Проведенный факторный анализ позволяет выделить статистически значимые различия в группах студентов с сенсорными нарушениями и студентов, не имеющих ограниченных возможностей здоровья. Полученные матрицы указывают как на наличие сходных факторов в обеих группах, так и на факторы, уникальные для каждой группы. Так в группе студентов с нарушениями слуха и зрения выраженным является «Фактор принятия ответственности на себя и активного действия», в то время как в группе студентов не имеющих особенностей можно выделить «Фактор недостаточной поведенческой активности». Полученные данные показывают, что для студентов с сенсорными нарушениями характерен интернальный локус контроля, а также высокая поведенческая активность в трудных жизненных ситуациях, выражающаяся в применении таких копинг-стратегий как конфронтация, принятие ответственности и планирование решений.

Среди студентов, не имеющих ОВЗ можно, наоборот, отметить, недостаточную поведенческую активность, проявляющуюся в превалировании таких стратегий совладающего поведения, как дистанцирование и бегство-избегание. Для студентов данной группы характерна тенденция к чрезмерной идентификации, то есть погруженности в собственные переживания в трудных ситуациях, и тенденция к самоизоляции – ощущению одиночества и непохожести на других людей в ситуации неудачи. Значимым отличием между двумя группами студентов является выраженность стратегии совладающего поведения «конфронтация». Так, в группе студентов, не имеющих выраженных особенностей данная стратегия имеет слабую факторную нагрузку (объясняет лишь 10% дисперсии), не позволяющую включить ее в состав факторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, гипотеза исследования о том, что студенты с сенсорными нарушениями имеют более низкий уровень жизнестойкости по сравнению со студентами, не имеющими выраженных особенностей, не подтвердилась. Различия выявляются лишь по компоненту «принятия риска».

Полученные результаты могут быть обусловлены спецификой имеющейся выборки:

1) в выборку включены студенты с различной степенью выраженности нарушений: от тотальной слепоты и глухоты до слабовидения и слабослышания;

2) вероятно, лица с сенсорными нарушениями, поступающие в вуз, изначально имеют более высокий показатель общей жизнестойкости: совершая такой выбор, они скорее всего осознают возможные трудности, с которыми могут столкнуться в вузе;

3) выборка преимущественно состояла из студентов педагогических вузов России, что также могло отразиться на результатах исследования.

Опираясь на полученные данные, можно рекомендовать сотрудникам Ресурсных учебно-методических центров по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья и психологическим службам вузов:

- проводить первичную психологическую диагностику, позволяющую оценить уровень жизнестойкости студентов и преобладающие копинг-стратегии поведения, стратегии самоотношения личности и др.;

- разрабатывать и реализовывать психолого-педагогические программы развития жизнестойкости студентов с инвалидностью и ОВЗ, включающие в себя индивидуальные консультации, тренинги, встречи с успешными людьми с инвалидностью и др.

- проводить оценку эффективности реализации программы развития жизнестойкости ежегодно, а также на выпускных курсах вузов.

Перспективой исследования станет изучение жизнестойкости студентов с ограниченными возможностями здоровья с учетом степени выраженности имеющихся у них нарушений.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.09.2022) 38. Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат М. – 2021. – 177 с.
2. Емелина Н. К. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Н. К. Емелина, К. В. Рожкова, С. Ю. Рошин, С. А. Солнцев, П. В. Травкин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики. – 2022. – 160 с.
3. Абдулпатахов М. А. Высшее образование в процессе инклюзии людей с ОВЗ: роль и перспективы развития // М. А. Абдулпатахов, М. О. Омаров, П. М. Абдулова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 10(132). – С. 82-92.
4. Самохвалова А. Г. Специфика затрудненного общения детей с ограниченными возможностями здоровья // Клиническая и специальная психология. – 2015. – Т. 4. – № 2. – С. 39-53.
5. Леонтьев Д. А. Развитие личности и психологическая поддержка учащихся с ОВЗ в условиях инклюзивного профессионального образования // Д. А. Леонтьев, Л. А. Александрова, А. А. Лебедева. М. : Смысл. – 2017. – 79 с.
6. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психол. журн. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 87-101.

7. Горьковая И. А. Жизнестойкость и копинг-стратегии подростков с сенсорными и двигательными нарушениями // И. А. Горьковая, А. В. Микляева // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2018. – № 187. – С. 85-94.
8. Токарская Л. В. Изучение жизнестойкости подростков с нарушениями слуха // Токарская Л. В., Черемных М. Н. // В книге: Актуальные вопросы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов: психолого-педагогические аспекты. Тезисы докладов II Всероссийской научно-практической конференции: в двух частях. Министерство образования и молодежной политики Свердловской области; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Ресурс»; Ответственный редактор О. С. Виндекер. – 2019. – С. 130-133.
9. Токарская Л. В. Исследование жизнестойкости подростков с нарушениями зрения // Токарская Л.В., Решетникова А. В. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2019. – Т. 25. – № 3 (189). – С. 213-222.
10. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости // Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. М. : Смысл. – 2006. – 63 с.
11. Чистопольская К. А. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // К. А. Чистопольская, Е. Н. Осин, С. Н. Ениколопов, Е. Л. Николаев, Г. А. Мысина, С. Э. Дровосек // Культурно-историческая психология. – 2020. – Том 16. – № 4. – С. 35-48.

RESEARCH ON HARDINESS OF STUDENTS WITH SENSORY DISORDERS

Tokarskaya L.V.¹, Ivanova A. A.²

*^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
E-mail: liydmi@mail.ru¹, alenadrzhina11@mail.ru²*

Higher education is the main tool for people to acquire professional knowledge and skills, and the presence of higher education in Russia remains a factor that increases the success of a graduate's employment. It is especially important to obtain higher education for people with disabilities. On the one hand, integration into the student environment contributes to the socialization and adaptation of the individual in society, which is of particular importance for students with disabilities. On the other hand, obtaining higher education by students with sensory impairments increases competitiveness in the labor market, and also increases the chances of professional and personal self-realization of a student with disabilities. Studying at a university places high demands on students, in particular those with sensory impairments. Students with disabilities are forced to cope not only with learning difficulties, but also with existing disease-specific adaptation difficulties.

Currently, the state policy in the field of inclusive education is being implemented, conditions are being gradually introduced and extended to ensure access to full higher education for persons with disabilities. However, only 7% of school graduates with sensory impairments continue their education and enter universities. According to the Federal State Information System, the number of potential students with disabilities far exceeds the number of students: for example, in 2022, 31,996 people with disabilities studied at universities, while the total number of people with disabilities aged 18 to 30 years in the Russian Federation was 470,025. Thus, external resources are not the only measure of increasing the involvement of persons with disabilities in universities. In this regard, it is important to explore the internal resources of the individual, which in our

study is hardiness. The relevance of hardiness, as a factor contributing to the successful adaptation of students, is determined primarily by the difficulties that arise in the process of studying at a university and can be aggravated if students have disabilities. The purpose of the research we conduct is to identify significant factors in the development of hardiness of students with sensory impairments. The hypothesis of the study was that the general level of hardiness of students with sensory impairments is lower than the general level of hardiness of "relatively" healthy students. The scientific novelty of the study lies in the fact that the research we propose can, to a certain extent, fill the niche that has not yet been sufficiently filled, of work aimed at studying the hardiness of adults with disabilities. Thus, at present, a certain body of work has been developed aimed at studying the methodological aspects of this topic (Leontyev, Aleksandrova), studying the hardiness of adolescents with disabilities (Gorkovaya, Miklyaeva, Tokarskaya), the hardiness of parents raising this category of children (Tokarskaya, Khorosheva E.V., etc.), however, there is extremely insufficient research on adults with health limitations and disabilities.

The article presents the results of a comparative study of hardiness on a sample of two groups of students, including 85 people aged 19 to 23 years. The first group includes students with visual and hearing impairments, the second group includes students without disabilities. Methods: "Hardiness Test" by S. Maddy, Ways of Coping Questionnaire by R. Lazarus, Self-Compassion scale by K. Neff, Level of Subjective Control Questionnaire (E. F. Bazhin, E. A. Golyunkina, A. M. Etkind).

In the course of the study, no significant differences were found between the general indicator of hardiness in the two groups of students. Thus, based on the results of the comparative analysis, we can conclude that the main hypothesis of the study that students with sensory impairments have a lower level of hardiness compared to relatively healthy students was not confirmed. Such results may be due to the specifics of the existing samples: 1) the sample includes students with varying degrees of sensory impairments: both totally blind and deaf, and visually impaired and hearing impaired students; 2) probably, persons with sensory impairments who enter university, initially have a higher rate of general hardiness; making such a choice, a person is most likely aware of the possible difficulties that he may encounter at the university; 3) hardiness develops with age, and therefore we can assume that a level of hardiness among students with disabilities is, in general, higher than among schoolchildren; 4) the sample mainly consists of students from pedagogical universities in Russia, which could also affect the results of the study.

However, the results of varimax normalized showed that students with sensory impairments are characterized by an internal locus of control, as well as high behavioral activity in difficult life situations, while students without disabilities, on the contrary, prefer such strategies of coping behavior as distancing and avoidance. The results obtained may indicate that persons with disabilities who enter a university initially have a higher level of subjective control, which affects their level of hardiness.

Key words: hardiness, students, sensory impairments, persons with disabilities, coping strategies, self-compassion, locus of control.

References

1. *Labor and employment in Russia*. 2021, 177 p. (Federal State Statistics Service, Rosstat, Moscow, 2021)
URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force
2. Yemelina N.K., Rozhkova K.V., Roshchin S.Y., Solntsev S.A., Travkin P.V., Vypuskniki vysshego obrazovaniya na rossiyskom rynke truda: trendy i vyzovy : dokl. k XXIII Yasinskoy (Aprelskoy) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki I obshchestva, 160 p. (Higher School of Economics Publishing House, Moscow, 2022).
3. Abdulpatakhov M.A., Omarov M.O., Abdulova P.M. Higher education in the process of inclusion of people with disabilities: role and prospects of development // *Regionalniye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, **10** (132), 82 (2021).
4. Samohvalova A.G. Specificity of Communication Difficulties of Children with Disabilities, *Clinical Psychology and Special Education*, **4**, **2**, 39 (2015).
5. Leontyev D. A., Aleksandrova L. A., Lebedeva A. A. *Razvitiye lichnosti i psikhologicheskaya podderzhka uchashchikhsya s OVZ v usloviyakh inklyuzivnogo professionalnogo obrazovaniya*, 79 p. (Smysl, Moscow, 2017).
6. Maddi S.R. Creating meaning through making decision, *Psikhologicheskii zhurnal*, **26**, **6**, 87 (2005).
7. Gorkovaya I.A., Miklyaeva A.V. Zhiznestoykost i koping-strategii podrostkov s sensornymi i dvigatelnyimi narusheniyami, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, **187**, 85 (2018).
8. Tokarskaya L. V., Cheremnykh M. N. Izucheniye zhiznestoykosti podrostkov s narusheniyami slukha, *Aktual'nyye voprosy kompleksnoy rehabilitatsii i abilitatsii invalidov: psikhologo-pedagogicheskiye aspekty. Tezisy dokladov II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v dvukh chastyakh*, edited by Vindeker O. S. 130. (Ministry of Education and Youth Policy of the Sverdlovsk Region; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance "Resource", 2019).
9. Tokarskaya L.V., Reshetnikova A.V. A study of hardiness of adolescents with visual impairment, *Izvestia Ural Federal University journal. Series 1: issues in education, science and culture*, **25**, **3** (**189**), p. 213 (2019).
10. Leontyev D. A., Rasskazova E. I. *Test zhiznestoikosti*, 63 p. (Smysl, Moscow, 2006).
11. Chistopolskaya K.A., Osin E.N., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Mysina G.A., Drovosekov S.E. The Concept of Self-compassion: a Russian Adaptation of the Scale by Kristin Neff, *Cultural-Historical Psychology*, **16**, **4**, 35 (2020).

УДК 159.9.072:37.035.6 (292.471)

КОГНИТИВНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ

Черный Е. В.¹, Латышева М. А.², Черная С. Е.³

^{1,2,3}*Институт «Таврическая академия» ФГАОУВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail:cherney56@mail.ru¹; maralat@yandex.ru²; chernayasophia@gmail.com³*

Актуальная для общества в целом и для целого ряда гуманитарных и социальных наук проблема государственной идеологии рассматривается в статье в контексте эмпирического психологического исследования. Представлена часть комплексного исследования социально-психологических детерминант политико-идеологической идентичности крымской молодежи. В частности, приведены результаты сравнения присущих студентам и работающим молодым людям когнитивных и эмоционально-ценностных оснований политико-идеологической идентичности.

Предложен критерий для систематизации наиболее характерных и часто повторяющихся у респондентов определений идеологии: идеология как общественное, государственное явление; идеология как отражение борьбы групп за власть и влияние; идеология как личное. Анализ представлений и знаний молодых людей о сущности идеологий в целом и о конкретных идеологиях приводит к пониманию причин невыраженности идеологической идентичности и характерной для значительной части молодежи политической индифферентности и низкой электоральной активности. Предполагаемые различия между студентами и работающими молодыми людьми в когнитивных и эмоционально-ценностных основаниях политико-идеологической идентичности, в частности, в понимании сущности идеологии и знаниях о конкретных идеологиях, в отношении к ним не подтвердились. Частично подтверждены и конкретизированы эти различия относительно приоритетных ценностных ориентаций в текущей и планируемой социальной активности, в самих формах реальной или предполагаемой гражданской, политической, трудовой активности.

Доказано, что вне зависимости от уровня идеологической компетентности, отношения к идеологиям и признания принадлежности к какой-либо из них, готовность и стремление к социальной активности в понимании самих молодых людей, выражено очень сильно. При этом названные формы реальной социальной активности полностью соответствует основным декларируемым ценностям.

Ключевые слова: идеология, политико-идеологическая идентичность, социальная активность, приоритетная социальная идентичность, ценностные ориентации, политический выбор.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение детерминант политико-идеологической идентичности молодежи остается одной из актуальных проблем психологии и других социальных и гуманитарных наук [1, 2, 3]. Политико-экономические события, разворачивающиеся на мировой арене, усиление гибридной войны в отношении России, иные риски социализации, негативно влияющие на подрастающее поколение, особенно в

отношении идентификационных процессов, делают необходимым проведение научного анализа динамики политических и идеологических представлений молодых россиян, позволяющих прогнозировать развитие нашего государства. Особый научный интерес в этом вопросе представляют поликультурные регионы, одним из которых является Крым [4,5].

Время от времени в публицистике, да и в научных работах по философии, социологии, политологии возобновляется дискуссия относительно необходимости государственной идеологии в России.

В 2012 году в Литературной газете были опубликованы материалы дискуссии «Какая идеология нужна России?». Определяя идеологию как «систему взглядов и идей, в которой выражены отношения людей к действительности и друг к другу, один из участников замечает: «Неужели нет взглядов, идей и позиций, с которыми мы все могли бы согласиться, которые все могли бы принять? Чтобы не разрушать каждый раз до основания, чтобы не строить всякий раз с нуля? Ну что-то же нас объединяет, коли живем мы на одной земле, в одном государстве!» При этом, полагая, что «одной идеологией объединить всех без исключения людей в социально противоречивом обществе невозможно», автор одновременно видит в качестве национальной идеи, способной сплотить российское большинство, левый, социалистический или социал-демократический проект [6].

Другой участник дискуссии, опираясь на данные социологических опросов и не исключая возможность левонационалистических и леволиберальных (социал-демократических) идеологий, все же делает вывод о том, что «лучше всего для страны, чтобы власть была в руках правых государственников, правоцентристов, способных и сохранить государство, и обеспечить развитие общества» [7].

Обосновывая необходимость государственной идеологии, Е.Н. Моцелков предлагает выстроить такую последовательность: национальная идея или национальный идеал («единичная» сущность данной нации и данного национального государства на конкретном историческом этапе развития, а точнее – в данном историческом контексте развития) – национальная (государственная) идеология – национальные концепции, доктрины, стратегии обеспечения и развития страны и народа [8].

Попытка перевести подобные дискуссии в практическую плоскость неоднократно совершались официальными лицами. «Почему России так необходима государственная идеология». Так назвал свою статью в «Московском комсомольце» депутат Государственной думы профессор Н.Новичков, полагающий, что необходимо созвать Конституционное собрание и дополнить Конституцию РФ, «обозначив идеологические основы существования нашего государства и определив их составной частью Основ конституционного строя» [9].

В мае 2023 года на XI Петербургском международном юридическом форуме министр юстиции Российской Федерации Константин Чуйченко, возобновил дискуссию о необходимости корректировки ст.13 Конституции РФ: «Ни одна страна мира, - отметил министр, – не имеет в своей конституции запрета на идеологию, как в России... Конечно, нам придется решить вопрос со статьей Конституции, где указано, что у нас нет ни государственной, ни обязательной идеологии» [10].

22 ноября 2023 года на 17-й Международной научно-практической конференции «Державинские чтения», глава Следственного комитета РФ Александр Иванович Бастрыкин заявил: «Не может быть общество без идеологии, это элементарные понятия государства и права... С учетом нашего исторического общества, с учетом современных реалий, в которых мы живем, думая о перспективах развития нашего общества, необходимо все-таки сформулировать идеологию нашего общества, наших целей и закрепить ее в Конституции РФ». Речь, конечно, идет о следующих статьях Конституции «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие» (ст.13, п.1), «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст.13, п.2), «признаются политическое многообразие, многопартийность» (ст.13, п.3).

Известно, что изменение этой статьи Конституции невозможно без принятия нового Основного закона, поэтому нельзя не признать логику спикера Совета Федерации В. Матвиенко, заметившей в День народного единства 4 ноября 2022 г., что ст.13 Конституции «нередко трактуют как запрещающую идеологию», однако, хотя эта норма «запрещает закреплять за какой-то системой идей статус государственной или обязательной», но она вовсе не исключает возникновения и утверждения в обществе мировоззрения, которое поддерживается значительным большинством граждан: формирование идеологии у нас уже фактически идет. Я имею в виду, прежде всего идеи, положения и оценки, содержащиеся в выступлениях, докладах, статьях главы российского государства Владимира Путина» [11].

Многие ученые и общественные деятели отмечают, что в целом идеология закреплена в основополагающих российских документах вроде Стратегии национальной безопасности, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В документе перечислены традиционные ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [12].

Сформулированы также ожидаемые результаты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей: «Реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей будет способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, укреплению законности и правопорядка, формированию безопасного информационного пространства, защите российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижению

национальных целей развития, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации» [Там же ,12].

Резюмируя последние по времени заявления официальных лиц относительно подходов к необходимости государственной идеологии в России, обратимся к выступлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на пленарном заседании XXV Всемирного русского народного собора «Настоящее и будущее Русского мира», которое состоялось 28 ноября 2023 года. Докладчик считает, что в первую очередь значимо единство мировоззрения: «Подчеркну – именно мировоззрения, а не идеологии. Эти вещи ни в коем случае нельзя смешивать. Идеологии могут меняться в зависимости от политической ситуации — поэтому единство на такой основе непрочно, ненадежно и может рассыпаться при неблагоприятных условиях. Наша страна на печальном историческом опыте минувшего столетия хорошо это знает. Именно с учетом отрицательного, но всё же ценного опыта в действующей сегодня российской Конституции закреплен запрет на установление общей государственной идеологии, обязательной для всех. В ответ на вопрошание ряда общественных сил, желающих непременно иметь некую *национальную идею*, могу лишь вновь повторить: она у нас и так уже есть. Что может лучше и, если хотите, эффективнее мотивировать человека на созидательные труды на благо общества, нежели искренняя любовь и преданность Родине?» [13].

Как видим, и взгляды ученых, и взгляды официальных лиц государства нередко расходятся. Тем более важно изучить представления населения страны о необходимости единой государственной идеологии, о возможности ее формулирования и закрепления в Основном законе. Особый интерес вызывают подходы, мнения, аргументация молодежи относительно целого комплекса вопросов, связанных с идеологией: что такое идеология с точки зрения молодых людей? То они знают о существовании разных идеологий, об их существенных характеристиках и как к этому относятся? Считают ли они, что России нужна общегосударственная идеология и какая именно? Связывают ли они политику и идеологию? Как относятся к политике? Как осознается и переживается ими политическая и идеологическая идентичность?

Цель статьи – описание результатов исследования когнитивных и эмоционально-ценностных детерминант политико-идеологической идентичности молодежи Крыма: работающих и студентов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Политико-идеологическая идентичность – это понимание и принятие каких-либо идеологических взглядов, представлений, концепций, а также осознание и переживание своей тождественности с той или иной идеологией, определенной политической силой (партией, движением и проч.).

Общая гипотеза исследования состоит в предположении о том, что основными социально-психологическими детерминантами, характерной для молодых людей в Крыму политико-идеологической идентичности, являются реалии сегодняшней

социально-политической и экономической ситуации, отраженные в сознании и проявляющиеся в эмоциях и чувствах, представлениях, взглядах, убеждениях, установках, в формах социальной активности, в том числе, в политическом поведении.

У процесса политико-идеологической социализации, то есть, формирования вовлеченности индивида в систему сложившейся в обществе политической культуры посредством усвоения идеологических представлений, ценностей, норм, правил политического поведения, в том числе политического участия, нет явных временных и сущностных границ, поэтому результат можно рассматривать лишь в динамике.

Локальные гипотезы предполагают наличие связей между отдельными компонентами в структуре политико-идеологической идентичности: идеологическими представлениями, знаниями, эмоциями и чувствами относительно политики, политиков, политической деятельности, отношением к институтам власти и к себе, как к субъекту общественно-политической жизни.

В настоящей статье остановимся лишь на двух гипотезах, верифицированных в соответствующей части комплексного эмпирического исследования:

1) между студенческой и работающей молодежью существуют различия в когнитивных и эмоционально-ценностных основаниях политико-идеологической идентичности, в частности, в понимании сущности идеологии и знаниях о конкретных идеологиях, в отношении к ним, в приоритетных ценностных ориентациях относительно социальной активности, в самих формах реальной или предполагаемой гражданской, политической, трудовой активности;

2) существует взаимосвязь между реализуемыми молодыми людьми формами социальной активности и декларируемыми ими ценностными ориентациями.

ВЫБОРКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическое исследование проводилось в октябре-ноябре 2023 г. на базе вузов Крыма. Возраст респондентов: от 18 до 30 лет. Выборка включала 200 человек: студенты (100) и работающая молодежь (100). Этнический состав соответствовал соотношению русских, украинцев и крымских татар по результатам переписи 2021 г. Часть респондентов представляли другие этносы.

Авторами разработана комплексная методика исследования политико-идеологической идентичности, которая включает 10 компонентов. В данной статье представлена та часть исследования, в которой применялись 4 компонента методики:

- а) блок вопросов относительно общих представлений об идеологии;
- б) вопросы о существующей у молодых людей направленности гражданской, политической, трудовой активности или о соответствующих намерениях;
- в) вопросы о выбираемых (декларируемых) ценностях;
- г) блок вопросов о политико-идеологической идентичности, включая политический выбор.

Сущность исследования состояла в поиске взаимосвязей и различий между изучаемыми переменными: особенностями направленности гражданской, политической, трудовой активности, представлениями об идеологиях, отношением к власти и инициативности в публичной сфере, приоритетной идентичности. Вопросы о предпочитаемых ценностях были сгруппированы с опорой на 19 базовых ценностей Ш. Шварца [14]. Полученные результаты сопоставлялись между собой.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Понимание сущности идеологий и отношение к конкретным идеологиям исследовалось одним из авторов данной статьи в 2019 году методом фокус-групп. Респондентам предлагались следующие вопросы: *Как вы полагаете, что такое идеология? На чем основана идеология? Вы лично принимаете такую идеологию? Есть ли в России идеология? Считаете ли вы правильной статью Конституции России, в которой прямо сказано, что никакая идеология не может быть ведущей? Знакомы ли вы с названием идеологий? А в чем суть этих идеологий?* [15].

Ответы на эти вопросы были даны спонтанно, в процессе беседы, даже дискуссии. В исследовании, проведенном в 2023 году вопросы содержались в опросном листе, и это давало возможность подумать, сформулировать и записать ответ. Поэтому были получены гораздо более развернутые и точные ответы, которые были распределены нами по группам: «идеология как общественное», «идеология как личное» и «идеология как отражение борьбы групп за власть и влияние». Респондентам предлагалось дополнить фразу: Идеология – это...

В итоге удалось систематизировать наиболее характерные и часто повторяемые респондентами определения на основании двух критериев: социальный масштаб и предназначение. Определены три основные группы представлений молодежи об идеологии: идеология как общественное, государственное явление, объединяющее политическую нацию; идеология как групповой феномен, отражающий борьбу элит за власть и влияние; идеология как личностный феномен, отражающий особенности политической социализации.

1. Идеология как общественное, государственное явление.

Идеология – это: определенная масштабная идея или же целая система идей, которым следуют многие люди и направленная на становление порядка в конкретном обществе (но могут быть деструктивные идеологии, которые не соотносятся с общепринятой); – это культурное явление, заключающееся в том, что какая-то определенная идея или концепция имеет большое влияние на общество, становится главной, ведущей в обществе и затрагивает многие сферы общественной жизни; – это существующие в государственной системе ценностные ориентации и постановка общих целей в соответствии с ними; – это «философский аппарат», определяющий течение и распорядок событий в политике и общественной жизни страны; – это система ценностей определенного общества, связанная с экономической, социальной и политической сферами жизни.

2. Идеология как отражение борьбы групп за власть и влияние.

Идеология – это система взглядов и идей о том, какая форма правления, экономическая или политическая система является лучшей. Служит инструментом в борьбе групп за власть. Идеология – это определенный теоретический аппарат, с помощью которого можно структурировать и упростить понимание важных для общества вещей, и манипулировать сознанием, обозначая выгодные для каких-то групп или партий пути решения проблем; – это мировоззрение, которое разделяют группы людей (единомышленников); – это совокупность системно упорядоченных взглядов, выражающая интересы различных социальных классов и других социальных групп; – это набор убеждений или философий, к которым причисляет себя группа людей; – это идеи и ценности, объединяющие людей и нацеленные на достижение каких-либо целей; – это целостная система идей и ценностей, дополняющих, объясняющих и аргументирующих друг друга.

3. Идеология как личное.

Идеология – это система ориентаций, направленных на развитие себя как личности и построении жизни в целом; – это система ценностей и представлений, направленных на развитие человека и личности в целом; – это мои представления об устройстве мира, порядка, власти, общества; – это система взглядов и отношений к чему-то, мировоззрение, принимаемая человеком позиция, регулирующая его деятельность; – это определенное представление человека о процессах, протекающих в обществе, обеспечивающих порядок в различных социальных структурах (религия, политика и т.д.); – это устойчивая система взглядов и мнений о жизни в обществе; – это совокупность принципов, идеалов, убеждений, которых придерживается человек на протяжении жизни; – это идея или система идей, в которые верят и придерживаются люди в своей жизни; – это то, во что веришь; – это вера индивида в определённые идеалы; – это система взглядов, идей, мировоззрение личности.

В ответах на вопрос о сущности предлагаемых в методике идеологий:

а) либерализм; б) консерватизм; в) социализм; г) коммунизм; д) анархизм; е) национализм; ж) патриотизм; з) экологизм; и) мультикультурализм; к) феминизм; л) фундаментализм; м) пацифизм, явно проявились возрастные различия, а также различия в специальностях и у студентов, и у работающих респондентов. В частности, наиболее информативными и точными были описания идеологий у студентов-политологов и юристов, у работающих журналистов, юристов, социальных работников и в меньшей степени у работающих и студентов технических специальностей, представителей точных наук, программистов, людей творческих профессий. В целом, молодые люди в возрасте до 22 лет значительно уступали старшим в знаниях о сущности конкретных идеологий.

Исследование приоритетности социальных идентичностей показало, что у работающих молодых людей три приоритетные социальные идентичности выглядит следующим образом: гендерная, региональная (крымская), представитель человечества, в меньшей степени значимости – гражданская, этническая и религиозная. Около 35% работающих молодых крымчан определили себя как «представителя определенной идеологии», присвоив этой идентичности седьмой ранг; 50 % считают себя «приверженцем определенной партии, политического

движения», при этом данная социальная идентичность обозначена последним, девятым рангом. Среди группы студентов эти идентичности не набрали даже минимального веса, чтобы присвоить им определенный ранг, отражающий основную тенденцию внутри подгруппы. Следует отметить, что, несмотря на инструкцию, которая предусматривала четкость ранжирования предложенных социальных идентичностей, обучающиеся выделили преимущественно три первых ранга, но со значительным весом. Среди них оказались гендерная (68%), гражданская идентичность (67 %), и идентичность «студент» (62%). Вероятнее всего, в настоящий момент для студенческой молодежи наиболее устойчивой, фиксированной и осознаваемой частью их жизненной и ментальной реальности является гендерная определенность и включенность в систему правовых отношений с государством, отношений со студенчеством, как значимыми социальными группами. Можно предположить, что выявленные особенности связаны с социально-психологическими характеристиками данной подгруппы молодежи, а также благодаря реализуемой в РФ молодежной политике [16, 17].

Отвечая на вопрос о том, нужна ли России единая государственная идеология, 12% работающих молодых людей ответили утвердительно, 18% – отрицательно и 70% – «не знаю». Студенты дали 6% утвердительных ответов, отрицательных – 30, ответов «не знаю» – 64%.

Анализ ответов на вопрос о предпочтении партий, общественных движений, позволяет утверждать, что большинство молодых респондентов дистанцируются от активного политического выбора, что позволяет предположить низкую электоральную активность в будущем (Таблица 1).

Таблица 1
Предпочтения российских партий, общественных движений n=200

<i>Предпочтения партий, общ. движений</i>	О* n=100 (в %)	Р n=100 (в %)
а) да, мне нравится деятельность партии, общественного движения	3 - Единая Россия; 2 -ЛДПР; 1 - КПРФ	12 - Единая Россия; 2 - КПРФ; 1 - ЛДПР
б) да, мне близки идеи и программа, но есть вопросы к реальной деятельности партии, общественного движения	4 - Единая Россия; 2 - ЛДПР; 1 - КПРФ; 1 - феминизм	4 - Единая Россия
в) нет, мне не близки идеи, программа и деятельность ни одной партии или общественного движения	13	23
г) нет, потому что я вообще не интересуюсь политикой	71	54
д) другое	2	4

*Здесь и далее в таблицах: О – обучающиеся; Р – работающие

Представления об идеологии сопоставлялись с самооценкой респондентами присутших им уже сейчас формах социальной активности (гражданской, политической, трудовой) или в планах на будущее (Таблица 2).

Таблица 2
Самооценка гражданской, политической и трудовой активности n=200

<i>Выберите, пожалуйста, вариант, точнее всего отражающий Вашу гражданскую и политическую активность</i>	О n=100 в %	Р n=100 в %
а) участвую в гражданских и политических инициативах, в том числе, проявляю активность в организации и проведении выборов	5	8
б) делаю выбор в гражданских и политических ситуациях с опорой на мнение общественного лидера, родных и близких людей или популярной персоны, участвую в федеральных и региональных выборах	10	18
в) часто высказываю в социальных сетях свое отношение к происходящим социальным и политическим событиям, в том числе, несогласие	15	24
г) дистанцируюсь от происходящих социальных и политических событий, не верю в возможность что-либо изменить	70	50
<i>Выберите, пожалуйста, вариант, точнее всего отражающий Вашу трудовую активность сейчас или планы на будущее</i>		
а) готов строить свой бизнес, стремлюсь быть лидером	35	15
б) соблюдаю правила и нормы, стремлюсь профессионально выполнять свою работу	31	50
в) стремлюсь к успехам и карьерному росту в трудовой деятельности, ориентируюсь на работу с высокой оплатой (должности в госструктурах, торговле, финансовой сфере и т. п.)	24	20
г) стремлюсь к стабильности в трудовой деятельности, не люблю проявлять инициативу, ориентируюсь на социальную защищенность	10	15

Полученные данные позволяют утверждать, что молодые люди, как обучающиеся, так и работающие, независимо от своего понимания идеологии и отношения к ней, могут активно участвовать в политической жизни общества или не участвовать в ней. Впрочем, если свое «участие в гражданских и политических инициативах, в том числе, проявление активности в организации и проведении выборов» признают совсем незначительное количество студентов (5%) и работающих (8%), но «дистанцируются от происходящих социальных и

политических событий, не верят в возможность что-либо изменить» подавляющее число студентов (70%) и 50% работающих. Хотя половина – это тоже очень много, однако различия ощутимы.

Активность работающих в социальных сетях относительно «происходящих социальным и политических событий», в том числе, несогласие, также выше у работающих (24%), по сравнению с обучающимися (15%). Трудовая активность как «стремление к успехам и карьерному росту в трудовой деятельности, ориентация на работу с высокой оплатой» (работающие – 20%, студенты – 24%) наряду со стремлением к стабильности у студентов (10%) и работающей молодежи (15 %) представлено примерно одинаково. В то же время среди студентов чаще встречается высокая самооценка собственной готовности к «соблюдению правил и норм, стремлению профессионально выполнять свою работу» (50%), у работающих такое поведение встречается несколько реже (31%). Готовность «строить свой бизнес, стремиться быть лидером» значимо чаще выбирается студентами (35%), чем работающей молодежью (15%) (при $p < 0,002$), что согласуется с вышеописанными особенностями выбора приоритетности социальных идентичностей обучающейся молодежи. Сравнительный анализ полученных нами эмпирических результатов частично подтверждает данные, представленные в монографии М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги (2010) [18]. Так, авторы указывают, что для молодого поколения свойственны сочетание неустойчивости мировоззренческих и правовых ориентиров, нечеткости моделей государственной власти и выбор паттерна поведения, который опирается на собственные представления, имеющиеся возможности и стратегии самореализации. Опираясь на выделенные авторами социальные типы российской молодежи, мы можем констатировать, что среди молодых крымчан в большей степени представлены «исполнительный» и «пассивный» типы поведения. То есть, это молодые люди, ориентированные на участие в жизни общества и государства в качестве квалифицированных специалистов-исполнителей. Около трети молодых крымчан склонны к проявлению скептицизма, индивидуализма, негативизма к системе социальных отношений. Дополнительно респонденты назвали присущие им конкретные формы социальной активности: учеба, работа, живое общение с друзьями, сокурсниками, сослуживцами, общение в интернете, проведение форумов, посещение культурных мероприятий (театр, кино, музеи), походы и путешествия, отношения, знакомство с новыми людьми, поиск любимого дела, познание себя и мира вокруг себя, получение нового опыта, «участие в обмене мнениями с другими людьми в социальных сетях», поддержание правопорядка («прошу других соблюдать нормы: не мусорить, не шуметь и т.д.).

Далее, участникам исследования было предложено выбрать один из вариантов ценностных ориентаций (Таблица 3).

Респонденты в процессе обратной связи отмечали, что испытывали трудности при выборе только одного варианта в выборе ценностных ориентаций. Но поскольку в опросном листе была предусмотрена возможность конкретизировать свой выбор, то многие этим воспользовались. Список обширен и многое в нем повторяется, поэтому приводим лишь наиболее характерные ценности: свобода, личность, друзья, здоровье, доброта, развитие, «возможность прожить жизнь

счастливо», семья, дети, любовь, взаимоотношения и взаимоуважение, радость и положительные эмоции, внутренняя гармония, финансовая (материальная) стабильность и независимость, заработок (материальное благополучие), эмоциональная стабильность, профессиональное развитие, карьера, достижения (успех), становление в будущем (самореализация), самодостаточность, творчество, радость от самой жизни, самостоятельность, познание нового, свобода в получении информации, «свобода общаться с тем, с кем хочется и не заставляя себя общаться с неприятными людьми», волонтерская деятельность.

Таблица 3

Приоритетность ценностных ориентаций n=200

Ценностные ориентации	О n=100 в %	Р n=100 в %
а) независимость мышления и действий (выбор, создание, исследование), новизна и вызов в жизни	15	30
б) личный успех, престиж и социальный статус, в соответствии с социальными стандартами общества, контроль или доминирование над людьми, владение ресурсами	15	25
в) безопасность, гармония и стабильность в обществе, во взаимоотношениях, спокойствие и сдержанность в действиях, избегание склонностей и импульсов, которые могут расстроить или причинить вред себе и другим, нарушить социальные ожидания или нормы; уважение к идеям, ценностям и обычаям, характерным каким-либо культурам, религиям	10	35
г) сохранение и повышение благосостояния тех, с кем нахожусь в частом личном контакте; понимание, признательность, терпимость и защита благополучия всех людей и природы	0	0
д) разнообразие и непредсказуемость жизни, незабываемые впечатления, насыщенная духовная жизнь	60	10

При сопоставлении обозначенных форм социальной активности (Таблица 2) и выбранных ценностных ориентаций (Таблица 3), с учетом их конкретизации, выяснилось, что эти данные вполне согласованы. Так, обучающиеся молодые люди более склонны считать ценностью независимость мышления и действий, принимают новизну и вызов в жизни (30%), считают важными личный успех, престиж и социальный статус, в соответствии с социальными стандартами общества, контроль или доминирование над людьми, владение ресурсами (25%).

Приоритетными эти ценностные ориентации признают только 15% студентов. Лишь 10% студентов приоритетной считают ценность безопасности, гармонии и стабильности в обществе, во взаимоотношениях, спокойствие и сдержанность в действиях, избегание склонностей и импульсов, которые могут расстроить или причинить вред себе и другим, нарушить социальные ожидания или нормы; уважение к идеям, ценностям и обычаям, характерным каким-либо культурам,

религиям. Но 35% работающих признают приоритетность именно этой ценности. Возможно, эти различия связаны с большей ответственностью и зрелостью. Очевидны также различия относительно приоритетности ценности разнообразия и непредсказуемости жизни, незабываемых впечатлений, насыщенной духовной жизни не столь очевидны (60% студентов и 10% работающих).

ВЫВОДЫ

Анализ результатов исследования представлений, взглядов, убеждений, эмоций и чувств студенческой и работающей молодежи Крыма, как отражения актуальной социально-политической и экономической ситуации, показал, что детерминантами особенностей политико-идеологической идентичности действительно является комплекс когнитивных и эмоционально-ценностных составляющих.

Высказанное в первой гипотезе предположение о различиях между студенческой и работающей молодежью в понимании сущности идеологии в целом и представлении о содержании конкретных идеологий не подтверждено. Представления об идеологии у большинства респондентов всей выборки поверхностны и несистемны, а различия выражены в том, что часть молодых людей воспринимает идеологии как что-то сугубо личное, другая часть, как общественное, государственное явление, не связанное с личным восприятием и отношением, третья часть – как отражение борьбы групп за власть и влияние.

Не подтверждена и часть гипотезы о предполагаемой взаимосвязи между представлениями обучающейся и работающей молодежи о сущности идеологии в целом, представлениями о содержании конкретных идеологий и направленностью гражданской, политической, трудовой активностью или соответствующими намерениями.

Независимо от понимания сущности идеологии и отношению к этому, а также от знания содержания разных идеологий, и студенты, и работающие молодые люди могут активно участвовать или совсем не принимать участие в политической жизни общества. И большинство молодых людей не склонны к этому. При этом некоторые различия между студентами и работающими все же есть – последние несколько более активны. Относительно стремления к лидерству и достижениям в трудовой деятельности, работающие значительно опережают студентов.

Независимо от идеологической компетентности, отношения к идеологиям и признания принадлежности к какой-либо из них, стремление к социальной активности, так как это понимается молодыми людьми, выражено очень сильно. И это подтверждает и конкретизирует вторую гипотезу исследования: названные молодыми людьми формы социальной активности полностью соответствует основным декларируемым ценностям.

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России FZEG-2023-0013 по итогам отбора, проведенного ЭИСИ для Крымского федерального университета им.В.И.Вернадского.

Список литературы

1. Селезнева А.В. Методология исследования политических представлений и ценностей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 2. – С. 42-53.
2. Бандурин А. П., Насибова И. Н. Ценностные и идеологические основания формирования и динамики патриотизма в молодежной среде современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-i-ideologicheskie-osnovaniya-formirovaniya-i-dinamiki-patriotizma-v-molodezhnoy-srede-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 30.10.2023).
3. Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М.: Аквилон, 2022. – 288 с.
4. Коджа Е. А., Лебедева Н. М., Галяпина В. Н., Лепшокова З. Х., Рябиченко Т. А. Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез // Психология. Журнал ВШЭ. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnye-otnosheniya-v-rossiyskom-krymu-empiricheskaya-proverka-treh-gipotez> (дата обращения: 26.11.2023).
5. Черный Е.В., Латышева М.А. Психологический анализ становления политико-идеологической и гражданской идентичности молодежи (на примере крымского региона) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskii-analiz-stanovleniya-politiko-ideologicheskoy-i-grazhdanskoj-identichnosti-molodezhi-na-primere-krymskogo-regiona> (дата обращения: 20.10.2023).
6. Славин Б. Какая идеология нужна России? [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2012. 7-13 марта. № 9. URL: http://lgz.ru/article/N9--6366---2023-11-24-/Kakaya-id%D0%B5ologiya-nuzhna-Rossii_18455/ (дата обращения: 09.12.2023)
7. Бызов Л. Где искать идеологию большинства? [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2012. 18 апреля. № 16. URL: <http://lgz.ru/article/N16--6366---2023-11-24> (дата обращения: 09.11.2023)
8. Мощелков Е.Н. Почему нужна государственная идеология в России (полемиические рассуждения) [Электронный ресурс] / Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Тематический выпуск кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время Т. 9. Вып. 1. – 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-nuzhna-gosudarstvennaya-ideologiya-v-rossii-polemicheskie-rassuzhdeniya/viewer-2023-11-24> (дата обращения: 07.12.2023)
9. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/11/21/pochemu-rossii-tak-neobkhodima-gosudarstvennaya-ideologiya.html> (дата обращения: 09.12.2023)
10. Майер А., Киселева А., Мухаметшина Е.. Министр юстиции начал дискуссии об отмене запрета на идеологию. Ведомости, 12 мая 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/12/974675-ministr-yustitsii-nachal-diskussiyu-ob-otmene-zapreta-na-ideologiyu> (дата обращения: 09.12.2023)
11. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/11/04/18955537.shtml> (дата обращения: 09.12.2023)
12. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 09.12.2023)
13. URL: <https://hramushakova.ru/index.php/news/hramnews/16301-доклад-святейшего-патриарха-кирилла-на-пленарном-заседании-xxv-всемирного-русского-народного-собора> (дата обращения: 09.12.2023)
14. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012 Т. 9, № 1 С. 43-70
15. Черная С. Е., Исследование политико-идеологической маргинальности студенческой молодежи [Текст] / С. Е. Черная // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2019. – Том 5 (71). – №4. – С. 102-118.
16. Тимкина К. В. Студенчество как особая молодежная группа // Вестник науки и творчества. 2016. №7 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studenchestvo-kak-osobaya-molodezhnaya-gruppa> (дата обращения: 23.11.2023).
17. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/?ysclid=lqlj0ho46319495230> (дата

обращения: 03.12.2023).

18. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

COGNITIVE AND EMOTIONAL-VALUES DETERMINANTS OF POLITICAL- IDEOLOGICAL IDENTITY OF WORKING YOUTH AND STUDENTS

Chernyi Y.V.¹, Latysheva M.A.², Chernaya S.Y.³

^{1,2,3}Taurida academy (academic unit) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

E-mail: ¹ cherney56@mail.ru; ² maralat@yandex.ua; ³ chernayasophia@gmail.com

The article analyzes state ideology in the context of empirical psychological research. The problem is relevant for society in general and for a number of humanitarian and social sciences. The study presents a part of a comprehensive research of the socio-psychological determinants of the political and ideological identity of Crimean youth. In particular, the authors present the results of a comparison of the cognitive and emotional-value foundations of political and ideological identity in heretofore students and working young people. In the article, the social scale and purpose become a criterion for systematizing the most typical and frequently repeated definitions of ideology among respondents. There are three main groups of young people's ideas about ideology: as a social, state phenomenon; as a group phenomenon that reflects the struggle of elites for power and influence; as a personal phenomenon that reflects peculiarities of political socialization. Analysis of young people's ideas and knowledge about the essence of ideology in general and about specific ideologies leads to understanding the reasons for the lack of ideological identity expression, political indifference and low electoral activity that is common among a significant part of young people. Only 12% of working young people and 6% of students believe that Russia needs a unified state ideology; the rest either have no answer to this question or deny such a need.

The results did not confirm the supposed differences between students and working young people in the cognitive and emotional-value foundations of political-ideological identity, in particular, in understanding the essence of ideology and knowledge about specific ideologies. It was proven that, regardless of the level of ideological competence, the attitude toward ideologies and recognition of belonging to any of them along with their admission and desire for social activity (the way that young people understand it) is strongly expressed. The study partially confirms and specifies the differences regarding priority value orientations in current and planned social activity, as well as in the very forms of real or expected civic, political, and labor activity. In particular, working youth are significantly ahead of students in the desire for leadership and achievement in the work force. At the same time, the forms of real social activity are fully consistent with the main declared values.

Keywords: ideology, political-ideological identity, social activity, priority social identity, value orientations, political choice.

The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the RF FZEG-2023-0013 based on the results of the selection carried out by the EISR for the V.I. Vernadsky Crimean Federal University

References

1. Selezneva A.V. Methodology for studying political ideas and values, *Vestn. Moscow un-ta. Ser. 12. Political sciences*, 42-53, **2**, (2011)
2. Bandurin A.P., Nasibova I.N. Value and ideological foundations for the formation and dynamics of patriotism in the youth environment of modern Russia // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, **4**, (2016) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-i-ideologicheskie-osnovaniya-formirovaniya-i-dinamiki-patriotizma-v-molodezhnoy-srede-sovremennoy-rossii> (access date: 10/30/2023).
3. Selezneva A.V. *Russian youth: a political and psychological portrait against the background of the era*, 288 p. (Aquilon, Moscow, 2022)
4. Kodzha E. A., Lebedeva N. M., Galyapina V. N., Lepshokova Z. Kh., Ryabichenko T. A. Intercultural relations in Russian Crimea: empirical testing of three hypotheses // *Psychology. HSE Journal*, **2**, (2019) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnye-otnosheniya-v-rossiyskom-krymu-empiricheskaya-proverka-treh-gipotez> (date of access: November 26, 2023).
5. Cherny E.V., Lатышева M.A. Psychological analysis of the formation of political-ideological and civic identity of youth (using the example of the Crimean region), *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*, **3**, (2019) No. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskii-analiz-stanovleniya-politiko-ideologicheskoy-i-grazhdanskoy-identichnosti-molodezhi-na-primere-krymskogo-regiona> (access date: 10/20/2023).
6. Slavin B. What ideology does Russia need? [Electronic resource], *Literary newspaper*, **9**, (March 7-13, 2012) URL: http://lgz.ru/article/N9--6360---2023-11-24-/Kakaya-id%D0%B5ologiya-nuzhna-Rossii_18455/ (access date: 12/09/2023)
7. Byzov L. Where to look for the ideology of the majority? [Electronic resource], *Literary newspaper*, **16**, (April 18, 2012) URL: <http://lgz.ru/article/N16--6366---2023-11-24> (access date: 11/09/2023)
8. Moshchelkov E.N. Why is a state ideology needed in Russia (polemical arguments) [Electronic resource] / Civilizations in the era of globalism. To the 75th anniversary of the birth of A.S. Panarin / *Thematic issue of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Moscow State University named after M.V. Lomonosov*, Electronic scientific publication Almanac Space and Time, **9 (1)**, (2015) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-nuzhna-gosudarstvennaya-ideologiya-v-rossii-polemicheskie-rassuzhdeniya/viewer-2023-11-24> (access date: 12/07/2023)
9. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/11/21/pochemu-rossii-tak-neobkhodima-gosudarstvennaya-ideologiya.html> (access date: 12/09/2023)
10. Mayer A., Kiseleva A., Mukhametshina E. The Minister of Justice began a discussion about lifting the ban on ideology. *Vedomosti*, (May 12, 2023) URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/12/974675-ministr-yustitsii-nachal-diskussiyu-ob-otmene-zapreta-na-ideologiyu> (date of access : 09.12.2023)
11. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/11/04/18955537.shtml> (access date: 12/09/2023)
12. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (access date: 12/09/2023)
13. URL: <https://hramushakova.ru/index.php/news/hramnews/16301-report-of-his-holy-patriarch-Kirill-at-the-plenary-session-xxv-world-Russian-people's-council> (access date: 09.12.2023)
14. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S.. Refined theory of basic individual values: application in Russia // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 43–70, **9**, (2012)
15. Chernaya S. E., Study of the political and ideological marginality of student youth [Text] / S. E. Chernaya

// Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology, 102-118, 5 (71), (2019).

16. Timkina K.V. Students as a special youth group // *Bulletin of science and creativity*, 7 (7), 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studenchestvo-kak-osobaya-molodezhnaya-gruppa> (access date: 11/23/2023).
17. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/?ysclid=lqlj0ho46319495230> (access date: 12/03/2023).
18. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Youth of Russia: a sociological portrait*. 592 p, (TsSPiM, Moscow, 2010).

Сведения об авторах

Аверьянова Т.А. – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры художественной обработки материалов, Институт строительства, архитектуры и искусства ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия, *E-mail: ata1981@mail.ru*, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3820-4538>

Батуро А. Н. – кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе – начальник научно-технического центра, ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Железногорск, Россия, *E-mail: batur@sisbpsa.ru*, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0446-2814>

Безрукова О. В. – аспирант кафедры социологических наук, ФГБОУ ВО Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, *E-mail: obezrukovvva@yandex.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5588-0349>

Быченко Ю. Г. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Россия, *E-mail: bychenkoug@gmail.com*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Ветхова М. Ю. – кандидат педагогических наук, доцент, старший методист МАУ ДО «Дворец пионеров и школьников им. Н.К. Крупской г. Челябинска», Челябинск, Россия, *E-mail: vethovamu@mail.ru*

Давлетшина Л. А. – кандидат социологических наук, начальник информационно-аналитического отдела Института развития образования Республики Татарстан, Казань, Россия, *E-mail: davletshina@bk.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1290-0431>

Емельянова И. Е. – доктор педагогических наук; профессор кафедры педагогики и психологии детства «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», Челябинск, Россия *E-mail: emelyanovaie@cspsu.ru*, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1438-5197>

Иванищева Н.А. – доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой географии и МПГД ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбург, Россия, *E-mail: Ivanicheva@list.ru*

Иванова А.А. – аспирант, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия, *E-mail: alenadruzhdina11@mail.ru*

Касатова Г. А. – кандидат педагогических наук, методист МАУ ДО «Дворец пионеров и школьников им. Н.К. Крупской г. Челябинска», Челябинск, Россия, *E-mail: gal-kasatova@yandex.ru*

Каукина О. В. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры художественной обработки материалов, Институт строительства, архитектуры и искусства ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия, *E-mail: olya.kaukina@mail.ru*

Корнейчук К. А. – главный специалист отдела прикладных исследований и инновационных технологий ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Железногорск, Россия, *E-mail: korneychuuk@gmail.com*, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5019-2184>

Коршак А.А. – преподаватель кафедры психологии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет» имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия, *E-mail: anyaturmasova@ya.ru*

Котлованова О. В. – кандидат педагогических наук, врач-психиатр, психотерапевт, «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», Челябинск, Россия, *E-mail: kovchel08@mail.ru* ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0602-9672>

Латышева М. А. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии, факультет психологии, Таврическая академия, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И.Вернадского», Симферополь, Россия, *E-mail: maralat@yandex.ru*

Лучинкина И.С. – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет» имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия, *E-mail: anyaturmasova@ya.ru*

Любякин А. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия, *E-mail: miss_luchinkina@mail.ru*

Мальцев А. В. – кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия, *E-mail: A.V.Maltsev@urfu.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8097-7863>

Мартинович Н. В. – кандидат технических наук, начальник отдела прикладных исследований и инновационных технологий ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Красноярск, Россия, *E-mail: martin-nv@mail.ru*, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3030-7153>

Солкина П. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры информационных технологий в креативных и культурных индустриях ФГАОУ ВО Сибирский федеральный университет, Железногорск, Россия, *E-mail: p-solkina@mail.ru*, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7529-2878>

Сыченко И. А. – инженер-программист, ООО «Демедиа», Челябинск, Россия *E-mail: IASychenko@mail.ru* ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3104-9432>

Расина Э.О. – преподаватель кафедры психологии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет» имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия, *E-mail: rasina.evelina@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-5939-3780>

Токарская Л. В. – кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия, *E-mail: liydmil@mail.ru*

Хохлов А. В. – кандидат педагогических наук, проректор по учебной и методической работе Института развития образования Республики Татарстан, Казань, Россия, *E-mail: avobr@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4794-1169>

Хурамушина А. З. – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник информационно-аналитического отдела Института развития образования Республики Татарстан, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, Казань, Россия, *E-mail: aigulsuf@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8384-0616>,

Чаликов С. А. – магистрант департамента психологии, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия, *E-mail: cialli@yandex.ru*

Ченская А. В. – практикующий психолог, самозанятый, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, *E-mail: chen83_01@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1799-23281>

Черный Е.В. – доктор психологических наук, профессор, зав.кафедрой социальной психологии, факультет психологии, Таврическая академия, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И.Вернадского», Симферополь, Россия, *E-mail: cherney56@mail.ru*

Черная С. Е. – психолог Международного факультета Ордена Трудового Красного Знамени Медицинского института имени С.И.Георгиевского, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И.Вернадского», Симферополь, Россия, *E-mail: chernayasophia@gmail.com*

Шелгинская В. А. – аспирант кафедры управления персоналом и социологии (факультет государственного и муниципального управления) Уральского института управления - филиала ФГБОУ ВПО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", Екатеринбург, Россия, *E-mail: victoria.shelg@yandex.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Безрукова О.В. ДОВЕРИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	3
Быченко Ю. Г. ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА	18
Хохлов А.В., Давлетшина Л.А., Хурамшина А.З. ОЦЕНКА МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	26
Шелгинская В. А. ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ, РЕАЛИЗУЮЩИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИВЕНТ-МЕРОПРИТИЯ	44

ПЕДАГОГИКА

Ветхова М.Ю., Касатова Г.А., Аверьянова Т.А., Каукина О.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА «СОДРУЖЕСТВО» НА БАЗЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ	55
Емельянова И. Е., Котлованова О. В., Сыченко И. А. ЛИЧНОСТЬ РЕБЕНКА В КОНЦЕПЦИИ АНТИХРУПКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	70
Иванищева Н.А. МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	77
Корнейчук К.А., Солкина П.А., Батуро А.Н., Мартинович Н.В. УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПУТЕМ ВНЕДРЕНИЯ ВЕДУЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ ИНДУСТРИИ 4.0 ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ПОЖАРАХ У ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ	94
Ченская А.В. КАТЕГОРИАЛЬНО-СИСТЕМНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	105

ПСИХОЛОГИЯ

Коршак А.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ АКТИВНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	121
Лучинкина И.С., Коршак А.А. КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ	128
Мальцев А. В., Любякин А. А., Чаликов С. А. ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СКЛОННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ	136
Расина Э. О. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО ОБРАЗА Я ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ	150
Токарская Л. В., Иванова А. А. ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ИМЕЮЩИХ СЕНСОРНЫЕ НАРУШЕНИЯ	164
Черный Е.В., Латышева М. А., Черная С. Е. КОГНИТИВНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ	175
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	190
СОДЕРЖАНИЕ	192

About the authors

Averianova T. A. – Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Metal Art, Civil Engineering, Architecture and Arts Institute Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, *E-mail: ata1981@mail.ru*

Baturo A. N. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Fire and Rescue Academy of EMERCOM of Russia for Scientific Work - Head of the Scientific and Technical Center, Zheleznogorsk, Russia, *E-mail: baturo@sibpsa.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0446-2814>

Bezrukova O. V. – PhD student of the Social Science Department Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, *E-mail: obezrukovvva@yandex.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5588-0349>

Bychenko Y. G. – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences of the Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russia, *E-mail: bychenkoug@gmail.com*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Chalikov S. A. – Undergraduate student, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia, *E-mail: cialli@yandex.ru*

Chenskaya A. V. – practicing psychologist, self-employed, Omsk, Russia, *E-mail: chen83_01@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1799-23281>

Chernyi Y.V. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Taurida academy (academic unit) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, *E-mail: cherney56@mail.ru*

Chernaya S.Y. – psychologist of the International Faculty of the Order of the Red Banner of Labor, Medical Institute named after S.I. Georgievsky, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "KFU named after V.I. Vernadsky", Taurida academy (academic unit) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, *E-mail: chernayasophia@gmail.com*

Davletshina L. A. – Candidate of Sociological Sciences, Head of Information and analytical department, Tatarstan Institute of Education Development, Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, *E-mail: davletshina@bk.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1290-0431>

Emelyanova I. E. – Doctor of Pedagogical Sciences; Professor, Department of Pedagogy and Childhood Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, *E-mail: emelyanovaie@cspu.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1438-5197>

Ivanishcheva N.A. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Geography and MPGD Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, *E-mail: ivanicheva@list.ru*

Ivanova A. A. – PhD Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, *E-mail: alenadrushina11@mail.ru*

Kasatova G. A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Metodist N.K. Krupskoy Palace of Pioneers and Schoolchildren, Chelyabinsk, Russia, *E-mail: gal-kasatova@yandex.ru*

Kaukina O. V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Metal Art, Civil Engineering, Architecture and Arts Institute Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, *E-mail: olya.kaukina@mail.ru*

Khokhlov A.V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Educational and Methodological Work, Tatarstan Institute of Education Development, Kazan, Russia, *E-mail: avobr@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4794-1169>

Khuramshina A. Z. – Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Scientist of Information and analytical department, Tatarstan Institute of Education Development, Republic of Tatarstan, Associate Professor, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan, Russia, *E-mail: aigulsuf@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8384-0616>

Korneychuk Ch. A. – Chief Specialist of the Department of Applied Research and Innovative Technologies of the Siberian Fire and Rescue Academy of EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk, Russia, *E-mail: korneychuuk@gmail.com*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5019-2184>

Korshak A.A. – lecturer of Department of Psychology, State Budget Education Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia, *E-mail: anyaturmasova@ya.ru*

Kotlovanova O. V. – Candidate of pedagogical sciences, psychiatrist, psychotherapist, "South Ural State University of Humanities and Pedagogy", Chelyabinsk, Russia, *E-mail: kovchel08@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0602-9672>

Latysheva M.A. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Taurida academy (academic unit) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, *E-mail: maralat@yandex.ua*

Luchinkina I.S. – Candidate of Philosophical Sciences, docent of Department of Psychology, State Budget Education Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia, *E-mail: miss_luchinkina@mail.ru*

Lyubyakin A. A. – PhD in Philosophy, Associate Professor, of the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, *E-mail: a.lyubyakin@mail.ru*

Maltsev A. V. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, *E-mail: A.V.Maltsev@urfu.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8097-7863>

Martinovich Nikolay Viktorovich – Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of Applied Research and Innovative Technologies of the Siberian Fire and Rescue Academy of EMERCOM of Russia, Krasnoyarsk, Russia, *E-mail: martin-nv@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3030-7153>

Rasina E.O. – lecturer of Department of Psychology, State Budget Education Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia, *E-mail: rasina.evelina@mail.ru*, <https://orcid.org/0000-0002-5939-3780>

Shelginskaya V. A. – Postgraduate student of the Department of Personnel Management and Sociology (Faculty of State and Municipal Administration), Ural Institute of Management - a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia, *E-mail: victoria.shelg@yandex.ru*

Solkina P. A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Information Technologies in Creative and Cultural Industries, Siberian Federal University, Zheleznogorsk, Russia, *E-mail: p-solkina@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7529-2878>

Sychenko I. A. – software engineer, LLC "Demedia", Chelyabinsk, Russia, *E-mail: IASychenko@mail.ru*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3104-9432>

Tokarskaya L.V. – Candidate of Psychology, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia *E-mail: liydmil@mail.ru*

Vetkhova M. Y. – Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Major Methodist N.K. Krupskoy Palace of Pioneers and Schoolchildren, Chelyabinsk, Russia, *E-mail: vethovamu@mail.ru*

CONTENT

SOCIOLOGY

Bezrukova O. V. TRUST AS AN ELEMENT OF THE SOCIAL CAPITAL OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS	3
Bychenko Yu.G. WAYS TO IMPROVE THE INFORMATION CULTURE OF CADETS OF THE MILITARY INSTITUTE	18
Khokhlov A.V., Davletshina L.A., Khuramshina A.Z. EVALUATION OF EDUCATION QUALITY MANAGEMENT MECHANISMS ON THE BASIS OF THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN GENERAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN	26
Shelginskaya V. A. FEATURES OF COMMUNICATIVE INTERACTION IN ORGANIZATIONAL MANAGEMENT IMPLEMENTING SOCIO-CULTURAL EVENTS AND FESTIVALS	44

PEDAGOGY

Vetkhova M.Yu., Kasatova G.A., Averianova T.A., Kaukina O.V. IMPLEMENTATION OF THE INNOVATIVE PROJECT "COMMONWEALTH" ON THE BASIS OF INSTITUTIONS OF ADDITIONAL EDUCATION AND SOCIAL REHABILITATION CENTERS	55
Emelyanova I.E., Kotlovanova O.V., Sychenko I.A. THE CHILD'S PERSONALITY IN THE CONCEPT OF ANTIFRIAGE EDUCATION	70
Ivanishcheva N.A. MOTIVATION OF THE PROFESSIONAL CAREER OF FUTURE TEACHERS AT THE REGIONAL PEDAGOGICAL UNIVERSITY	77
Korneychuk Ch.A., Solkina P.A., Baturo A.N., Martinovich N.V. IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF SPECIAL GENERAL EDUCATION THROUGH THE INTRODUCTION OF LEADING TECHNOLOGIES OF INDUSTRY 4.0 TO IMPROVE SAFE BEHAVIOR DURING FIRES IN CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION	94
Chenskaya A. V. CATEGORICAL-SYSTEM METHODOLOGY IN DOMESTIC PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH	105

PSYCHOLOGY

Korshak A.A. PSYCHOLOGICAL FEATURES OF MEANINGFUL ORIENTATIONS OF ACTIVE STUDENTS	121
Luchinkina I.S., Korshak A.A. COGNITIVE FEATURES OF AN INTERNET-ACTIVE PERSONALITY	128
Maltsev A. V., Lyubyakin A. A., Chalikov S. A. RELATIONSHIP BETWEEN INTRAPERSONAL CONFLICTS AND PROFESSIONAL INCLINATIONS OF PSYCHOLOGY STUDENTS	136
Rasina E.O. COMPARATIVE ANALYSIS OF STRUCTURAL AND CONTENT ELEMENTS OF INTERNET USERS' REAL AND VIRTUAL IMAGE OF SELF	150
Chernyi Y.V., Latysheva M.A., Chernaya S.Y. COGNITIVE AND EMOTIONAL-VALUES DETERMINANTS OF POLITICAL-IDEOLOGICAL IDENTITY OF WORKING YOUTH AND STUDENTS	164
Tokarskaya L.V., Ivanova A. A. RESEARCH ON HARDINESS OF STUDENTS WITH SENSORY DISORDERS	175
ABOUT THE AUTHORS	193
CONTENT	195